

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть I

Москва 1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

Редакционная коллегия:

П.А.Грязневич, Н.В.Елисеева (секретарь), Г.А.Зограф,
Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян (председатель), М.Б.Пиотровский,
Э.Н.Темкин (зам.председателя)

Анваров Акрам

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА
АНГЛИЙСКИМИ И ИНДИЙСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ (1812-1901 гг.).

Исследование Восточного Туркестана европейцами впервые приобрело целенаправленный и организованный характер в XIX в. Особая роль в этом принадлежит русским путешественникам. Вместе с тем, успехи русской науки в изучении Восточного Туркестана отодвинули на задний план аналогичные работы английских и индийских исследователей. В какой-то степени оказались в тени не только проникновение англо-индийцев в Восточный Туркестан, но и те военно-политические аспекты их работ, которые формировали специфические черты английской политики к северу от Индостанского субконтинента. Между тем, вопросы, касающиеся исследовательской деятельности англо-индийцев, ее обусловленность экономическими и политическими интересами Британской империи, организационные формы, специфика и история ее развития на протяжении всего XIX в. представляются важными для объективной оценки вклада английских и индийских путешественников в исследование данного региона. В изучении Восточного Туркестана английскими и индийскими исследователями можно выделить два этапа.

Начальный этап, 1812-1859 гг. Интерес Англии к этому региону обозначился главным образом в стремлении Ост-Индийской компании распространить свое торговое влияние на Центральную и Среднюю Азию. Первое путешествие с целью рекогносцировки было совершено в Восточный Туркестан Мир Иззет Уллой в 1812-1813 гг. по инициативе торгового представителя компании У.Муркрофта /1, с. 417/. Вслед за Мир Иззет Уллой Восточный Туркестан посетили ряд английских и индийских путешественников - А.Гарднер (1827 г., город Яркенд и Каргалык), Т.Томсон (1848 г., Каракорумский перевал), Ходжа Ахмет Шах (1852 г., Кашгар, Яркенд), братья Адольф, Герман и Роберт Шлагинтвейт (1856-1858 гг., Хотанский оазис, Кашгар, Яркенд, Куэнь-лунь), /2, с. 210-235/. В этот период путешествия англичан и индийцев носили спорадический характер и были плохо подготовлены в научном и организационном плане, иногда кончались трагически. На достаточно высоком научном уровне проводились исследования только тремя братьями Шлагинтвейт.

Существовало несколько причин, сдерживавших рекогносцировочную и исследовательскую деятельность англичан и индийцев:

а/ труднодоступность и отдаленность Восточного Туркестана от границ Британской Индии более чем на 500 миль; к тому же Кашмир и Ладак, через территории которых проходили удобные караванные пути, сохраняли независимый политический статус, вследствие чего англичане не имели свободного и безопасного доступа к рубежам Восточного Туркестана;

б/ в первой половине XIX в. Ост-Индийская компания и колониальные власти Индии основное внимание уделяли Персии, Афганистану и Средней Азии, где заметно усиливалось влияние России, что вызывало беспокойство в военно-политических кругах Англии. Поэтому Восточный Туркестан, находившийся под властью Цинской империи, занимал тогда незначительное место в восточной политике Британской империи /2, с. 328/;

в/ в известной мере исследовательская активность англичан сдерживалась подозрительностью китайских властей в отношении европейцев; английские путешественники постоянно сталкивались с нежеланием китайцев допустить их на имперскую территорию.

Второй этап (1860–1901 гг.) характеризуется резким ростом исследовательской активности англичан, кульминационный момент которой приходится на 1873–1874 гг. Был организован ряд результативных путешествий в Восточный Туркестан: в 1865 году Хотанский оазис обследовал сотрудник Большой тригонометрической службы Индии Джонсон, через три года Кашгар и Яркенд посетили член Королевского Географического Общества Г.Хейвард и коммерсант Р.Шау. Однако наиболее плодотворной в научном отношении явилась вторая миссия Д.Форсайта (1873–1874 гг.), в которой принял участие целый коллектив высококвалифицированных специалистов /3, с. 1–2/.

Особенностью этого периода является широкое привлечение к исследовательской работе выходцев из северо-западных провинций Индии. Так, в период с 1866 по 1874 гг. Восточный Туркестан посетили Мирза, Файз Бакш, Найн Синх, Кишен Синх. Их деятельность была настолько успешной, что сами англичане признавали весомый вклад индийцев в изучении Центральной Азии, в том числе и Восточного Туркестана. В 1877 году Найн Синх был награжден Золотой медалью Королевского Географического Общества /4, с. СХХІУ–СХХVІ, другой индийский путешественник Кишен Синх удостоился награды Географического Общества Италии, а правительство Британской Индии присудило ему почетное звание Рай Бахадур и ежегодную пенсию в размере 1850 рупий /5, с. ХVІ–ХVІІ/. Эти индийцы (извест-

ные как "пандиты" капитана Монтгомери), прошедшие соответствующее обучение, сумели проникнуть в недоступные для самих англичан районы Центральной Азии и собрать важную информацию о состоянии дел во Внутренней Азии.

Повышенный интерес англичан к Восточному Туркестану в этот период обусловлен следующими причинами:

а/ обострением англо-русского соперничества в Центральной Азии и усилением английской колониальной экспансии в этом регионе;

б/ возникновением самостоятельного государства Якуб-бека. Англичане увидели в этом заманчивую возможность создания плацдарма для усиления своего влияния в Центральной и Средней Азии /6, с. 320/;

в/ усилением экономического интереса Британской империи, чему в известной степени способствовали благоприятные отзывы Р.Шау и других английских путешественников о Восточном Туркестане как рынке сбыта британских товаров /7, с. 7-8; 8, с. CLXXVII-CLXXVIII/.

Однако, в целом военно-политические задачи все еще превалировали тогда в планах англо-индийских служб, определявших направленность и интенсивность рекогносцировок и иных акций в Восточном Туркестане.

-
1. В.В.Григорьев. "Землеведение". К.Риттера. - Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. СПб., 1873.
 2. H.C.Rawlinson. England and Russia in the East. London, 1875.
 3. T.D.Forsyth. Report of a Mission to Yarkand in 1873. Calcutta, 1875.
 4. The Journal of the Royal Geographical Society. London, 1877, v.47.
 5. S.I.Ravat. Indian explorers of the 19th century. Account of explorations in the Himalaya, Tibet, Mongolia and Central Asia. New Delhi, 1973.
 6. V.G.Kiernan. Kashghar and the politics of Central Asia. - The Cambridge Historical Journal. 1955, v.XI, №3.
 7. Беллью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873-1874 гг. СПб., 1877.
 8. The Journal of the Royal Geographical Society. London, 1869, v. 39.

ПРЕБЫВАНИЕ В МОСКВЕ ПОСОЛЬСТВА ХОСРОВ МИРЗЫ В 1829 г.
(по материалам дневника Мирзы Афшара "Рузнаме-йе сафар-е
Петерзбург" и русским источникам)

Посольство Хосров Мирзы было послано в Россию в 1829 г. с целью предотвратить военный конфликт между Ираном и Россией после разгрома русской миссии в Тегеране и убийства русского полномочного министра А.С.Грибоедова. Отправлению посольства предшествовала довольно длительная переписка между правительствами двух стран. Россия настаивала на наказании главных виновников "тегеранского преступления" и на присылке кого-либо из принцев крови с извинениями. Иран был согласен с этими требованиями, но никак не мог решить, кого из каджарских принцев послать в Петербург. Сначала наследник престола Ирана - Аббас Мирза - думал ехать в столицу России сам, потом решил послать своего старшего сына Мухаммад Мирзу, но Фатх Али Шах, изменив это решение, повелел направить в Россию Хосров Мирзу. Об этом решении русское правительство было уведомлено через наместника Кавказа графа И.Ф.Паскевича.¹

Глава искупительного посольства Хосров Мирза был седьмым сыном Аббас Мирзы.² К моменту поездки в Петербург во главе миссии Хосров Мирза уже имел некоторый опыт дипломатической службы. Он, по сообщению И.О.Симонича, сопровождал отца на переговорах в Дей Каргане в 1827 г., где был представлен И.Ф.Паскевичу.³ По воспоминаниям графа П.П.Сухтелена, сопровождавшего посольство в Петербурге, принцу было лет 16, он был красив, достаточно умен и "скоро сделался общим любимцем, начиная с самого государя".⁴ После возвращения в Иран Хосров Мирза был хорошо принят Фатх Али Шахом, чему в немалой степени способствовали результаты, достигнутые миссией в России - один курур контрибуции был прощен, а выплата второго отсрочена на 5 лет.⁵ Но позже судьба его сложилась трагично. Он активно участвовал в дворцовых интригах, за что был сослан и ослеплен по приказу Мухаммад Шаха, своего старшего брата, ставшего к тому времени шахом Ирана.⁶

Так как искупительная миссия Хосров Мирзы сыграла значительную роль в становлении более стабильных отношений между Ираном и Россией, то представляется важным подробнее остановиться на отдельных моментах пребывания миссии в России, в частности, на посещении посольством Москвы по дороге в Петербург и на обратном

пути в Иран. Москва являлась вторым по величине и значимости центром тогдашней России. К моменту прибытия посольства в Москву по отношению к Хосров Мирзе и его миссии уже сложились общественное мнение и официальная политика, что ярко проявилось в приеме, оказанном персидскому посольству и лично принцу.

Основными источниками для данной публикации послужили: дневник миссии, написанный Мирзой Афшаром, статья М.Г.Розанова, основанная на записках П.П.Сухтелена, статья А.П.Берже и некоторые официальные документы, собранные Кавказской археографической комиссией.

К сожалению, в дневнике Мирзы Афшара отсутствуют записи, относящиеся к обратной дороге из Петербурга до Тебриза, поэтому описание вторичного пребывания посольства в Москве основывается на русских источниках, в основном, на выписках из секретного журнала посольства и отрывках из писем генерала П.Я.Ренненкампа, которые вошли в статью М.Г.Розанова.⁷

Перед торжественным въездом в Москву персидское посольство остановилось в подмосковном селе Коломенском, где Хосров Мирзу, по словам М.Г.Розанова, - "при выходе из экипажа приветствовал краткой речью камергер Булгаков, а стоявший на дворе караул отдал честь". Мирза Афшар в своем дневнике уточняет, что кроме генерала Булгакова, принца приветствовал еще и князь Юсупов, который, как пишет А.П.Берже, постоянно сопровождал Хосров Мирзу при посещении Москвы. После обеда и отдыха во дворце села Коломенского принц, в специально для него высланном экипаже, запряженном восьмеркой лошадей и в сопровождении конницы, отправился в Москву. Следом за ним тронулась его свита в св их дорожных каретах.⁸

Когда подъехали к городской заставе, то, как пишет Мирза Афшар, "губернатор, комендант и полицмейстер, причем все они были генералами, приветствовали посольство, затем предоставили [в распоряжение] принца парадную императорскую карету, а для других знатных гостей - разукрашенные экипажи".⁹ Автор дневника, говоря о предоставляемых посольству дворцах для проживания, экипажах для езды, а также о посещении садов и парков, почти всегда добавляет эпитет "императури" - императорский, что, видимо, характеризует, с точки зрения перса, высшую степень уважения, проявляемую к посольству.

Итак, Хосров Мирза и его свита 25 мухаррама/14 июля 1829 г. въехали в Москву под орудийный салют. Как свидетельствуют А.П. Берже и М.Г.Розанов, церемониальный въезд и следование по Москве искупительного посольства Хосров Мирзы представляли собой весьма

живописное зрелище и осуществлялось в следующем порядке:

Впереди ехал полицмейстер с ординарцами для указания дороги.

За ним 24 жандарма с офицером, по два в ряд вдоль тротуаров, чтобы улицы не были загромождаемы народом.

Взвод жандармов с обнаженными саблями.

Рота гренадер с музыкой.

4 ездовых верхами и 6 конюхов.

8 заводных лошадей в богатом уборе.

Карета четырехместная с русскими переводчиками - поручиком Визировым, подпоручиком Кашпаровым и прапорщиком Кереоглановым.

4 коляски с прислугой и низшими чиновниками принца.

4 кареты, в 6 лошадей цугом, для высших сановников посольства.

Карета генерала П.Я.Ренненкампа, камергера Булгакова и переводчика Шаумбурга.

Взвод жандармов при офицере.

Затем шла карета принца, в 6 лошадей цугом, причем М.Г.Розанов специально отмечает, что карета была четырехместная и восьми-стекольная, а каждую лошадь вел придворный лакей.

По одну сторону кареты принца ехали обер-полицмейстер с чинами полиции и казаками, по другую - начальник жандармского эскадрона с двумя жандармами и один из адъютантов генерал-губернатора.

Взвод жандармов при офицере и 60 казаков замыкали шествие.¹⁰

Мирза Афшар отмечает, что на принца произвело впечатление то, что "одежда возницы кареты принца была украшена золотой цепью, а возницы амир-незама - серебряной".¹¹

Несмотря на то, что иранскому посольству был оказан весьма торжественный прием, генерал-губернатор Москвы князь Голицын, как пишет Мирза Афшар и не упоминают ни А.П.Берже, ни М.Г.Розанов, отказался участвовать в церемонии встречи принца, сославшись на то, что у него нет этот счет указаний из Петербурга. Хосров Мирза об этом был уведомлен заранее через П.Я.Ренненкампа, сопровождавшего посольство от Тифлиса. Принц вышел из этой ситуации весьма остроумно. Он, по словам Мирзы Афшара, проезжая мимо дома князя Голицына, послал человека, справиться о здоровье князя.

А.П.Берже уточняет, что этим человеком был переводчик Шаумбург. В ответ на эту любезность генерал-губернатор Москвы был вынужден выйти к принцу и поблагодарить его за внимание.¹² Причем Мирза Афшар сообщает, что князь Голицын проводил принца до отведенного посольству в качестве резиденции дома графини Разумовской, в то время как А.П.Берже и М.Г.Розанов пишут, что генерал-губернатор

прибыл в этот дом спустя некоторое время.¹³ У подъезда дома стоял почетный караул со знаменами. Здесь же находились комендант города и гражданский губернатор с членами городского управления, которые приветствовали принца с благополучным прибытием. При входе во внутренние покои Хосров Мирзу встретили именитые московские купцы и поднесли ему на блюде "хлеб-соль", а также фрукты и цветы.¹⁴

По словам Мирзы Афшара, богатое убранство дома произвело на Хосров Мирзу большое впечатление, он особо отметил, что в "доме была библиотека с книгами на разных языках, в том числе и на персидском".¹⁵

На следующий день после приезда Хосров Мирза отправился к генерал-губернатору князю Голицину для официального представления. Как указывает Мирза Афшар, ссылаясь на письмо графа В.К.Нессельроде к генералу П.Я.Ренненкампу, Хосров Мирзе и его свите было предписано оставаться в Москве около месяца, пока в Петербург не вернется Император.¹⁶

По сообщению двух основных источников, т.е. Мирзы Афшара и А.П.Берже, Хосров Мирза, отдохнув после дороги, решил посетить мать А.С.Грибоедова, что он и сделал без предварительного уведомления и скрыв свое намерение. Настасья Федоровна встретила его, "заливаясь горькими слезами". Принц, выразив соболезнования от имени Фатх Али Шаха и Аббас Мирзы, постарался утешить и успокоить ее, "такое искреннее соболезнование к положению г-жи Грибоедовой", как указывает А.П.Берже, "само собой разумеется, сразу же расположило москвичей в пользу принца".¹⁷ Этот визит нашел отражение в стихах графа Хвостова, посвященных одному из спутников Хосров Мирзы - придворному поэту Фазиль Хану, в них он писал:

"... внук царев державного Востока,

Едва узрел седмьхолмную Москву,

Средь быстрого любви и чувств потока,

Искал в ней мать - печальную жену".¹⁸

В последующие дни Хосров Мирза и его свита в дневное время осматривали достопримечательности Москвы, а вечерами посещали балы, устраиваемые в их честь. Почти каждый вечер они ходили в театр, в сопровождении, как пишет Мирза Афшар, князей Голицина и Юсупова.¹⁹

Из наиболее интересных мест, в которых побывали иранцы, следует отметить посещение Московского Университета, где Хосров Мирзе, как сообщает Мирза Афшар, предложили расписаться в книге почетных гостей.²⁰ А.П.Берже, уточняя это сообщение, пишет, что

принц вписал свое имя латинскими буквами и что это произошло 17 июля.²¹

Они также осмотрели военную школу училище, расположенную за городом в красивом здании, где, по свидетельству дневника, большое впечатление на принца произвели кухня и лазарет, в котором находилось несколько больных, которых Хосров Мирза спросил о здоровье.²²

Но наибольший интерес принца вызвал осмотр Кремля, стены и башни которого, по словам Мирзы Афшара, схожи с иранскими крепостями. В Оружейной палате знатные иранцы осмотрели коллекции драгоценного оружия, разных диковинок и одежды русских царей. Принца особенно заинтересовал матросский костюм Петра Великого, причем иранцы удивились скромной простоте этого наряда, никак не вязавшегося, в их представлении, с величием русского государя. Как пишет А.П.Берже: "Один из членов посольской свиты, рассматривая костюм, засмеялся, но Хосров Мирза, бросив на него строгий взгляд, заметил: "Если бы Петр не носил этого костюма, русские не имели бы флота, и земля их не была бы тем, чем она есть".²³ Потом персы осмотрели зал, где происходила коронация русских государей, а также жилые дворцовые покои, в которых останавливались русские самодержцы, когда бывали в Москве. Осмотрели арсенал и выставленные на улице наполеоновские пушки, число которых, по словам Мирзы Афшара, составляет 2 тысячи. Персы обратили внимание и на "царь-колокол"; Мирза Афшар пишет в своем дневнике: "Колокол, весящий 12 тыс. пудов, во времена Петра Великого был сброшен с Кремлевской колокольни и лежит на земле, и сколько после этого раз не пытались его поднять наверх, ничего не получалось".²⁴ В этом сообщении правильно назван только вес колокола, все остальные сведения носят явно легендарный характер, вероятно, они были получены автором из устных сообщений. На самом деле колокол был отлит в 1733-1735 гг. и сильно пострадал во время пожара 1737 г. Попыток поднять его на какую-либо колокольню никогда не предпринималось.²⁵ Отметим персы и то, что соборы Кремля украшены богаче других московских церквей, так как, по замечанию Мирзы Афшара, являются царскими.²⁶

Интерес персов привлек и, как написано в дневнике, закрытый учебный плац, вероятно имеется в виду Московский манеж, достигавший 250 шагов в длину и 100 - в ширину, не имевший в центре никаких опор и используемый для тренировок солдат в плохую погоду.²⁷

По приглашению князя Голицина, Хосров Мирза побывал на охоте, устроенной князем Шереметьевым в своем поместье. Мирза Афшар

отмечает, что в ней участвовала свора из примерно 300 охотничьих собак. "Принц несколько раз стрелял по зайцам и одного убил" - заключает он.²⁸

В целом, Москва произвела на персов большое впечатление. Как писал Мирза Афшар, большинство московских зданий построено из камня и обожженного кирпича; улицы замощены булыжником; по обеим сторонам которых установлены деревянные столбы со стеклянными фонарями, в которых имеются светильники с четырьмя фитилями. По ночам они так хорошо освещали улицы, что идущему по ним не было нужды в своем фонаре. Общее количество фонарей в Москве, по словам Мирзы Афшара, 7 тысяч.²⁹

Побывали персы и на учениях одной из московских пожарных команд; Мирза Афшар указывает, что в каждом квартале была своя команда, которая насчитывала приблизительно 50 человек, имевших топоры, пилы, ведра, приставные лестницы и насосы. На пожар выезжали на специальной повозке, запряженной 36 лошадьми.³⁰ Впечатление, произведенное на персов этим учением и организацией всего пожарного дела в Москве, говорит о том, что, вероятно, в Иране тушение пожаров было организовано иначе.

Посольство покинуло Москву, направляясь в Петербург, как отмечает Мирза Афшар, в четверг 5 сафара/25 июля на рассвете сразу же после бала.³¹ Эту же дату называет и М.Г.Розанов со ссылкой на донесение П.Я.Ренненкампа П.П.Сухтелену, указывая, что принц намерен выехать из Москвы 25 июля на рассвете.³² Эти данные не совпадают с датой приведенной А.П.Берже, который пишет, что это событие произошло около 20 июля.³³ Всего в Москве Хосров Мирза в первое посещение пробыл около двух недель, хотя, как отмечалось выше, первоначально посольству было рекомендовано В.К.Нессельроде оставаться в Москве около месяца. Этот скорый отъезд помешал принцу, как отмечает Мирза Афшар, побывать в гостях у "многих знатных людей, приготовивших в своих домах и поместиях "угощение" для принца, надеясь на длительное пребывание посольства в Москве".³⁴

Как уже упоминалось выше, сведения о пребывании Хосров Мирзы в Москве на обратном пути в Иран почерпнуты из дневника и писем барона П.Я.Ренненкампа, сопровождавшего принца в его путешествии по России.

Посольство добралось до Москвы в последних числах октября. Занятия принца и его свиты во время вторичного пребывания в Москве не слишком отличались от первого посещения, т.е., они ходили в театр и на концерты, на балы, устраиваемые в их честь москows-

кой знатью и делали многочисленные покупки. Как сообщал П.Я.Ренненкампф, он перед отъездом посольства из Москвы, решив сократить количество лошадей, выставляемых на каждой станции, "заключил контракт с подрядчиком о доставке части вещей в Тифлис по 10 рублей с пуда, вышло до 500 пудов, но" – горестно заключал генерал, – "число повозок уменьшилось не намного, так как персы закупили в Москве очень много вещей".³⁵

Из наиболее интересных посещений следует упомянуть осмотр государственного архива коллегии иностранных дел, где Хосров Мирзу особенно заинтересовали древние грамоты русские, турецкие и персидские, причем принц особо отметил прекрасный почерк персидских грамот, заметив, "что ныне в Персии не могут писать столь красиво". Из архива принц со свитой направились в Армянское училище Лазаревых, где воспитанники приветствовали Хосров Мирзу речами на трех языках – татарском, армянском и французском.³⁶

Осмотрев пивоваренный завод купца Даниельсона, принц решил основать такой же в Тебризе. Посетив фабрику шелковых изделий купцов Рогожных, Хосров Мирза удивился совершенству производства шелка и его низкой себестоимости. Купцы подарили ему свои лучшие образцы.³⁷ Интерес принца к шелковому производству, видимо, не случаен. Еще находясь в Тифлисе, он, по сообщению Мирзы Афшара, интересовался производством шелка, посетив тифлисскую шелкоткацкую мануфактуру, организованную европейцами Кастелла и Дидло. Мирза Афшар дает довольно подробное описание этой мануфактуры и процесса производства шелка. Об этой же мануфактуре есть сведения и у немецкого путешественника Иегера, посетившего Кавказ в 1825 г.³⁸ Вероятно, интерес Хосров Мирзы к производству шелка был вызван дороговизной европейских шелковых материй в Иране и, как говорил принц П.Я.Ренненкампфу, дешевизной шелка-сырца. Вполне возможно, что Хосров Мирза хотел организовать в Тебризе производство шелковой материи по западному образцу.

2 ноября, как отмечено в дневнике П.Я.Ренненкампфа, Хосров Мирза дал у себя обед на 60 персон, причем за каждым европейским блюдом следовало персидское. Искупительное посольство Хосров Мирзы, по сообщению М.Г.Розанова, вторично пробыло в Москве до 7-го ноября 1829 г.³⁹ в то время как А.П.Берже называет датой отъезда – 6-ое ноября.⁴⁰ Несовпадение ряда дат у А.П.Берже и М.Г.Розанова, вероятно, указывает на то, что они в некоторых случаях пользовались разными документальными источниками.

В заключение рассказа о пребывании посольства Хосров Мирзы в Москве можно привести слова Мирзы Афшара, написавшего, что

"Москва за 16 лет, прошедших со времени ее сожжения Наполеоном, отстроилась и стала еще краше, чем была до этого".⁴¹

-
1. АКАК. Т.7, с.693, № 679; с.691, № 674; с.691, № 675; Мирза Афшар. Рузنامه-йе сафар-е Петербург, список опубликован в сб. Нашрийе-йе вазарат-е харидже. Тегеран, шахривар 1345/1966 г., с. 185.
 2. А.П.Берже. Хосров Мирза, персидский принц. - Русская старина, 1879, Т. 25, с. 333.
 3. И.О.Симонич. Воспоминания полномочного министра 1832-1838 гг. М., 1967, с. 46.
 4. М.Г.Розанов. Персидское посольство в России в 1829 г. (по бумагам графа П.П.Сухтелена). - Русский архив, 1889, кн. I, с. 209, с. 218.
 5. АКАК. Т. 7, с. 693, № 679.
 6. Ибрахим Таймури. Ваки'е-йе катл-е Грибаидуф дар заман-е Фатх Али Шах. - Нашрийе-йе вазарат-е харидже. Тегеран, шахривар 1345/1966 г. с. 175-176. Подробнее о Хосров Мирзе и о наиболее видных сановниках посольства см.: Ю.Д.Балаценко. К вопросу о составе искупительного посольства Хосров Мирзы в 1829 году в Россию. ПП и ПМКНВ, XX/I. М., 1986, с. 102-109.
 7. М.Г.Розанов, ук.соч., с. 232-234.
 8. М.Г.Розанов, ук.соч., с. 212; Мирза Афшар, ук.соч., с. 209; А.П.Берже, ук.соч., с. 341.
 9. Мирза Афшар, ук.соч., с. 209.
 10. А.П.Берже, ук.соч., с. 340; М.Г.Розанов, ук.соч., с. 212-213.
 11. Мирза Афшар, ук.соч., с. 210.
 12. Мирза Афшар, ук.соч., с. 209; А.П.Берже, ук.соч., с. 340.
 13. А.П.Берже, ук.соч., с. 341; М.Г.Розанов, ук.соч., с. 231.
 14. М.Г.Розанов, ук.соч., с. 213.
 15. Мирза Афшар, ук.соч., с. 209.
 16. Мирза Афшар, ук.соч., с. 210.
 17. Мирза Афшар, ук.соч., с. 212; А.П.Берже, ук.соч., с. 341.
 18. Хвостов. Стихотворение посвященное Фазиль Хану Шейда. - Русский Архив, 1889, кн. I, с. 240.
 19. Мирза Афшар, ук.соч., с. 214.
 20. Мирза Афшар, ук.соч., с. 211.
 21. А.П.Берже, ук.соч., с. 341.
 22. Мирза Афшар, ук.соч., с. 212.
 23. Мирза Афшар, ук.соч., с. 213; А.П.Берже, ук.соч., с. 341.
 24. Мирза Афшар, ук.соч., с. 214 и с. 213.

25. Путеводитель по Кремлю. М., 1960, с. 146.
26. Мирза Афшар, ук.соч., с. 213.
27. Мирза Афшар, ук.соч., с. 214.
28. Мирза Афшар, ук.соч., с.214.
29. Мирза Афшар, ук.соч., с. 305 и с. 304.
30. Мирза Афшар, ук.соч., с. 304.
31. Мирза Афшар, ук.соч., с. 215.
32. М.Г.Розанов, ук.соч., с. 213.
33. А.П.Берже, ук.соч., с. 342.
34. Мирза Афшар, ук.соч., с. 214.
35. М.Г.Розанов, ук.соч., с. 234.
36. М.Г.Розанов, ук.соч., с. 233.
37. М.Г.Розанов, ук.соч., с. 234.
38. Мирза Афшар, ук.соч., с. 192-193; М.А.Полиевктов. Европейские путешественники по Кавказу 1800-1830 гг. Тифлис, 1946, с.101-103.
39. М.Г.Розанов, ук.соч., с. 232-234.
40. А.П.Берже, ук.соч., с. 401.
41. Мирза Афшар, ук.соч., с. 215.

М.К.Басханов

КИТАЙСКИЙ ИСТОЧНИК XIX в. О РАЗГРОМЕ ГОСУДАРСТВА ЯКУБ-БЕКА В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

В русской и советской историографии проблемам изучения уйгуро-дунганского антицинского освободительного движения в Восточном Туркестане (1846-1878 гг.) и государства Якуб-бека (государство Иэттишер) традиционно уделяется повышенное внимание. Основной группой источников для рассмотрения широкого круга вопросов, связанных с историей государства Якуб-бека, по-прежнему являются труды русских и европейских, преимущественно английских, путешественников и исследователей. В последнее время наметился позитивный интерес к изучению турецких источников. Вместе с тем, узким местом для изучения истории государства Якуб-бека остается недостаточное знание собственно китайских источников, хотя, по степени важности содержащегося в них материала, по репрезентативности официальных оценок и взглядов цинского правительства на события в Восточном Туркестане в 60-70-е годы XIX в. они, безусловно, заслуживают самого пристального внимания.

Особый интерес представляет изучение китайского источника XIX в. "Цзо вэнь сянь гун цзоу шу" ("Доклады императору князя Цзо Вэньсяня").¹ Источник этот (далее - ЦВСТЦШ) упоминался в работах советских китаеведов, однако, для изучения государства Якуб-бека он почти не использован.

ЦВСТЦШ содержит информацию об официальной политике цинского правительства в отношении государства Якуб-бека, о материальной и военной подготовке войск Цзо Цзунтана к подавлению восстания в Восточном Туркестане. В источнике широко освещены военно-политические события, связанные с ликвидацией Иэттишера. Особую ценность представляет точная датировка, временной и географический охват основных событий.

Из источника следует, что разгрому государства Якуб-бека предшествовал длительный период, в ходе которого цинское правительство вело подготовку для ликвидации Иэттишера, преодолеvalo последствия тайпинского восстания, пыталось урегулировать ряд сложных международных проблем. К числу последних относилось и выяснение позиций Англии и России, которые уже имели определенный опыт политических связей с Якуб-беком, о чем цинский двор, безусловно, знал и учитывал, подготавливая военную экспедицию в Восточный Туркестан.

Ликвидация государства Якуб-бека была осуществлена в два этапа: первый - с 1874 по 1875 гг. и второй - с 1876 по 1878 гг. Перерыв между двумя этапами был вызван политическими событиями, связанными со смертью императора Тун-чжи и нехваткой материальных средств. Как указывается в источнике, покорение Восточного Туркестана было сопряжено с огромными материальными расходами, которые не могли быть полностью покрыты за счет внутренних ресурсов цинского правительства. Летом 1877 г. Цзо Цзунтан сделал в Цзунлиямэнь запрос относительно возможности крупного займа у английского банка в Шанхае. Размер займа составил 5 млн. лян.² Но иностранные займы не могли решить финансовых проблем правительства. Движение по разоренной территории, отсутствие баз снабжения требовали все новых и новых расходов. Осенью 1877 г., когда китайские войска уже были близки к выполнению поставленных целей, ситуация со снабжением армии продолжала оставаться тяжелой. В докладе Цзо Цзунтана от 23 ноября 1877 г. указывалось, что для снабжения вновь прибывших в Синьцзян четырех батальонов правительство выделило всего 6 тыс. лян в месяц, что "явно недостаточно для удовлетворения минимальных потребностей солдат в питании" и что "войска уже задолжали казне 20-30 тыс. лян и 21 тыс. даней

зерна".³

Как видно из источников, оперативные планы маньчжуро-китайских войск при разгроме государства Якуб-бека были построены на основе учета реальной военно-политической обстановки, сложившейся в то время в Восточном Туркестане. Так, по замыслу Цзо Цаунтана, в первую очередь предполагалось захватить города Бэй-лу (Северного Сяньцзяна) - Гучэн, Урумчи, Манас. Это было обусловлено тем, что Якуб-бек имел в этих городах незначительные гарнизоны, а в других мелких городах их вообще не было. Кроме того, Цзо Цаунтан учитывал, что население городов Бэй-лу было враждебно настроено к Якуб-беку. Во вторую очередь следовал захват городов Нань-лу (Южного Сяньцзяна) - Турфан, Карашар, Куча, Курля, Аксу, где правитель Иэтишара имел сильные гарнизоны (Куча - 1500 чел., Курля - 660 чел., Аксу - 1500 чел.). В последнюю очередь предполагалось, сжав кольцо окружения, взять "четыре западных города" - Кашгар, Янгигисар, Яркенд, Хотан.

В ЦВСиШ указывается, что "Лю Цзиньтан (военачальник в армии Цзо Цаунтана. - М.Б.) первоначально хотел захватить Яркенд, а затем Янгигисар и Кашгар, но ввиду того, что в Кашгаре произошло восстание китайских солдат и населения решил не упускать момента и захватить город".⁵

Китайские войска двигались на Кашгар двумя колоннами. Из Аксу через Маралбаши выступили три пехотных батальона и конный отряд под руководством военачальника Юй Хуэня. Позже к колонне присоединился конный отряд Ду Сичжэня. Одновременно из Учтурфана выступила колонна китайских войск, состоявшая из шести конных знамен под командированием Хуан Ваньпэна и трех пехотных батальонов под руководством Бин Чжанцзюня. Обе колонны должны были соединиться у Кашгара в середине ноября 1877 года.⁶ Исходя из боевого состава маньчжуро-китайских войск, наступавших на Кашгар, их общую численность можно определить примерно в 7-8 тыс. человек. К этому времени в самом городе было сконцентрировано до 10 тыс. уйгурских и дунганских повстанцев. Таким образом, правительственные войска численного перевеса над восставшими не имели и последние были разгромлены в силу возникшей паники, дезорганизованности и отсутствия четкого руководства со стороны командования.

Как указывает источник, Кашгар пал 13 ноября, спустя четыре дня Лю Цзиньтан захватил Яркенд.⁷ После падения Кашгара предводитель восставших дунган Бай Яньху⁸ с остатками своего войска бежал на северо-запад. В погоню за ним был послан китайский отряд под руководством Хуан Ваньпэна. За командующим кашгарской

армии, сыном Якуб-бека, Бек-кули-беком и дунганским вождем Юй Сяоху, бежавшими на запад Кашгарии, в погоню были брошены войска Юй Хуэня, которые 15 ноября настигли часть беглецов (около 1500 тыс.).⁹ Однако захватить руководителей восстания карателям не удалось. 24 ноября остатки войск повстанцев и многочисленные беженцы перешли в пределы России в районе моста через реку Нарын. Как сообщает Цзо Цзунтан, "при переходе через горы замерзло около 100-200 мятежников. На мосту через Нарын их встретил русский воинский начальник, отобрал оружие и пропустил в русские пределы".¹⁰

Любопытные факты приводятся в ЦВГСИШ относительно инспектирования Лю Цзиньтаном резиденции Якуб-бека в Кашгаре. Ему были показаны захваченные члены семьи правителя Иэттишара, в том числе его многочисленные жены (из которых трое были китаянки), пятый сын девятнадцатилетний Ишан-бек и еще три его сына в возрасте от 14 до 4 лет. Среди военных трофеев в городе было обнаружено "семь крупных артиллерийских орудий", заряжавшихся с казенной части, четыре нарезные медные пушки, около 100 тайфур, 10 тыс. лошадей, а также большое количество разного оружия".¹²

В исторической литературе, посвященной государству Якуб-бека, практически отсутствуют данные, относящиеся к политике цинского правительства в отношении иностранных подданных, оказавшихся в пределах Иэттишара в период завершения разгрома уйгуро-дунганского восстания. Вопрос этот представляет определенный интерес. Среди иностранцев были подданные Англии, России, ряда других европейских и азиатских государств: военные советники, торговцы, ученые и религиозные деятели.

Как указывает источник, в "Яркенде был обнаружен английский торговый агент Абдул Исмаат и с ним девять торговцев. В Хотане оказалось более 1700 кашмирцев, свыше 2000 бадахшанцев, 150 калапурцев и еще около 1300 других иностранцев".

Что касается имущества иностранных купцов, которые вели свои торговые ситуации в пределах Восточного Туркестана, то как указывается в ЦВГСИШ, "оставшиеся в целости товары (то, что уцелело после грабежа, учиненного китайскими войсками и отходящими повстанцами. - М.Б.), Лю Цзиньтан приказал держать под охраной в лавках, чтобы воспрепятствовать их разграблению со стороны солдат и населения. Он позволил Абдул Исмаату увезти оставшиеся товары на родину. Абдул Исмаат попросил однако повременить с отправкой каравана до наступления весны, когда горные перевалы будут свободны от снега".¹³

В отношении иностранных подданных применялся принцип выборочного освобождения при условии, что иностранец не был связан с восставшими. "Всего, — отмечается в источнике, — Лю Цзиньтан пощадил свыше I тыс. человек из западных и мусульманских стран, которые занимались торговлей и не помогали мятежникам в сопротивлении правительственным войскам".¹⁴ Те же иностранцы, кого удалось опознать и предъявить обвинения в оказании военной помощи повстанцам, были временно интернированы. Источник, однако, не содержит данных о судьбе торговцев из числа русских подданных.

В рассматриваемом документе немало фактов, которые существенно расширяют современные представления о событиях, имевших место в Восточном Туркестане в 60–70-х годах прошлого века. Следует, конечно, учитывать классовую позицию автора источника, выражавшего реакционные взгляды военно-феодалных кругов цинского Китая, критически подходить к его оценкам событий и фактов. Данный документ существенно дополняет круг источников, освещающих историю государства Якуб-бека.

-
- I. Цзо вэнь сян гун цзоу шу. Шанхай, 1890 г.
 2. Там же, цз. 68, с. 2.
 3. Там же, цз. 69, с. 5.
 4. Там же, цз. 64, с. 3
 5. Там же, цз. 69, с. 7.
 6. Там же, цз. 69, с. 7.
 7. Там же, цз. 70, с. 6.
 8. Бай Яньху, один из организаторов дунганского восстания в Шэньси и Ганьсу, на заключительном этапе восстания взаимодействовал с Якуб-беком.
 9. ЦВГСЦШ, цз. 70, с. 6.
 10. Там же, цз. 70, с. 6.
 11. Там же, цз. 70, с. 8.
 12. Там же, цз. 70, с. 17.
 13. Там же, цз. 70, с. 17.
 14. Там же, цз. 70, с. 18.

Р.Н.Демин

"СУ ВЭНЬ" И "ЛИН ШУ" КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Практика историко-философских исследований диктует необходимость расширения понятия "источник истории философии", привлече-

ния ряда источников, находящихся обычно вне поля зрения историка философии. Проблемы источниковедения истории философии – область в историко-философской науке новая и наименее разработанная.¹ Необходимость разработки проблем источниковедения особенно остро ощущается теми историками философии, которые занимаются вопросами становления философии, ранними этапами ее развития и ее взаимодействием с наукой.

Одной из причин, обусловивших распространенность мнения о слабой связи философии и естественнонаучных представлений древнего Китая, является практика отбора, перевода и публикации источников по истории древнекитайской философии. Например, если обратиться к переводу моистского канона, опубликованного во втором томе собрания текстов древнекитайской философии, то обнаруживается, что текст канона опубликован неполностью. Целый ряд положений "Канона", в которых излагаются представления моистов о геометрии, арифметике и физике, опущен,² что лишает читателя возможности увидеть сам факт наличия физических и геометрических учений в древнем Китае, не говоря уже об их включенности в философские рассуждения. В том же собрании текстов имеется перевод главы "Вода и земля" из "Гуань цзы". В главе излагается учение весьма близкое, как уже отмечалось в зарубежной³ и советской литературе,⁴ к учению Фалеса о воде как начале всего сущего. К сожалению, глава переведена неполностью. Например, опущены места, в которых рассматриваются вопросы формирования органов у зародыша. Учение, изложенное в главе, взятое в контексте с опущенными местами, обнаруживает значительное сходство со взглядами Гиппона Самосского, не только считавшего, что начало всего вода, но и интересовавшегося вопросами эмбриологии (фр. А I4–I8).⁵ Следует отметить, что в издании текста, осуществленном Го Можо, Вэнь Идо и Сюй Вэйнем, к интересующему нас опущенному месту, приводится цитата из сочинения древнекитайского философа Вэнь-цзы, в которой он ссылается на мнение Лао-цзы о времени и последовательности формирования членов у зародыша, а также параллельное место из "Хуайнаньцзы" (гл. 7).⁶ Ло Гэн-цзе указывает еще два близких, на его взгляд, места: "Су вэнь" (гл. I0) и "Лин шу" (гл. 56).⁷

Известно, что досократовские философы уделяли много внимания медицине, особенно вопросам эмбриологии. Этих вопросов касались Алкмеон (А I3–I5, I7), Парменид (А 53, 54; В I7, I8), Анаксагор (А I07, I09, III), Эмпедокл (А 65, 67, 70 и др.), Филолай (А 27), Гиппон (А I4–I8), Диоген Аполлонийский (А 25–28),⁸ Демокрит (фр. 529–539),⁸ орфики (фр. 327).⁹ При этом внимание к эмбриологии со-

четалось с интересом к космогонии.¹⁰ Сходный интерес был свойствен также древнекитайским¹¹ и древнеиндийским мыслителям.¹² Очевидно, что практика перевода, при которой опускаются места, внешне не относящиеся к философии, не позволяет увидеть ряд сходных моментов в развитии, например, древнекитайской и древнегреческой философии.

Нам представляется, что мнение об античной философии как о философии-науке, высказываемое некоторыми исследователями,¹³ в известной степени обусловлено отбором источников по истории древнегреческой философии. В широко известном издании фрагментов досократиков Дильса содержатся фрагменты астрономического, метеорологического, математического, медицинского характера. Это объясняется тем, что Дильс исходил из "античного широкого значения термина "философия", поэтому фрагменты досократиков включают материал, относящийся к истории математики, медицины и т.д.¹⁴ На наш взгляд, подобный подбор материала сыграл немаловажную роль в утверждении за античной философией репутации философии-науки.

Распространенности мнения о слабой связи философии и науки древнего Китая способствует также слабое привлечение историками философии естественнонаучных сочинений. Так например, остаются вне поля зрения исследователей математический трактат "Чжоуби суань цзин", произведения астронома Чжан Хэна, сочинения по традиционной китайской медицине. Представляется, что при исследовании функционирования философских идей в обществе, степени распространенности тех или иных философских учений, а также при анализе философских оснований различных областей знаний и в ряде других случаев естественнонаучные сочинения служат неоценимыми источниками.

Весьма перспективным источником для исследования взаимодействия философии и науки древнего Китая является одно из древнейших медицинских сочинений Китая "Хуанди нэй цзин" (Ш-П века до н.э.), сыгравшее огромную роль в развитии китайской науки вообще и медицины в частности.¹⁵ Позднее памятник, формировавшийся под влиянием, прежде всего, натурфилософских школ инь-ян и у син, оказал воздействие не только на медицину, но и на философскую мысль.¹⁶ Историки науки¹⁷ и философии¹⁸ отмечают значение исследования медицинских теорий и сочинений для истории философии. Считается, что "Нэй цзин" является "для медицины тем, чем Четверокнижье для философии Конфуция".¹⁹ В обеих частях памятника, как в "Су вэнь", так и в "Лин шу", излагаются основные принципы традиционной китайской медицины, затрагиваются вопросы физиологии, патологии, анато-

мии, диагностики, хронобиологии. Отмечается, что в памятнике широко используются такие категории как дао, дэ, инь-ян, цзы жань.²⁰ Нам представляется, что наряду с анализом этих категорий, а также наряду с исследованием таких аспектов памятника как теория пяти элементов, связь духа (шэнь) и тела, обычно выделяемыми китайскими исследователями,²¹ заслуживают также внимания и такие проблемы как проблема научной рациональности, философские аспекты учения о норме, диалогическая форма памятника, логика вопросов и ответов, соотношение эмпирического и теоретического.

В связи с широко распространенными утверждениями об эмпирическом характере китайской медицины и малой теоретичности китайской науки вообще особый интерес представляет вопрос о степени теоретичности китайской медицины. Как отмечается, "новейшие китайские и западные исследования все больше демонстрируют высокую степень теоретичности этой науки".²² Подразумевая под теоретичностью "соответствие общетеоретическим философским и методологическим принципам древнекитайской культуры", делают вывод, что "можно считать установленным, что традиционная китайская медицина более теоретична, чем ее европейский аналог".²²

С нашей точки зрения для правильного решения вопроса о степени теоретичности китайской медицины необходимо сопоставление "Нэй цзин" и Гиппократовского корпуса, двух крупнейших памятников, лежащих в основе древнекитайской и древнегреческой медицины, тем более, что известно какое сильное влияние оказывали друг на друга древнегреческая медицина и философия. Историки науки уже затрагивали вопрос о сходстве и различии этих произведений,²³ сравнительный анализ которых требует учета истории их образования, так как недооценка исторического подхода к этому вопросу приводит к ошибкам. Так например, Э.Вейс видит отличие работ, входящих в состав "Хуанди нэй цзин" от Гиппократовского корпуса в том, что произведения греческой медицины были созданы, чтобы служить руководством для практикующего врача, в то время как китайские работы скорее были трактатами по натурфилософии.²⁴ При этом не учитывается гетерогенность состава как Гиппократовского корпуса, так и "Нэй цзин". Во-первых, Гиппократовский корпус – это собрание разнородных материалов, некоторые из которых также носят натурфилософский характер. Во-вторых, далеко не все трактаты, входящие в "Нэй цзин", являются теоретическими работами. В-третьих, забывается, что в то время, когда материалы "Нэй цзин" были впервые собраны в единую книгу, она не рассматривалась как теоретическая работа, а предназначалась, главным образом, для врачебной практики,¹⁰ и что

современный вид, например, "Хуанди нэй цзин су вэнь" - это результат обработки в III веке н.э.

Нам представляется необходимым выделить в памятнике хронологически наиболее раннее ядро, путем сравнения с более древней версией памятника, то есть с "Хуанди нэй цзин тай су", составленной Ян Шан-шанем при династии Суй, а также с учетом данных археологических находок. А затем сопоставить содержание выделенного материала с теми или иными хронологически близкими трактатами Гиппократовского корпуса.

Очевидно, что трудность использования естественнонаучных сочинений, в том числе и таких как "Хуанди нэй цзин", в качестве источников по истории философии заключается, прежде всего, в том, что для этого необходимы совместные усилия историков философии, астрономии, математики, медицины.

-
- I. Б.В.Емельянов. О природе историко-философских источников. - Философские науки. 1976, № 6, с. 92.
 2. Древнекитайская философия. М., 1972-73, т. I-2.
 3. J.Needham. Science and civilisation in China. vol. 2. Cambridge, 1956, с. 42.
 4. Ф.С.Быков. Зарождение политической и философской мысли в Китае. М., 1966, с. 155.
 5. H.Diels, Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin, 1934.
 6. Го Можо, Вэнь Идо, Сюй Вэйюй. Гуаньцзы цзицзяо. Шанхай, 1956.
 7. Ло Гэн-цзе. Гуань-цзы таньюань. Шанхай, 1931, с. 91.
 8. С.Я.Лурье. Демокрит, Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970.
 9. O.Kern. Orphicorum fragmenta. Berolini, 1922, с. 329.
 10. Ch.Kahn. Anaximander and the origins of Greek cosmology. N.Y., 1960, с. 202.
 11. Е.А.Торчинов. Даосское учение о женственности. - НАА. 1982, № 6, с. 101.
 12. S.Dasgupta. History of Indian philosophy. vol. 2. Cambridge, 1932, с. 273.
 13. В.У.Бабушкин. О природе философского знания. М., 1978, с. 20-21.
 14. Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 175.
 15. В.Г.Вогралик, Э.С.Вязьменский. Очерки китайской медицины. М., 1961, с. 20.
 16. Keiji Yamada. The formation of the Huang-ti Hei-ching. Acta Asiatica, Bulletin of the Institute of Eastern Culture, 36.

Tokyo, 1979, с. 67.

17. W.A.Heidel. Hippocratic Medicine. Its spirit and method. N.Y. 1941.
18. В.Т.Звиревич. Натурфилософский тип античных концепций человека. - Философские науки, 1982, № 2.
G.Vlastos. Equality and Justice in Early Greek Cosmologies. - Classical Philology, 1947, vol. XLII, №3, с. 168.
19. П.Юар, М.Ван. К изучению древнекитайской медицины. - В кн.: Из истории науки и техники в странах Востока. М., 1963.
20. В.С.Спирин. К характеристике древнекитайской натурфилософии. - Десятая научная конференция "Общество и государство в Китае". М., 1979, ч. I.
21. Чжунго чжэсюэ ши цзясюэ цзыляо хуйбянь. Пекин, 1964, ч. 2.
22. А.И.Кобзев. Теоретические основы китайской медицины. - В кн.: Современные историко-научные исследования: наука в традиционном Китае. М., 1987, с. 182.
23. J.Needham. Clerks and craftsmen in China and the West. Cambridge, 1970, с. 270.
24. Il.Veith. Some philosophical concepts of early chinese medicine. The Indian institute of culture. Transaction №4, Bangalore, 1950, с. 12-13.

Д.В.Ермаков

2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХАНБАЛИТСКИХ ТЕКСТОВ: "ШАРХ КИТАБ АС-СУННА" АЛ-БАРБАХАРИ¹

Значительная часть ханбалитской литературы X в. не дошла до нас. Степень изученности сохранившихся текстов низка. В настоящее время в полной мере об идеологии ханбалитства X в. можно судить лишь по двум введенным в научный обиход работам. Это "Шарх китаб ас-сунна" ал-Хасана б. Али б. Халафа Абу Мухаммада ал-Барбахари (847-941 гг.) и "Ал-Ибана ас-сагира" Ибн Батты ал-Укбари² (ум. 997 г.).

Работа ал-Барбахари появилась в 20-30-е гг. X в., в период наибольшей активности богослова. По-видимому, это единственное сочинение, написанное им.³ Известна лишь одна редакция текста, включенная в состав "Табакаат ал-ханабила" Ибн Аби Йа'ла.⁴ Тщательный анализ "Шарха" показал, что текст при кажущемся отсутствии композиции четко делится на введение и две части.

Во введении⁵ ал-Барбахари излагает ханбалитскую "крайнюю" концепцию новшеств. Он пишет: "Опасайся самых малых нововведений! Малые нововведения становятся большими. Так, новшества, появившиеся в этой общине, были поначалу малы и подобны истине (хакк). Те, кто совершил их, оказались обманутыми. Позднее они не смогли от них отказаться. Число нововведений тем временем росло, и они превратились в религию (дин), в которую уверовали люди. Тем самым они [люди] отошли от пути истинного и вышли из ислама".⁶ Объяснив об опасности любых нововведений, ал-Барбахари предупреждает: "Будь осторожен с каждым, чьи речи дошли до тебя, в особенности если это касается твоего современника. Не спеши, не принимай на веру от него ничего до тех пор, пока не убедишься и не увидишь, что об этом говорил кто-нибудь из сподвижников Пророка или ученый. Если ты нашел об этом предание (аср) с их слов, то придерживайся его..."⁷

Определяя две основные категории совершающих осуждаемые новшества, ал-Барбахари придерживается мнения, высказанного Ибн Ханбалем в "Китаб ас-салам" - существует два рода отступников: одни совершают нововведения по незнанию, из благих побуждений, другие делают это сознательно и поэтому гораздо опаснее первых. Снисхождения, однако, не будет ни тем, ни другим, всех их ждет гибель.⁸

Наиболее существенным во введении является заимствованное из 'акиды № 3 Ибн Ханбалю осуждение какого-либо толкования Корана и сунны пророка. Вслед за Ибн Ханбалем ал-Барбахари провозглашает безусловность принципа "не задавая вопросов "как?" и "почему?", распространяющихся на Коран и сунну.

В первой части работы⁹ автор, по сути дела, излагает основные положения традиционалистской концепции вероучения в интерпретации Ибн Ханбалю. Эта часть построена на цитатах 'акид № 1, 3, 4, 6. Наиболее часто цитируемой является 'акида № 3 (8 раз), за ней идет 'акида № 1 - два больших фрагмента, 'акида № 4 цитируется один раз. Выбор 'акиды № 3 в качестве опорного текста не случаен - по своему духу, направленности она оказывается наиболее близкой образу мыслей ал-Барбахари. В ней даны лучшие для ранней традиции формулировки положений, запрещающих толкование текстов Корана и сунны пророка, осуждающих применение любых рационалистических методов в обсуждении проблем вероучения, определяющих, наконец, ограниченные возможности человеческого разума ('акл). Именно эти, а также положения, разъясняющие ханбалитскую политическую доктрину, выбраны ал-Барбахари из 'акиды № 3. Из остальных 'акид выбраны формулировки понятий "вера" (иман), "религия" (дин), "сунна Пророка".¹⁰

Вторая часть ^{II} носит самостоятельный характер. Она важна для характеристики ханбалитства первой половины X в. и для понимания мировоззрения ал-Барбахари. Автор начинает ее размышлениями о причинах распространения нововведений. Высказывая традиционную точку зрения, он связывает раскол в общине с убийством халифа "Усмана: "Когда "Усман был убит, начались разногласия и нововведения. Люди разделились".¹² Однако в это время, по мнению автора, нашлись люди, отстаивавшие истину.

Настоящие бедствия постигли общину с началом третьего века ислама: "Времена переменились, люди стали другими. Распространились нововведения, появилось много призывавших сойти с пути истины и согласия. И было испытание (михна) во всем том, чего не признавал ни посланник Аллаха, ни его сподвижники. Проповедники призывали к расколу, а ведь Аллах запретил раскол. Все они призывали сообразно своему мнению и обвиняли в неверии того, кто был не согласен. Невежд, выходцев из черни, тех, кто лишен знания, ввели в заблуждение, соблазнили мирской жизнью, запугали наказанием в этой жизни. И люди последовали за ними, испугавшись за свою жизнь, желая ее благ. Сунну и приверженцев ее отвергли. Нововведения же стали явны и неисчислимы. Люди принялись по незнанию обвинять друг друга в неверии. Ввели в употребление суждение по аналогии (кийас). Подвергли сомнению разумом своим и мнением могущество Аллаха, его знамения, законы, повеления и запреты. То, что соответствовало их разуму (‘акл), они принимали, то же, что не соответствовало, они отвергали. И стал ислам редкостью, и стала сунна редкостью, а приверженцы ее редкие укрылись в домах своих".¹³

Это описание кризиса, охватившего мусульманскую общину в IX в., является одним из лучших в ханбалитской литературе. Примечательно, что ал-Барбахари считает именно этот кризис наиболее пагубным из всех, когда-либо случавшихся.

Описывая кульминацию кризиса периода михны, ал-Барбахари подчеркивает, что му‘тазилиты-джахмиты, главные виновники его, сумели добиться успеха благодаря большому числу сторонников, поддержке верховной власти, захвату маджлисов (ахз ал-маджалис) и распространению собственных сочинений (тауфир кутубихим). Хотя они и были побеждены при ал-Мутаваккиле, последователей их осталось так много, что малочисленным "поборникам сунны" пророка не одолеть их "и по сей день". Ал-Барбахари видит преемственность нового поколения "врагов сунны" в главном – в рассудочном толковании основ вероучения, обсуждении священных текстов, в избрании

разума ориентиром в делах веры. Имя этому "злу" - спекулятивная теология (калам), воинство его (джунуд) - "сторонники калама" (ас-хаб ал-калам).¹⁴

Нет сомнения в том, что это первая письменно зафиксированная реакция ханбалитов на появление аш'аритской школы спекулятивной теологии. Исходя из ханбалитской традиционалистской концепции вероучения, изложенной в ранних сочинениях IX в., можно было бы предсказать реакцию школы ханбалитов на возникновение аш'аритского калама.

Уже в "акиде" № 3, написанной в 30-40-е гг. IX в., Ибн Ханбал со всей решительностью критикует не столько частные положения му'тазилитского вероучения, сколько общую тенденцию школы к умозрительному схоластическому богословию. Вслед за ним ал-Барбахари считает, что: "Падение джахмитов-му'тазилитов произошло, поскольку они размышляли (факкару) о Господе, задавали вопросы "как?" и "почему?", оставили предание (аср), ввели в употребление суждение по аналогии (кийас) и судили о вере сообразно своему мнению (ра'й). Они погрязли в неверии. Перестали верить сами и стали склонять к неверию других. Дело дошло до того, что они отвергли существование атрибутов Аллаха".¹⁵

Первым шагом к заблуждению джахмитов-му'тазилитов стали размышления о боге, о предмете сокровенном, непознаваемом в принципе.

"Теологическая система аш'аритов использовала му'тазилитский метод доказательства для упрочения позиций суннитского "правоверия". Однако в лице наиболее консервативных представителей этого "правоверия"¹⁶ - ханбалитов сам ал-Аш'ари не мог не вызвать неприязни. В данном случае не помогли ни "Акида", выдержанная в чисто традиционалистском духе, ни объявление в программном сочинении "ал-Ибана" Ибн Ханбала главным религиозным авторитетом.

Именно калам, как наиболее опасная "ересь" эпохи, уходящая корнями своего метода в му'тазилитство или "джахмитство", оказывается в центре внимания ал-Барбахари. Разоблачитель нововведений, организатор и активный участник антишиитских выступлений в Багдаде первой половины X в. в своем единственном сочинении лишь четыре раза высказывает суждение о религиозной и политической практике шиизма, один раз критикует мистическую практику суфизма. Основное место в "Шарх китаб ас-сунна" отведено разоблачению калама и его метода, который, проникая в другие школы, способен, по мнению ал-Барбахари, разлагать их. Приговор ал-Барбахари окончателен: "Знай, безбожия, неверия, сомнений, нововведений, заблуждений и затруднений в вере не было бы, если бы не калам". Во вто-

рой части сочинения одно за другим следуют предостережения: "Опасайся калама и тех, кто к нему прибегает"; "Если ты решил держаться истины и пути людей Сунны, то опасайся калама и его сторонников".¹⁷

Обращает на себя внимание отсутствующее в ранних текстах IX в. и появляющееся у ал-Барбахари представление о малочисленности сторонников сунны. Причину этому ал-Барбахари видит в кризисе IX в., когда "сунна стала редкостью, а приверженцы ее редкие укрылись в домах своих".¹⁸ Одновременно появляется и другое объяснение. Опираясь на специально подобранные цитаты из Корана и хадисов, ал-Барбахари доказывает постоянный характер конфликта между сторонниками сунны и ее врагами: "Знай, люди всегда нападали на приверженцев истины и сунны, тех, кого Аллах ведет путем правильным, с помощью кого исправляет и возрождает традиции. Именно им предрек он быть малочисленными во время раскола".¹⁹

В "Шархе" находит особое выражение идея об избранности сторонников сунны пророка. Ал-Барбахари исходит из традиционного представления о разделении общины на хариджитов, мурджиитов, кадаритов, шиитов. Именно они производят 72 "секты", которые в свою очередь разделятся на 2800 "сект".²⁰ Деление на этом закончится.

Критерием причастности к шиитам ал-Барбахари объявляет отношение к Али, к хариджитам - отношение к несправедному правителю, к мурджиитам - толкование категории "вера" (иман), к кадаритам - отклонение от теории безусловности божественного предопределения.

Помимо этих частных критериев у ал-Барбахари есть один универсальный - отношение к сунне пророка. Именно он выдвигается им для генерального деления мусульманской общины на "приверженцев сунны" - членов той единственной группы, которая пользуется покровительством Аллаха, и всех остальных, охваченных страстями (ах-ва'), идущих на поводу "собственного мнения" (ра'й). Выбор сунны пророка ал-Барбахари обосновывает тем, что Коран не может быть таким критерием, поскольку к нему прибегают, им прикрываются и совершающие нововведения, сунна же признается только ее истинными почитателями.²¹

Идеалом приверженца сунны является религиозный пример пророка, его сподвижников и ранних авторитетов, воплощенный в понятии "первоначальная религия" (дин 'атик). Следуя этому идеалу, ал-Барбахари подробно описывает образ "правоверного" мусульманина. Он не стремится к "теоретической", книжной мудрости: "Знай, знание ('илм) - не из множества рассказов услышанных и книг прочитанных. Знающий ('алим) - тот, кто следует знанию ('илм), данно-

му Аллахом, и сунне, даже если он мало знает и мало читает".²²

Приверженец сунны, как член общины объединенных единой верой людей, несет ответственность за благосостояние своего семейства, обеспечивает сносное существование себе и своим родственникам, руководствуясь при этом правилами "экономической" этики. Кроме того, как "человек истинной веры", обладающий особым покровительством Аллаха, он обязан следить за состоянием дел в общине и, если это потребуется, выступать с наставлением (насиха). "Приказывать доброе и запрещать плохое" – священная обязанность, выполняемая "языком и рукой, но не мечом".²³ Мусульманин может отказаться от выступления с наставлением, если оно представляет опасность для его жизни.

Ал-Барбахари – сторонник послаблений (рухса) в выполнении тех или иных предписаний, если такие послабления оговорены в Коране и хадисах.²⁴

Истинный сторонник сунны подчиняется законной власти избранного "согласием" правителя-халифа, даже если тот не праведен, ибо неправедность халифа – его личное дело, за которое он и ответит самостоятельно. Греховность правителя не снимает с верующего обязанностей (фариды), вмененных Аллахом, не снимает она и обязанности подчиняться власти как таковой.

Ал-Барбахари впервые для ханбалитских авторов касается вопроса об отношении к окружению правителя: "Если ты видишь, что человек из окружения правителя выполняет предписания (фариды), то знай, что он сторонник сунны. Если ты видишь, что человек нарушает предписания, то знай, что это – сторонник страстей, даже если он и из окружения правителя".²⁵

Добропорядочный верующий избегает участия в смуте (фитна). Ал-Барбахари не оговаривает даже случая вовлечения мусульманина в смуту помимо его воли так, как это делает Ибн Ханбал в "Китаб ас-сунна". Мусульманин не общается со сторонниками калама, "горлопанами, меняющими свое мнение с каждым дуновением ветерка".

Сочинение ал-Барбахари демонстрирует безусловную приверженность автора ранней ханбалитской традиции. Осознанность этой приверженности проявляется в самом названии работы "Толкование книги о сунне", где под "Книгой о сунне" подразумевается, вероятно, либо одно определенное раннее ханбалитское сочинение, либо группа ранних ханбалитских текстов.

Вместе с тем, "Шарх" важен для понимания характера эволюции ханбалитской идеологии.

В ранних текстах, в "Китаб ас-сунна" Ибн Ханбала ("акида

№ 1), например, основное внимание уделено защите традиционалистских представлений о происхождении Корана и связанных с этой проблемой представлений о сущности Аллаха, его атрибутах, его волеизъявлении. В более поздней 'акиде № 3 разрабатывается вопрос о роли му'тазилитского калама, его метода. Проблема божественных атрибутов после поражения му'тазилитов уходит на второй план. "Шарх" уже целиком посвящен критике калама, как главного источника раскола общины, главной "ереси" эпохи, основанной на рациональном объяснении догматов веры. В связи с этим, в "Шархе" впервые дается традиционалистская формулировка категории "разум" ('акл), завершающая рассуждения о возможностях человеческого разума, начатых в 'акиде № 3.²⁶

Очевидно, что переход от разработки одной большой темы к другой вызван не столько внутренними потребностями развития школы, сколько настоятельной необходимостью защиты основ традиционализма от идей, способных эти основы поколебать. С этой точки зрения понятен выбор для критики му'тазилитской системы, в особенности положений о "справедливости" ('адл) Аллаха, происхождении Корана, как наиболее опасных, способных поколебать фундаментальные представления о божественном предопределении и о невозможности толкования не человеком, а богом созданного "священного писания". Понятна и критика сначала му'тазилитского, а затем аш'аритского калама, как метода, основанного на противоположном традиционалистскому способе религиозного мышления.

Именно критика позиций, враждебных традиционализму школ, вела к конкретизации, более широкому истолкованию основных положений и категорий вероучения. Характер эволюции ханбалитской идеологии является прямым подтверждением идеи о значении борьбы "еретических" и "ортодоксальных" течений в исламе, которая вела "к формированию господствующего мнения, к подробному раскрытию и более точному формулированию догматов ислама, к их систематизации".²⁷

-
1. Предлагаемая статья входит в серию, объединенную общей темой "Интерпретация ханбалитских текстов". См.: Правитель и община в "Муснаде" Ибн Ханбала. - Ислам: религия, общество, государство. М., 1984, 212-217; Ибн Ханбал и начало ханбалитства. - Религии мира 1984. М., 1984, 175-190; Нововведение-бид'а в раннеханбалитской идеологии. - ПП и ПИЧНВ, ХУШ/1. М., 1985, 144-150; Интерпретация ханбалитских текстов: "Книга о молитве" ("Китаб ас-салаат") Ибн Ханбала. - ПП и ПИЧНВ (в печати); Интерпретация ханбалитских текстов: раннеханбалитские 'акиды. -

ПШВ (в печати).

2. Ал-Барбахари в течение длительного времени (10-30-е гг. X в.) играл роль вождя (шайх ат-та'ифа) багдадского ханбалитства. О нем см.: Ибн Аби Йа'ла. Табакат ал-ханабила. Б.г., б.м., 18-45; Ибн Батта ал-'Укбари - видный теоретик раннего ханбалитства, выходец из купеческого рода г.'Укбара. Самый плодовитый ханбалитский автор Хв., ему принадлежит более 18 догматико-правовых сочинений, сборников хадисов. О нем см.: Табакат, П, 144-153.
3. В ханбалитских и неханбалитских работах нет ни одного упоминания других сочинений ал-Барбахари.
4. Табакат, П, 18-43.
5. Там же, 18-19.
6. Там же, 18.
7. Там же, 18-19.
8. Там же, 19.
9. Там же, 18-28.
10. Текстологический и источниковедческий анализ 'акид см.: Ермаков, 'Акиды.
11. Табакат, П, 28-45.
12. Там же, 28.
13. Там же, 28-29.
14. Там же, 27.
15. Там же, 30.
16. Мухаммад ибн 'Абд ал-Карим аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах (Китаб ал-милал ва-н-нихал). Ч.1. Ислам. Перевод с арабского, введение и комментарий С.М.Прозорова. М., 1984, 205.
17. Табакат, 17-18.
18. Там же, 28-29.
19. Там же, 31.
20. Книга о религиях, 16-17.
21. Табакат, 27.
22. Там же, 31.
23. Там же, 26.
24. Там же, 32.
25. Там же, 36.
26. "Разум появляется с рождением. Каждому человеку дается столько разума, сколько пожелает Аллах. Люди отличаются по разуму так же, как звезды на небе. От человека требуется в делах его ровно столько, сколько дано ему разума. Разум не приобретается, воистину, это дар Аллаха". В этой формулировке есть два момента, являющихся ключевыми для понимания традиционалистско-

го "прагматизма". Это признание божественного происхождения человеческого разума (‘акл), который вкладывается в человека при рождении, а не приобретается в результате накопления жизненного опыта. Функция разума связывается не с познавательной, мыслительной деятельностью человека, а с деятельностью в повседневной жизни. Дело (‘амал) – вот область применения разума, дарованного человеку (Табакат, II, 29–30). Такое отношение к происхождению и функции человеческого разума проходит через всю ханбалитскую литературу. Известный идеолог ханбалитства XIII в. Ибн Кудам считал, например, что область применения разума ограничена земными делами, растрачивать его на размышления о непостижимом бесполезно (Ибн Кудам. Тахрим ан-назар фи кутуб ахл ал-калам. Лондон, 1962, 18).

27. Книга о религиях, 16.

А.К.Камалов

"БИОГРАФИЯ" ПУТУ ХУАЙЭНЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ "СЕВЕРНЫХ ВАРВАРОВ"

В синологии в достаточной степени освещены внешнеполитические доктрины, определявшие характер контактов Китая с окружающим миром. Две из них выделены А.С.Мартыновым – изоляционистская доктрина и доктрина универсального благоустройства /4/. В основе обеих доктрин лежало противопоставление Поднебесной окружающему "варварскому" миру, на который, впрочем, в идеале распространялось мироустроительная власть императора. Единственным китайским правителем, который в своей практике несколько отошел от традиционных внешнеполитических доктрин, был, по мнению Эд.Пуллиблэнка, танский Тайцзун (627–649) /5, 37/. Несомненно, устремления Тайцзуна, как и у его предшественников, были направлены на расширение территории империи и подчинение соседних народов, в том числе кочевников. Именно ему удалось продвинуть далеко на запад границы империи. Успехи Тайцзуна стали возможны благодаря эффективности созданной им военной организации. и его политики в отношении "северных варваров".

В 630 г. борьба танской империи с Восточнотюркским каганатом завершилась подчинением тюрков. В том же году Тайцзун принял титул "небесный каган" (тянь кэ-хань), предложенный ему вождями подчинившихся тюркских племен /6/. В 647 г., при других обстоятельствах, сюзеренитет Тайцзуна признали телеские племена во гла-

ве с уйгурами, и он распространил на них, хотя и формально, имперское административное устройство, оставив во главе "варварских округов" телеских вождей. Тайцзун, становясь для северных кочевников императором ("табгач каган" орхонских надписей), одновременно был признан ими как верховный сюзерен, носивший тюркский титул "небесного кагана" (тенгри каган). Тем самым, было создано не унижающее кочевых вождей легитимное обоснование их вассально-союзнических отношений с империей Тан, включавшее их как равноправных участников в систему военных и политических действий Тайцзуна. Политика Тайцзуна в отношении "варваров" давала ему возможность использовать их в качестве инкорпорированных в танскую армию военных соединений или федератов империи, призванных защищать интересы своего сюзерена. Тюркские племенные ополчения, влившиеся в китайскую военную структуру, стали мощным орудием для реализации имперских замыслов. Известно, что тюркские войска приняли участие в походах Тайцзуна в Западный край и Корею. Другой функцией тюркских отрядов была защита границ империи от тех кочевников, которые остались вне сферы контроля танской администрации /I, Ia/.

Практика привлечения на службу северных "варваров" продолжалась и при преемниках Тайцзуна, вернувшихся к традиционным отношениям с северными соседями. Это в значительной мере было обусловлено изменениями, происшедшими в танской военной организации — упадком системы фубин и возникновением новых военных институтов. Система фубин была эффективной в условиях осуществления динамической наступательной внешней политики, характерной для правления Тайцзуна. Однако уже при Гаоцзуне (650—683) в изменившейся обстановке, после вторжения тибетцев и войск возрожденного тюркского каганата Кутлуга, она оказалась неспособной обеспечить защиту границ и была заменена регулярными армиями. Сложная проблема комплектования этих крупных армий решалась за счет пограничных племен. В результате, к середине 8 в. состав пограничных армий претерпел существенные изменения: их инородческий компонент значительно возрос, а личные связи между цзедуши и новой пограничной армией не контролировались центральным аппаратом империи. В отличие от эпохи Тайцзуна власть и влияние "варваров" в пограничных генерал-губернаторствах резко возросли. Нередко они занимали в пограничных провинциях командное положение.

Изменившаяся ситуация не могла не сказаться на отношениях пограничных командиров и придворных кругов, где укрепились подозрительность и неприязнь к плохо контролируемым пограничным во-

еначальникам. Опасения придворных были в какой-то степени оправданы. Среди цзедуши и их окружения, выходцев из тюрко-согдийской среды, вскоре выделилась группа, использовавшая новую ситуацию для попытки захвата верховной власти в империи. К ней принадлежали Ань Лушань, Ань Цинсюй, Ши Сымин, Ши Чао и некоторые другие командиры, ввергшие танскую империю в кровопролитную и опустошительную внутреннюю войну.

Однако существовала и другая, более многочисленная группа военачальников-инородцев, пытавшихся сохранить традиционную верность дому Тан и принявших самое активное участие в подавлении восстания Ань Лушаня-Ши Чао (755-763). Наиболее выдающейся личностью среди них был один из огузских (уйгурских) вождей, занявших видное положение в империи, Пугу Хуайэнь, судьба которого в известной мере отразила кризисную ситуацию распада установленных Тайцзуном личных и политических связей между аристократией части тюркских племен и императором-"небесным каганом".

Биография Пугу Хуайэня помещена в двух танских династийных историях и является основным источником информации о его жизни /"Цзю Тан шу", цз. 121; "Синь Тан шу", цз. 224/. Согласно сведениям, имеющимся в биографии, Пугу Хуайэнь происходил из знатного рода племени пугу(бугу) - одного из племен токуз-огузской (уйгурской) конфедерации, этнического ядра Уйгурского каганата (744-840). Дед Хуайэня Гэлань Баянь был главой (эльтэбиром) племени бугу. Его имя называется среди вождей токуз-огузских племен, подчинившихся Тайцзуну в 647 г. и утвержденных в должности тутуков /3, II4/. После смерти отца Или-чжо (Илиг-чора), убитого сородичами, потомок наследственных дуду(тутуков)Хуайэнь был взят на службу Тан. Подробное описание деятельности Хуайэня в биографии начинается с восстания Ань Лушаня. О ранних годах Хуайэня можно составить представление лишь из нескольких строк его доклада трону: "Мой род первоначально происходил из инородцев (фань-и) и из поколение в поколение жил на границе. Когда я достиг совершеннолетия, я получил от государя назначение и со срочными поручениями мчался в разные стороны; не думая о смерти и жизни, отстаивал границы" /I, 46/. С самого начала восстания Ань Лушаня, прославленный генерал танских пограничных войск Пугу Хуайэнь, возглавляя "сильных воинов фань и хань инородцев и ханьцев", находился в авангарде борьбы с повстанцами. Описанию многочисленных сражений, в которых он принимал участие, отводится большое место в биографии. Заслуги Пугу Хуайэня в разгроме восставших были несомненны, и это неоднократно подчеркивается историографами: "Его

заслуги в сокрушении неприятеля превышали [заслуги] всех генералов", "Суцзун, считая, что у Хуайэня большие заслуги, особо выделил его из всех генералов" /I, 2а, 26/.

Пугу Хуайэнь, спустя почти сто лет после подчинения его деда Тайцзуну, в течение которых произошли перемены и в степи, и внутри танского Китая, хранил верность империи. О преданности Хуайэня танскому дому можно судить лишь по одному эпизоду: Хуайэнь казнил своего сына за то, что он предпочел плен смерти на поле битвы. Заслуживает внимания сообщение источников о том, что 46 членов его рода погибли на "государевой службе" во время бедствий /I, 46/. Сам Хуайэнь писал в докладе, что "в девяти родственных родах из 10 человек не осталось ни одного" /I, 5а/. Под командованием Хуайэня служил другой его сын Чан, подвиги которого были отмечены императорским указом нарисовать его портрет и поместить его в галерею знаменитостей (лин янь-гэ) /I, 46/.

Танские династийные истории дают довольно подробные сведения о военной карьере Хуайэня. Не останавливаясь на перечислении всех его военных и чиновничьих должностей и почетных званий и титулов, отметим только, что, если в начальный период восстания Ань Лушаня он выполнял обязанности генерала пограничных войск и действовал под общим командованием военачальника-китайца, то ко времени его подавления он занимал пост помощника правителя Хэбэя и имел высшие китайские титулы.

Достигнув высокого положения в армии и сосредоточив в своих руках значительную реальную власть, Пугу Хуайэнь неизбежно возбуждал подозрения и недоброжелательность при дворе. Источники свидетельствуют о том, что Хуайэнь и ранее находился на подозрении. Еще в разгар сражений с повстанцами, Хуайэнь был оклеветан министром Ли Фуго, и дело "доходило до разрушения его дома" /I, 5а/.

Основой для обвинения Пугу Хуайэня в измене императору стали его родственные отношения с уйгурским каганом. При Суцзуне одна из дочерей Хуайэня была выдана замуж за уйгурского принца, наследовавшего в 759 г. трон под именем Бёгу-кагана (759-772). За уйгурских правителей были выданы три дочери Хуайэня, третья - после его смерти в 769 г. за того же Бёгу-кагана. Пугу Хуайэнь не только поддерживал близкие связи со своими этническими родственниками - уйгурами, но и пользовался у них большим авторитетом. В уйгурско-китайских отношениях в период восстания Ань Лушаня он играл роль посредника между китайцами и уйгурами. В 756 г. в составе китайского посольства он был направлен к уйгурам за военной помощью. В последующем, все конные подразделения уйгуров, ко-

торые прибывали на помощь танской династии, входили в состав армии Пугу Хуайэня.

Когда опасения Хуайэня навлечь на себя подозрение евнухов из-за своих родственных связей со степной аристократией оправдались, у него не оставалось иного выхода как поднять мятеж. Реальная власть и популярность среди войск позволили ему объединить военные силы кочевников – уйгуров, тибетцев, цянов, нула и угрожать императорскому двору в течение почти двух лет. Особенно опасное положение для империи он создал в 765 г., направив на Чань-ань по разным путям "варварские" войска численностью в 20 тысяч человек /I, 76/. Танской династии пришлось мобилизовать все силы на организацию сопротивления. Неизвестно, чем бы закончилось выступление Пугу Хуайэня, если бы не его внезапная смерть и последовавшая за ней борьба за главенство в его разноплеменных войсках, давшая возможность императорским силам отразить нападение.

Мятеж Пугу Хуайэня явился логическим разрешением тех противоречий, которыми характеризовалось положение высокопоставленного инородца в Китае в середине 8 в., пытавшегося совместить службу империи с сохранением статуса и влияния родовитого аристократа из кочевых племен "северных варваров". Стремление Хуайэня верно служить империи наталкивалось на новую реальность, в которой уже не было "небесного кагана", а ему отводилось традиционное место "варвара" на службе империи. Последнее ярко отразилось в характеристике Пугу Хуайэня, данной в его биографии: "Хуайэнь был человеком храбрым, решительным, немногословным и отзывчивым. Он решительно выступал против старших [по чину]... если с кем-то не соглашался, то непременно спорил с ним и вызывал его гнев" /I, 2а/, "по варварской натуре был свирепым, быстрым и несдержанным" /I, 4б/. Особенно усилена отрицательная нравственная характеристика Хуайэня в обработанном и сокращенном варианте биографии в "Синь Тан шу" ("Новой истории [династии] Тан"), куда историографы внесли несколько дополнительных эпизодов, призванных, на наш взгляд, обосновать бунт Пугу Хуайэня его "варварским" происхождением /2, 1732/.

Выступление Пугу Хуайэня (764-765) знаменовало собой окончательное крушение идей Тайцзуна о ханьско-"варварском" симбиозе в рамках единой политической структуры во главе с императором-"небесным каганом".

Источники и литература

1. Цзю Тан шу. Пекин, 1958, цз. 121. Я очень признателен проф.

Л.Н.Меньшикову за помощь, оказанную им при переводе "Биографии"

Пугу Хуайэня.

2. Синь Тан шу. - Сыбу бэйяо, цз. 224.
3. А.Г.Малаявкин. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. - Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980, с.103-126.
4. А.С.Мартынов. Представления о природе и мироустроительных функциях китайских императоров в официальной традиции. - НАА 1972, № 5, с. 73-82.
5. Ed.Pulleyblank. The An Lu-shan rebellion and the origins of chronic militarism in late T'ang China. - Essays on T'ang society. Leiden. E.J.Brill, 1976, p. 33-60.
6. Цзы чжи тун цзянь. Пекин, 1956, цз. 193, 6073.

Г.Х.Каплан

М.В.НИКОЛЬСКИЙ И ТАБЛИЧКИ БЛАУ

М.В.Никольский (1848-1917) - первый русский исследователь, у которого ассириология стала основной специальностью, хотя и не была средством существования. Он окончил Московскую Духовную Академию и зарабатывал себе на жизнь преимущественно преподаванием греческого языка в средних учебных заведениях Москвы. Только непродолжительное время преподавал в Московской Духовной Академии и Московском университете, читая курс ассириологии и еб-раистики. Это он экзаменовал Л.Н.Толстого по древнееврейскому языку. По рекомендации В.Ф.Миллера (1848-1913), выдающегося русского языковеда-индоевропеиста и фольклориста, читавшего курс истории Древнего Востока в Московском Университете, М.В.Никольский ознакомился с работами известного английского ассириолога А.Г. Сейса (1845-1933) по дешифровке и грамматике ассирийских текстов и самостоятельно овладел клинописью, что позволило ему в дальнейшем выпустить свои крупнейшие непреходящей ценности издания шумерских текстов из Лагаша, а также два свода урартских надписей, найденных в пределах России.¹

По инициативе М.В.Никольского в 1887 г. при Императорском Московском Археологическом Обществе была организована Восточная Комиссия. М.В.Никольский 9 лет был ее первым секретарем и редактором "Трудов" этой Комиссии. В задачи Восточной Комиссии входило изучение культур стран Древнего Востока, разъяснение среди

широких кругов общественности важности и необходимости для России создания музеев, собирания древних памятников, устройств экспедиций, археологических раскопок, а также исследования клинописных памятников, поскольку в древности клинопись была распространена и на территории нашего государства.²

По поручению Восточной Комиссии М.В.Никольский проводил большую работу по определению подлинности и ценности коллекций, включавших ассириологические материалы.

В 1888 г. Московским Археологическим обществом через посредство драгомана русского консульства в Багдаде, впоследствии члена-корреспондента Общества, Балтазара была получена коллекция бывшего врача турецкой миссии в Ираке доктора Блау. Цель пересылки была испытание археологического значения вещей. Восточная Комиссия поручила сделать это М.В.Никольскому. Коллекция насчитывала 212 единиц. Все вещи были из Месопотамии, в основном из развалин г.Урука по времени от начала III тыс. до н.э. до VIII в. н.э. М.В.Никольский распределил предметы по группам и составил каталог коллекции, причем обнаружил чрезвычайное богатство и разнообразие предметов.³

Ученый посвятил ряд статей отдельным памятникам из коллекции Блау. Самая известная из них "О сомнительных древностях из Месопотамии" посвящена двум табличкам (пластинкам) зеленого цвета из глинистого сланца с изображениями и надписями, в настоящее время известным в ассириологии как таблички Блау (см. фото 1а, 2а).⁴

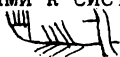
В свое время, представляя коллекцию д-ра Блау на заседании Восточной Комиссии, М.В.Никольский так характеризовал эти таблички: "Особенность надписей на них состоит в том, что они написаны не клинообразными и не линейными знаками, как все имеющиеся халдейско (т.е. вавилонско)-ассирийские надписи, а преимущественно теми иероглифами или символическими изображениями предметов, которые легли в основание позднейших клинообразных знаков. Подобных надписей не было найдено ни одной, но открытие их давно ожидалось наукой, т.к. происхождение клинообразных знаков из иероглифов считалось доказанным фактом... Если бы эти вещицы оказались при дальнейшем испытании подлинными, то они служили бы единственными памятниками самой древней эпохи халдейских письмен и халдейского искусства".⁵

Как же возникло сомнение в подлинности этих табличек?

В 1885 и 1888 гг. американский ассириолог В.Хэйс Уорд опубликовал две заметки об этих табличках, поместив фотографии, присланные ему д-ром Блау. Он отметил, что, возможно, это древней-

ший экземпляр уже известного вавилонского письма, тип письма наиболее архаический и наиболее приближающийся к первоначальному иероглифическому. Хейс Уорд указал, что надписи разделены вертикальными линиями на небольшие отрезки, содержащие от одного до трех знаков, которые следует читать сверху вниз, как в китайском (он несколько неточен: знаков бывает больше трех). Исследователь отмечает, что это согласуется с уже известным фактом, что ранее вертикальные знаки потом повернулись набок. В своей статье Хейс Уорд отметил, что известный немецкий ассириолог Фр.Хоммель (1854-1936) в письме к нему также отмечал чрезвычайную важность этих табличек. Оба исследователя не сомневались в подлинности этих документов.⁶

Крупный французский ассириолог И.Менан (1820-1899) на основании фотографий, опубликованных Хейс Уордом, признал обе таблички подделкой под памятники из шумерского государства Лагаш, в частности под известную "Стелу коршунов" (около 2400 г. до н.э.). Мнение Менана о подделке основано главным образом на том, что на нечеткой фотографии одной из табличек Блау Менан прочел якобы изуродованное имя Nin-gir-su, столь часто встречаемое в текстах из Лагаша, где это имя верховного бога. На самом деле в данной табличке упоминается другое имя, у которого с Nin-gir-su один общий знак nin (см. фото 1a).

Будучи уверенным, что перед ним подделка под тексты из Лагаша, Менан неправильно держал фотографию таблички при рассмотрении текста. Правда, этому, видимо, способствовало не только предубеждение Менана, но и форма таблички в виде колышка и расположение рельефов сверху вниз на оборотной стороне таблички (см. фото 1б). Это привело ко второму недоразумению. Ряд знаков, как утверждает Менан, нельзя признать подходящими к системе архаических знаков по их положению. Например, знак . Ведь в архаических текстах знак должен изображаться вертикально, повернутым направо, к началу чтения текста. Но это и имеет место в нашей табличке, если держать ее правильно по отношению к тексту. Относительно второй овальной таблички основным доводом в пользу ее подделки был знак (см. фото 2a), который Менан считал чуждым ассирийской системе письма. Ученый черезчур категорически утверждал, что он скопирован с недавно открытых хеттских надписей.

Окончательно укрепился в своем убеждении Менан, когда знаменитый египтолог Г.Масперо (1846-1916), увидев фотографии табличек, сообщил ему, что подобного рода залежалый товар ему предла-

гали в Каире, и вообще таблички такого рода имеются у многих торговцев древностями на Востоке.⁷

Итак, приведенные Менаном доводы в пользу подделки были далеко не бесспорные, на что очень деликатно, но убедительно указал М.В.Никольский в статье, посвященной табличкам Блау.

К сожалению, у М.В.Никольского не было в распоряжении статей Хейс Уорда, и он не знал, сколь близки были его точка зрения и мнение Хейс Уорда и Хоммеля.

У М.В.Никольского было, конечно, то преимущество по сравнению с Менаном, что он рассматривал не плохие фотографии, а держал в руках подлинные вещи. Он писал в своей статье: "Рассматривая с крайним любопытством бесчисленное количество раз эти предметы и каждый раз стараясь применить к ним все возможные формы скепсиса, мы в конце концов удивлялись именно тому странному обстоятельству, что при всей таинственности большей части знаков, в них не только нельзя найти ни одного существенного нарушения древнехалдейской системы расположения знаков, но напротив, в некоторых из них нам прямо бросалось в глаза изумительное совпадение с известными знаками при полном их иероглифическом характере. По теории вероятностей нельзя отрицать возможности подделки до тех пор пока не наступит фактический контроль подлинности. Этот контроль в подобных случаях бывает прежде всего чисто внешний, т.е. когда мы знаем, когда и где вещи найдены. В настоящем случае факторы этого открытия нам совершенно неизвестны. Нужен, следовательно, контроль внутренний. Он наступит тогда, когда мы будем иметь другие подобные же вещи, подлинность или подложность которых будет несомненна. Сличение же их со стелой ястребов (т.е. стелой коршунов) и вообще с открытыми де Сарзекон вещами, не может повести к твердым результатам. Они идут дальше, они захватывают эпоху, предшествующую той, которая характеризуется стелой ястребов. Но если это подделка, то нельзя не согласиться, что подделыватель не только был знаком с теми данными, которые добыты наукой, благодаря последним открытиям, но ему было известно и то, что еще предстояло ей открыть, так как он с удивительной художественностью и научной точностью создал фигуры и комбинации, еще подлежащие открытию".

10 сентября 1890 г. Московское Археологическое Общество направило коллекцию д-ра Блау в Эрмитаж на предмет ее приобретения. 30 апреля 1891 г. Эрмитаж уведомил Общество, что коллекция эта не подходит к кругу древностей, желательных для Эрмитажа и, следовательно, не может быть приобретена.⁸

Как отмечал помощник секретаря Восточной Комиссии С.С.Слудский, тут действовало, м.б., и то обстоятельство, что еще до прибытия коллекции из Месопотамии в Россию стала известна статья Менана. "Читая такой отзыв у иностранца, и никак не решаясь верить", как пишет Слудский, "пророку в своем отечестве, наши специалисты поспешили и печатно, и устно заявить свое предубеждение к коллекции несмотря на всю убедительную аргументацию М.В.Никольского".⁹

1 сентября 1891 г. в Лондоне открылся IX съезд востоковедов. Московское Археологическое Общество отправило на съезд сообщение о деятельности своей Восточной Комиссии, издание трудов этой Комиссии "Древности Восточные", месопотамскую коллекцию д-ра Блау с каталогом к ней М.В.Никольского и перевод статьи последнего в защиту подлинности рассмотренных выше табличек.

Коллекция д-ра Блау вызвала чрезвычайно большой интерес на съезде. Представлял ее председатель ассириологического отдела знаменитый Юлий Опперт (1825-1905). Съезд присудил д-ру Блау почетный отзыв и медаль за заслуги, постановив отправить эти награды через Московское Археологическое Общество в знак признательности за блестяще исполненную защиту подлинности вещей. Таблички Блау были куплены на аукционе в Лондоне и подарены Британскому музею все-таки как поддельные.¹⁰

И только в 20-30 гг. XX в., когда были обнаружены архаические тексты из Джемдет-Насра и Урука (XXIX-XXVIII вв. до н.э.) подлинность табличек Блау была доказана окончательно.¹¹ В настоящее время таблички Блау - предмет особой гордости прославленной клинописной коллекции Британского Музея.¹²

Таблички Блау пока не читаются, хотя все знаки в этих табличках можно отождествить с клинописными.

Овальная табличка Блау (фото 2а,б) трактуется в настоящее время как древнейший документ об отчуждении земли с изображением обряда ее передачи.¹³

А.А.Вайман, которому удалось расшифровать группу текстов из Джемдет-Насра, в частной беседе отметил, что таблички Блау и на фоне табличек из Джемдет-Насра и Урука выглядят очень необычно, например, по форме. Или они несколько более поздние, чем таблички из Джемдет-Насра, или происходят из другого региона. И, возможно, Масперо действительно видел подобные таблички у антикваров на Востоке. Тогда они не были оценены по достоинству и не нашли покупателя.

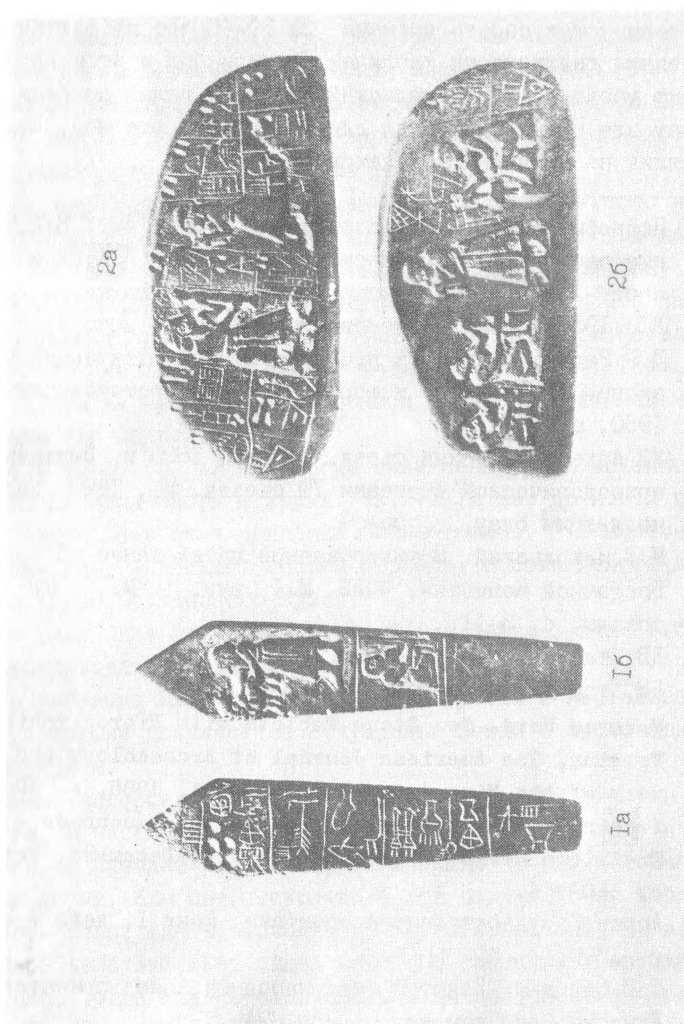
В заключение хочется отметить, что после собрания акад.Н.П.

Лихачева (1862-1936), коллекция д-ра Блау, возможно, была лучшей коллекцией по имевшемуся в ней месопотамскому материалу среди коллекций, когда-либо поступавших в Эрмитаж. И остается только сожалеть, что эта коллекция не была приобретена Эрмитажем, тем более, что русским исследователям не пришлось вести систематических раскопок на территории Месопотамии. Но мы вправе гордиться тем фактом, что наш первый ассириолог М.В.Никольский, самостоятельно приобщившийся к достижениям ассириологии, по своим знаниям и интуиции ученого не уступал большинству западноевропейских ассириологов своего времени. За 30-40 лет до фактического обоснования подлинности табличек Блау он был в этом внутренне глубоко убежден. М.В.Никольский страстно желал сохранить коллекцию Блау для России и сделал для этого все, что мог. Жаль, что его усилия не увенчались успехом.

-
1. Подробно о М.В.Никольском и его трудах см.: В.А.Тураев. Ученые заслуги М.В.Никольского. М., 1915; Л.А.Липин. М.В.Никольский - отец русской ассириологической науки. - УЗ ЛГУ, № 179, Л., 1954, серия востоковедческих наук, вып. 4, с. 317-323; Д.Г.Редер. Научная и публицистическая деятельность М.В.Никольского. - Очерки по истории русского востоковедения, сб. III. М., 1960, с. 70-110.
 2. УШ Археологический съезд. Москва, 1890 г. Выставка. Каталог археологической выставки УШ съезда. М., 1890, зал 8, каталог коллекции Блау, с. 55-69.
 3. М.В.Никольский. Мотивированное предложение об образовании Восточной Комиссии. - ДВ. М.И., вып. I. М., 1889 (1893). Протоколы, с. 3-II.
 4. ДВ, там же, с. II8-II6.
 5. ДВ, там же, Протоколы, с. 48-49.
 6. W.Hayes Word. Two Stone Tablets with Hieroglyphic Babylonian Writing, The American Journal of Archaeology and of the History of the Fine Arts. V.IV. Boston, 1888, с. 30-41.
 7. I.Menant. Deux fausses antiquités chaldéennes. - RArch. Troisième Série - Tome XII, Juillet-Decembre. Paris, 1888, с. 360-366.
 8. Архив Государственного Эрмитажа, фонд I, дело № 33, оп. V. г. 1890.
 9. С.С.Слуцкий. Девятый международный съезд ориенталистов в Лондоне, ДВ, там же, с. 360-374.
 10. A.W.King. A History of Sumer and Akkad. L., 1910, с. 65,

пр. 5.

- II. A. Falkenstein. *Archaische Texte Aus Uruk*. Berlin, 1936.
I2. The British Museum. *Writing in Ancient Western Asia. Its Origin and Development from Pictures to Letters*. L., 1965, илл. 4.
I3. История Древнего Востока. Т. I. М., 1983, с. 132, илл. 38.

СЛЕД ЭКСПЕДИЦИИ И.И.БИЛЛИНГСА (1785-1793 гг.)
В ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

8 августа 1785 г. Екатерина II подписала указ Адмиралтейств-коллегии "о назначении географической и астрономической экспедиции в северо-восточную часть Сибири", во главе которой был поставлен капитан флота И.И.Биллингс.¹ Маршрут поездки проходил вначале по суше через Якутск, Охотск и Колыму, далее - "ледовитым морем подле берегов" вокруг Камчатки с возвращением в Охотск, а затем - "плавание по Восточному морю к берегам американским".

В "наставлении" И.И.Биллингсу, подписанном членом Адмиралтейств-коллегии графом Чернышевым, указывалось, что главными задачами экспедиции были уточнение карт, обозначение неизвестных географических объектов, установление морских путей, выявление естественных богатств. Вместе с тем названный документ предписывал также сбор сведений о местных народах: уточнить, "как они называются и почему, много ли их числом, а паче мужчин; разведать о их богослужении, о обожаемых ими вещах ... также чем они питаются, какие имеют промыслы", "расспрашивать и точно наведываться о могуществе, числе, свойстве, упражнении и обычаях тех мест жителей", а также "делать словари их языков по сообщенному ... при сем образцу, стремясь сколько можно изображать на бумаге произношения их наречия латинскими и российскими буквами."²

Как же был выполнен этот пункт "наставления"? Кто из соратников И.И.Биллингса внес вклад в изучение народностей Сибири? Каков был этот вклад?

Среди участников экспедиции И.И.Биллингса не было представителей гуманитарных профессий. Несмотря на это, причастными к востоковедению оказались сам И.И.Биллингс, лейтенанты флота Г.А. Сарычев и Р.Р.Галл, штаб-лекарь М.М.Робек, натуралист К.Г.Мерк, секретарь М.Соур, "рисовальный мастер" Л.А.Воронин.

Иосиф Иосифович Биллингс (1761-1806 гг.) служил в русском флоте с 1783 по 1799 год. В период руководства экспедицией он, помимо официальной документации, вел подробные "дневные записки". После возвращения в апреле 1794 г. в Петербург он на основании этих записей подготовил работу, которую обозначил как "Журнал или поденник". В нее, в частности, вошел описательный материал о целом ряде восточных народов Сибири. В виде приложения к ней был дан "Краткий тринадцатилетний словарь, расположенный по

русской азбуке, в котором против языков русского, английского, французского и латинского показаны те же слова на языках северо-восточных народов". В словаре отразились лексические данные языков якутов, ламутов, коряков, юкагиров, тунгусов и др. В 1799 г. текст "англицкого подлинника" был переведен на русский язык переводчиком Адмиралтейств-коллегии Федором Васильевичем Каржавиным. В этом же году И.И.Биллингс был уволен на пенсию, а его рукопись по неизвестным причинам так и не была издана.³

Михаил Михайлович Робек (1754-1818 гг.) – швед по происхождению и врач по специальности – в период экспедиции собрал множество лексических образцов и впоследствии подготовил "Краткий словарь двенадцати наречий разных народов, обитающих в северо-восточной части Сибири и на Алеутских островах". Этот "русско-восточный" словарь автор разделил на четыре части, которые включили слова языков: якутов, ламутов и юкагиров (I часть), чукчей и коряков (II часть), камчадалов (III часть), алеутов (IV часть).

Натуралист Карл Генрих Мерк (умер в Петербурге в 1797 г.) по собственному "усердию" зафиксировал во время поездки примеры лексики языков айванов, камчадалов, кадьяков и других сибирских народов, на основании которых успел подготовить после возвращения в Петербург несколько "немецко-восточных глоссариев". Его материалы остались в рукописях и послужили ценными источниками для последующих исследователей.

Лейтенант флота Роман Романович Галл (умер в 1844 г.) в составе экспедиции И.И.Биллингса в 1791 г. совершил плавание по "Северо-восточному океану", во время которого вел дневник, в частности, описывая нравы и обычаи народов, живущих на побережье "в соседстве с Америкой".

Из всех участников экспедиции наиболее известен в истории науки Г.А.Сарычев. Выпускник Морского кадетского корпуса (1778 г.), квалифицированный картограф, будущий адмирал (1829 г.) Гавриил (Гаврила) Андреевич Сарычев (1763-1831 гг.) вместе с тем занимался литературной деятельностью, получив за нее в 1823 г. звание почетного члена Императорской российской академии.⁴ По материалам экспедиции им были подготовлены и изданы две работы, представляющие интерес и для востоковедов.

В 1802 г. он опубликовал сочинение под названием "Путешествие флота капитана⁵ Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении осьми лет, при Географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год".⁶

В основу этой работы были положены его записи периода пребывания в Сибири: среди них – об образе жизни, обычаях, нравах, религии, языках якутов, тунгусов, камчадалов, алеутов, чукчей, "американцев".

На страницах книги несколько раз упоминались казаки в роли толмачей, и приводилось следующее наблюдение: "из якутов очень редко кто говорит по-русски", в то же время "россияне, поселившиеся здесь, все без изъятия знают их язык", в результате чего "получают великую выгоду в торговле и промене товаров".⁷ По мнению Г.А.Сарычева, якуты произошли "от древнего поколения тех татар, кои не были еще магометанами", что подтверждают их облик и образ жизни. "Язык их, – замечает он, – так сходен с татарским, что бывший в экспедиции с нами татарин большую часть разговоров их мог разуместь без нужды".⁸

Любопытны приведенные автором сведения, отразившие ситуацию на русско-китайской границе 1789 г. Начинает он с того, что река Амур прежде принадлежала России, и в 1664–1689 гг. "козаки и промышленники собирали ясак со всех живущих по ней народам, до самого ея устья. По берегам ея построены города, остроги, деревни, и заведено хлебопашество. Земля сия плодородна, рыбы здесь изобильно, и поселяне жили в совершенном довольстве; со временем край тот мог бы сделаться благополучнейшею страню во всей России". Далее он характеризует позицию китайцев, которые, "завидуя вновь заводимым селениям и боясь может быть опасных для себя из того следствий, старались, сколько можно, воспрепятствовать распространению наших заведений, и посылали не малые войска для истребления оных. Но россияне храбро оборонялись до учиненного между нами и Китаем в 1689 г. трактата,⁹ которым оставлена за Россию верхняя только часть Амура, под именем рек Шилки и Аргуны", а от места их слияния и образования собственно Амура вся она "уступлена китайцам" с российским городом Албазином, теперь разоренным. Заключение следующее: "Китайцы от владения рекою Амуром не получают никакой пользы. Но есть ли б она до сих пор оставалась под Российскою державою, то мы без сомнения давно бы владели всем Восточным океаном, но и торги бы на сих морях могли производить несравненно выгоднее всех прочих европейских держав".¹⁰

В 1811 г. Г.А.Сарычев издал вторую работу, в отличие от первой основанную на свидетельствах других участников экспедиции: "Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога, и плавание капитана ^{II}

Галла на судне Черном орле по Северо-восточному океану в 1791 году".¹² Составитель ее вводил в научный оборот отрывки из журналов И.И.Биллингса и Р.Р.Галла и названный выше "Краткий словарь двенадцати наречий" М.М.Робека.

Воспитанник Академии художеств Лука Алексеевич Воронин (родился в 1765 г.) попал в экспедицию "по своему прошению", исполнял здесь обязанности "рисовального мастера" и в первую очередь чертил карты. Незнакомый край дал художнику интересные сюжеты: он рисовал людей (их облик, костюмы, орудия труда, ритуальные маски), а также "природные картины", или ландшафты, виденных им мест.

Выше назывались несколько иностранцев, которые в годы поездки и после ее завершения честно служили русской науке. Исключением был англичанин Мартин (Мартын) Соур (Зауер), служивший секретарем и переводчиком экспедиции (позже – биржевой маклер в Петербурге). Свои "бумаги", которые он обязан был сдать в Адмиралтейств-коллегию, и копии материалов других авторов он тайно вывез из России и самолично присвоил себе право приоритета на их издание. В 1802 г. в Лондоне вышла его работа, в которой были опубликованы описание путешествия, два "англо-восточных словарика" по сибирским языкам, а также упоминавшиеся официальные документы: указ от 8 августа 1785 г. и "наставление" И.И.Биллингсу. Книга была иллюстрирована рисунками, вероятно, Л.А.Воронина.¹³

Материалы экспедиции И.И.Биллингса попали в разные учреждения. Журналы, карты, деловая переписка были переданы в Адмиралтейств-коллегию. Многие из них в настоящее время хранятся в фондах ЦГА ВМФ СССР.¹⁴

В 1794 г. "из личного собрания Екатерины II" в Императорскую академию наук в Петербурге поступила "экспедиционная коллекция": вероятно, экспонаты по "натуральной истории".¹⁵

Материалы по сибирским языкам либо остались у их собирателей, либо были переданы академику Петру Симону Палласу (1741–1811 гг.), который был зоологом по основной специальности, но немало сделал и в области изучения языков. От него эти материалы попали к члену-корреспонденту Императорской академии наук (1809 г.) Федору (Фридриху) Павловичу Аделунгу (1768–1843 гг.) – собирателю и исследователю обширной коллекции словарей и грамматик. В настоящее время в его фонде¹⁶ хранятся следующие материалы участников экспедиции И.И.Биллингса: англо-якагирский словарь "из бумаг Биллингса"¹⁷ словарные материалы, собранные и оформленные М.М.Робек-ком,¹⁸ "немецко-восточные словари" и подготовительные записки к ним, принадлежащие К.Г.Мерку.¹⁹ Эти данные были использованы

Ф.П.Аделунгом в его работе "по языкам народов северо-восточной Азии и северо-западной Америки".²⁰

Приведенные выше сведения, собранные по крупицам в архивах и литературе, позволяют представить один из путей, каким пополнялась в XVIII в. источниковедческая база востоковедной науки, а также представляют новые имена людей, оказавшихся причастными к истории этой отрасли знания.

-
1. Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР /ЦГА ВМФ/, ф. 179 "Кабинет е.и.в. по морской части", оп. I, ед.хр. 131, с. 5-9; там же, ф. 214 "Северо-восточная географическо-астрономическая экспедиция капитана Биллингса", оп. I, ед.хр. I, л. 37-41 об.
 2. ЦГА ВМФ, ф. 214, оп. I, ед.хр. I, л. 11-33.
 3. Чистовая рукопись И.И.Биллингса - см. ЦГА ВМФ, №. 913 "Архив гидрографии; оп. I, ед.хр. 159, 215, 259.
 4. Члены Императорской российской академии (1783 г.) занимались изучением языка и литературы России.
 5. Г.А.Сарычев звание капитана получил в период экспедиции.
 6. Ч. I и ч. 2. СПб., 1802.
 7. Путешествие флота капитана Сарычева. Ч.I, с. 19.
 8. Путешествие флота капитана Сарычева. Ч.I, с. 21.
 9. В 1689 г. в Нерчинске был заключен первый русско-китайский договор о границах и торговле.
 10. Путешествие флота капитана Сарычева. Ч.I, с. 146-147. В книге впервые в русской литературе были опубликованы указ Екатерины II от 8 августа 1785 г. и данные о составе экспедиции.
 11. Р.Р.Галл звание капитана получил в период экспедиции.
 12. СПб., 1811. В работу вошли указ Екатерины II от 8 августа 1785 г., "наставление" И.И.Биллингсу, несколько карт и рисунков. Выдержки из нее в том же году были напечатаны в "Русском вестнике на 1812 год" (М., ч. 18, № 4, с. 65-80). Обе работы Г.А.Сарычева с некоторыми сокращениями и без словаря М.М.Робека были переизданы в 1952 г. - См. Г.А.Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.
 13. /M.Sauer/. An account of a geographical and astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia. London. 1802.
В том же году книга была переиздана в Париже и Берлине.
 14. См. прим. I, 2, 3.
 15. Т.В.Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии наук.

М.-Л., 1953, с. 175-176.

16. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М.Е.Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), ф. 7 Ф.П.Аделунга.

17. ОР ГПБ, ф. 7, ед.хр. 137.

18. ОР ГПБ, ф. 7, ед.хр. 131, 133, 136.

19. ОР ГПБ, ф. 7, ед.хр. 133, 137, 138.

20. ОР ГПБ, ф. 7, ед.хр. 141, 142.

Т.А.Пострелова

МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ СССР О П.Я.ПЯСЕЦКОМ

В советской синологической литературе¹ упоминание о Павле Яковлевиче Пясецком довольно редко, хотя о нем – ученом, враче, художнике, путешественнике – в дореволюционной литературе имеются сведения в энциклопедических словарях,² и не только в справочных, но и научных изданиях.³

Имеющиеся публикации о Пясецком, коих насчитывается более 100 наименований, освещают различные стороны деятельности этого, незаслуженно забытого ученого, внесшего значительный вклад в развитие отечественной культуры. Но, тем не менее, нет пока что ни одной работы, которая освещала бы всю многостороннюю творческую деятельность П.Я.Пясецкого. Основными источниками для такого исследования могут являться многочисленные архивные материалы, а также живописные и графические произведения, принадлежащие кисти П.Я.Пясецкого, его научные труды, изданные путевые заметки и дневники, статьи журналистского характера.⁴

Мы предлагаем хронологию жизни и деятельности П.Я.Пясецкого, составленную на основе архивных документов. Один из них имеет название: "Справка о Павле Яковлевиче Пясецком, докторе медицины, коллежском советнике, действительном члене Российского географического общества, почетном вольном общнике Российской Академии художеств, награжденном орденами Св.Владимира IV степени и Св.Анны II степени".⁵ Мы не располагаем обстоятельной семейной хроникой, но известно, что П.Я.Пясецкий родился в 1843 г. в Орле, в семье украинцев, которые переселились в Орел из Глуховского уезда Черниговской губернии. В Орле Пясецкий получил образование в гимназии, в 1861 г., окончив гимназию, уехал в Москву, где поступил на медицинский факультет Университета. 10 июня 1866 г. П.Я.Пясецкий завершил курс наук, проявив интерес особенно к

гистологии, анатомии, создав более 200 листов, на которых карандашом и тушью он зарисовывал гистологические и анатомические исследования (весь этот своеобразный медицинский атлас выпускник преподнес в дар медицинскому факультету). Продолжая интересоваться медицинской наукой, П.Я.Пясецкий публикует научные статьи на страницах "Московской медицинской газеты", в 1868 г. сдает экзамены на степень доктора медицины, а 23 октября 1871 г. защищает диссертацию "Восстановление эпителия" в Московском университетском совете. Параллельно с этим П.Я.Пясецкий служит сверхштатным ординатором в Старо-Екатерининском отделении Московской больницы для чернорабочих (зачислен 29 июля 1870 г.).

В 1872 г. П.Я.Пясецкий переезжает в Петербург. С февраля месяца он начинает служить в Главном военно-медицинском управлении в должности врача, будучи прикомандированным к Петербургскому военному округу в клинический военный госпиталь. В этом же году в течение 6 месяцев П.Я.Пясецкий совершенствует свои знания врача в клиниках Германии, Франции, Швейцарии.

В 1873 г. П.Я.Пясецкий поступает вольнослушателем в Академию художеств, в мастерскую П.П.Чистякова, что дает ему возможность совершенствовать свое художественное дарование. Талант художника, который проявлялся с ранних лет, затем воплощался в течение многих десятилетий в художественных произведениях П.Я.Пясецкого. Школа же П.П.Чистякова определила и формировала художественный метод вольнослушателя, основными чертами которого были все те приемы и мировоззрение, которые присущи методу русского критического реализма. Язык реализма XIX в., который мы ощущаем в дошедших до наших дней работах П.Я.Пясецкого, — лучший летописец своей эпохи, свидетель прекрасной русской академической (в лучшей ее части) школы, несущей высокий гуманистический смысл, верность традициям русской классики, уважительное отношение к человеку, его духовному миру.

2 марта 1874 г. П.Я.Пясецкий был включен в состав научно-торговой экспедиции в Китай, организованной Генеральным штабом. Возглавлял экспедицию капитан Ю.А.Сосновский, П.Я.Пясецкий работал в экспедиции как врач, художник, этнограф, собиратель многих разноплановых научных коллекций. С 12 марта 1874 г. по 20 декабря 1875 г. П.Я.Пясецкий находился в Китае. Путь экспедиции проходил по неизведанным для русских дорогам.⁶ По возвращении в Россию Пясецкий привез более 1000 акварелей и рисунков с видами Китая, изображениями быта Китая, интересными этнографическими и портретными типами; много коллекций — почвы, минералы, растения,

животные, предметы труда и быта китайцев, изделия ремесленников и произведения художников; много фотонегативов. Более 5000 экземпляров составляли только лишь естественные коллекции. С 1876 г. начинается активная пропаганда Китая Пясецким в России - он выступает на съезде ориенталистов, в Академии художеств, в Географическом обществе, в других аудиториях с лекциями о путешествии, он устраивает выставки своих художественных произведений и этнографических коллекций, создает живописную панораму пути экспедиции (длиной в 71 метр) и экспонирует (прокручивает) ее перед различными аудиториями. За живопись П.Я.Пясецкий получает звание почетного вольного общника Академии художеств (4 ноября 1876 г.). В 1880 г. выходит в свет "Путешествие по Китаю" в двух томах (дневники экспедиции были переизданы в России в 1882 г., переведены на французский язык в 1883 г., на английский - в 1884 г., на немецкий - в 1886 г.).⁷ Международный географический конгресс, проходивший в Венеции, присудил почетную награду за данное издание. Русское географическое общество по отделению этнографии наградило Пясецкого за этот труд Большой золотой медалью (1881 г.). Министерство народного просвещения одобрило "Путешествие по Китаю" для библиотек, всех учебных заведений, учительских семинарий. Русские востоковеды В.П.Васильев и А.М.Позднеев одобрили отзывались в своих рецензиях об опубликованном дневнике путешествия.⁸

С 17 мая 1877 г. по 7 июня 1878 г. во время русско-турецкой войны Пясецкий находился в действующей Дунайской армии. Будучи в Болгарии, он работал как врач, как художник, как журналист. Благодаря стараниям и умению Пясецкого были спасены жизни многих и многих русских воинов, его художественные способности дали возможность запечатлеть портреты русских солдат, театр сражений, размещение лазаретов, различные сцены из военной жизни. Заметки о жизни в Габрово - свидетельство его журналистского таланта.⁹

Возвратившись в Петербург, Пясецкий продолжает изучение полюбившегося ему Китая, готовится к следующей экспедиции в эту страну, намереваясь возглавить экспедицию, на что получает согласие Совета Русского географического общества, но служба военным врачом во многом мешает осуществлению этого задуманного плана: 3 июня 1880 г. его назначают старшим врачом в Ишимский лазарет, расположенный на Тюменско-Агинском ссыльном тракте. В связи с тем, что Пясецкий не поехал на место назначения, а продолжал заниматься подготовкой к экспедиции, осуществлял перевод, или точнее, прикомандирование к Русскому географическому обществу

(27 марта 1882 г.), военный министр потребовал отставки Пясецкого, и 16 марта 1883 г. Пясецкий был вынужден подать заявление, а 10 апреля он был уволен со службы. Так кончилась его карьера военного врача, которая давала ему средства к существованию. В дальнейшем Пясецкий – коллежский советник (с 27 июня 1880 г.) – работает в Главном военно-медицинском управлении, зарабатывает на жизнь как лечащий врач на дому. Но все душевные силы, интересы ученого, художника лежат в русле путешествий по странам Востока и Европы, изучения быта и искусства различных народов, создания акварельных панорам и отдельных листов, имеющих большую историческую, этнографическую, художественную ценность. Следует заметить, что Пясецкий был первым в России художником, предложившим зрителям такую форму живописного произведения, как панорама, во многом, вероятно, заимствованную из традиционных китайских живописных горизонтальных свитков. Отдельным, и очень важным эпизодом в творческой биографии Пясецкого является создание портретов народовольцев, а также портрета А. Желябова и портрета С. Перовской. Они были выполнены Пясецким с натуры, во время заседаний 26–29 марта 1881 г. Особого присутствия правительствующего Сената, рассматривающего судебное дело "о злодеянии 1 марта" 1881 г., совершенном группой "первомартовцев".¹⁰

Годы, потраченные на подготовку научной экспедиции по Китаю (1882–1887 гг.) ушли безвозвратно, ни Географическое общество, ни богатые купцы Нижнего Новгорода и Москвы не финансировали экспедицию, а у Пясецкого денег на такое путешествие не было.

Отдельные акварельные листы и панорамы, хранящиеся в ЛО ИВ АН СССР и Государственном Эрмитаже и других собраниях, и архивные материалы дают нам возможность составить представление о творческой деятельности Пясецкого в последующие десятилетия (к сожалению, не так подробно, как хотелось бы).

В июле 1885 г. Пясецкий путешествует по Кавказу, в 1889 г. – посещает Францию, в 1890 г. – посещает Англию. Целый год – 1891 – Пясецкий путешествует по Закаспийской области, сопровождая группу инженеров и строителей Закаспийской железной дороги. 1892 г. – путешествует по Средней Азии. Как член Русского чрезвычайного посольства в январе 1895 г. уезжает в Тегеран. В 1897 г. вновь посещает Англию. В 1899–1900 гг. работает над заказом Управления по постройке Сибирской железной дороги по изготовлению панорамы Великого Сибирского пути. В мае месяце панорама длиной 942 метра была выполнена, выставлена в Париже на Всемирной выставке. За данную работу художник был награжден Большой золотой медалью

выставки и орденом Почетного Легиона, и получил заказ от правительства Франции на изготовление панорамы Парижа и его окрестностей. В 1902 г. вновь посещает Францию. В этом же году в качестве почетного гостя по приглашению болгарского правительства присутствует на торжествах, посвященных победе над турецкой армией и создает панорамы о Шипкинских торжествах и буднях русско-турецкой войны. В 1903 г. Пясецкий в свите военного министра А.Н.Куропаткина путешествует по Дальнему Востоку, Маньчжурии, Японии, чему и посвящает панораму (длиной 284,5 м), созданную в 1904 г.

Документы в архивах свидетельствуют о том, что Пясецкий создал 17 панорам, сотни зарисовок и законченных композиций о жизни народов, с которыми он знакомился во время своих поездок. В 1904 г. Пясецкий написал свою последнюю живописную панораму. Главной заботой всей его последующей жизни было решение проблемы, куда определить на хранение и экспонирование свои живописные произведения. Панорамы хранились в Музее истории города, затем в Центральном географическом музее, в настоящее время большая часть наследия художника и ученого находится в Государственном Эрмитаже, много – в ЛО ИВ АН СССР, а также есть отдельные листы в некоторых музеях страны, архивах, частных коллекциях.

В декабре 1919 г. П.Я.Пясецкий, живший по Петровскому проспекту в д. № II, квартире 4, находился в тяжелом физическом и материальном состоянии, не имел пенсии, нуждался в уходе (об этом свидетельствуют несколько архивных документов). Год его смерти пока что установить не удалось.

-
1. В.М.Алексеев. Наука о Востоке. М., 1982; Н.Е.Скачков. Очерки истории русского Китаеведения. М., 1977.
 2. Н.И.Афанасьев. Современники. СПб., 1909; Энциклопедический словарь. Т. XXV^a. Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1889; Энциклопедический словарь. Изд. 7-е Русского библиографического института "Гранат". Т. 34. М., 1936.
 3. В.П.Васильев. Отзыв действительного члена В.П.Васильева о труде действительного члена П.Я.Пясецкого "Путешествие в Китай". – Отчет ИРГО за 1880 г. СПб., 1880. Приложение к "Отчету"; А.М.Позднеев. "Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг." ... из дневника члена экспедиции П.Я.Пясецкого... СПб., 1880. – ЖМНП, ч. ССХУ (215), 1881, июнь; П.П.Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Русского Географического общества, 1845–1895. Ч. 42, отд. 4. СПб., 1896.
 4. Архивы: Всесоюзного географического общества АН СССР; ЦГИА;

ЦГАВМФ; ЦТИА г.Москвы; ЦТИА СССР. Художественные произведения в фондах ГЭ, ЛО ИВ АН СССР, Иркутского краеведческого музея, Орловского краеведческого музея, Псковского краеведческого музея, частных коллекциях. Изданных работ П.Я.Пясецкого, найденных автором, — 38 наименований. Рукописи: ГБ им.В.И.Ленина, ФБ ЦМА им. С.М.Кирова.

5. ЦГВИА.

6. См. карту экспедиции в кн.: П.Я.Пясецкий. Путешествие по Китаю в 1874-1875 гг. ... Тт I, П. СПб., 1880; то же, М., 1882.

7. См. сноску 6.

8. См. сноску 3.

9. П.Я.Пясецкий. Два месяца в Габрово. — Вестник Европы, 1878, сентябрь; 1883, октябрь.

10. ЦГАВМФ, ф. Посьета.

Т.К.Посова

К БИБЛИОГРАФИИ ВИШНУ-ПУРАНЫ

Данная статья носит историографический характер и ставит своей задачей очертить круг изданий, переводов и исследований по Вишну-пуране (ВП), что, в свою очередь, может послужить базой для дальнейшего научного изучения этого памятника.

ВП считается одним из наиболее авторитетных памятников всей санскритской литературы и нормативным текстом для пуран. В ВП содержатся основные идеологические, философские, мифологические представления индуизма периода его становления. Трудно назвать работу по индологии, где в том или ином контексте не говорилось бы о ВП. Ввиду этого в нашей статье мы ограничимся основными изданиями ВП, переводами ВП, разделами о ВП из наиболее известных индологических работ, специальными исследованиями по ВП в целом, а также статьями, освещающими отдельные аспекты ВП.

Вплоть до начала XX в. ВП была известна исключительно в рукописях.¹ Первое издание ВП выходит в Бомбее в 1906 г. с комментариями индийского комментатора Ратнагарбхи Вхаттачарьи, который опирался на более ранний комментарий Шридхары Яти.² Именно это издание легло в основу ряда последующих изданий текста ВП. Еще одно издание текста ВП было осуществлено в Бомбее в 1927 г.³ Впоследствии ВП выдержала в Индии ряд изданий. Последнее издание текста ВП вышло в Дели в 1960 г.⁴

Уже в середине XIX в., на полстолетия ранее своего первого печатного издания, ВП стала привлекать внимание европейских ученых. В 1840 г. выходит первый полный перевод ВП на английский язык, сделанный известным английским индологом Г. Вильсоном.⁵ Перевод выполнен с нескольких близких друг к другу списков ВП, снабжен обширным предисловием, комментарием и индексами. Г. Вильсон использовал комментарии к спискам ВП, составленные уже упоминавшимися выше комментаторами Ратнагарбхой Бхаттачарьей и Шридхарой Яти, которые, в свою очередь, ссылаются на более ранних комментаторов. Этот перевод до сих пор является наиболее авторитетным и практически единственным научным переводом ВП на европейские языки. Он по праву может считаться и первым научным исследованием ВП. Г. Вильсон рассматривает ВП на фоне всей пуранической традиции, привлекает сравнительный материал из эпоса и упанишад, сосредоточивая свое внимание главным образом на мифологической канве памятника и на генеалогии мифических патриархов. В 1961 г. данный перевод был опубликован с предисловием известного индолога Р. С. Хаэри.⁶

Почти полвека спустя после первого издания перевода Г. Вильсона в 1884 г. в Калькутте выходит книга индийского автора М. Н. Датта.⁷ Она представляет собой сокращенное (без предисловия, комментария, примечаний и пр.) издание перевода Г. Вильсона и не преследует научных целей.

В числе англоязычных переводов ВП можно упомянуть и лишь условно относящееся к ним изложение содержания ВП, опубликованное в 1926 г. автором Дж. М. Макфие.⁸

Первым, кто ознакомил немецких читателей с ВП, был А. Ф. Шак. В 1877 г. он в стихотворной форме перевел на немецкий язык несколько наиболее поэтичных легенд из ВП.⁹ В 1889 г. К. Ф. Гельднер переводит легенду о царе Пуруравасе и небесной нимфе Урваши.¹⁰ В начале XX в., в 1903 г. А. Блау публикует перевод легенды об отшельнике Бхарате (третья сканда ВП) с санскритским текстом и комментариями.¹¹ В 1905 г. А. Пауль переводит пятую сканду ВП, содержащую свод мифов о Кришне.¹²

Известны также переводы ВП на новоиндийские языки (бенгальский, хинди), а также на дравидийские языки.¹³

К ранним исследованиям ВП относятся в первую очередь соответствующие разделы из ставших классическими трудов Г. Вильсона.¹⁴ Известный исследователь индийской литературы М. Винтерницц, описывая ВП в контексте всей индийской литературы и пуранических памятников в частности, дает оценку роли и места ВП как одного

из важнейших источников по изучению традиционной культуры древней Индии.¹⁵ Видный индолог А.Хольцман в своей работе по древнеиндийскому эпосу рассматривает ряд мифов, встречающихся как в Махабхарате, так и в ВП.¹⁶ Из недавних работ обзорного характера укажем на раздел о ВП из книги Л.Рочера.¹⁷

В советской индологической литературе анализ ВП как памятника индуизма содержится в работе Г.М.Бонгард-Левина "Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия".¹⁸ Наиболее яркие мифы из ВП в литературной обработке изложены в книге Э.Н.Темкина и В.Г.Эрмана "Мифы древней Индии".¹⁹

Из работ монографического характера, посвященных исследованию ВП в целом, назовем книгу Х.Даяла "Вишну-пурана",²⁰ где основное внимание уделяется анализу социально-культурологического пласта ВП, и небольшого объема работу Т.М.П.Махадевана "Адвайта в Вишну-пуране",²¹ рассматривающую философскую проблематику памятника.

Статьи о различных аспектах ВП весьма многочисленны. Среди них обращает на себя внимание группа статей, где рассматриваются вопросы, связанные с эпохой становления и датировкой ВП. Они принадлежат перу таких авторов как В.Р.Рамачандра Дикшитар,²² Р.С.Хазра,²³ С.Н.Рой.²⁴

Ряд статей содержит исследования по мифологии ВП. Анализ легенды об отшельнике Бхарате приводится в работе Э.Лойманна.²⁵ Особенности взаимосвязи между Лалитавистарой и ВП рассматриваются в статье Дж.Кеннеди.²⁶ Ханс Х. Пеннер исследует проблемы космогонии и мифа в ВП.²⁷ Японский автор Шринрю Окуда дает в своей статье анализ функции бога Индры в ВП.²⁸ Исследование ритуала жертвоприношения великим отцам (первая сканда ВП) содержится в статье Мадхусудана М. Патхака.²⁹

Еще одна группа статей освещает философский материал ВП. Систематизация основных философских понятий ВП приводится в работе Мадхвачарьи Адьи.³⁰ В.Рагхаван останавливается на вопросах связей ВП и адвайтой.³¹ Арвинд Шарма посвящает специальную статью понятию "раджас" (как оно интерпретируется Г.Вильсоном) в космогонии ВП.³² Критический анализ понятия "мукхьяятман" содержится в статье Джотирмаи Бхаттачарьи.³³

Из прочих статей назовем статью А.Банерджи Шастри о старинной рукописи ВП,³⁴ статью Дж.А.В.Ван Бьюитенена о значении слова "бхавана" в ВП³⁵ и статью В.Варадачари о сравнениях в ВП.³⁶

Итак, период изучения ВП насчитывает более полутора веков. Основные направления ее изучения, – общекультурологическое, со-

циологическое, философское, мифологическое и др., совпадают с магистральными направлениями изучения всего свода пуранических памятников. Вместе с тем до сих пор не имеется работы, всесторонне исследующей этот выдающийся памятник.

1. О рукописях ВП см.: J.Eggeling. Catalogue of the Sanskrit Manuscripts in the Library of the India Office. London, 1887-1904, vol. 6, p. 1310-1311; A.B.Keith. Catalogue of the Sanskrit and Prākṛit Manuscripts in the Library of the India Office. Oxford Univ. Press, 1935, vol. 2, pt. II, p. 1790-1798.
2. Viṣṇu purāṇa. Bombay, 1906.
3. Viṣṇu purāṇa. Bombay, 1927.
4. Viṣṇu purāṇa. Delhi, 1980.
5. H.H.Wilson. The Vishṇu Purāṇa, a System of Hindu Mythology and Tradition. Translated from the Original Sanskrit and Illustrated by Notes derived chiefly from other Purāṇas. London, 1840-1848.
6. H.H.Wilson. The Vishṇu Purāṇa ... With an Introduction by R.C.Hazra. Calcutta, 1961.
7. A Prose English Translation of the Vishnupuranam (based on Professor H.H.Wilson's Translation). Ed. by M.N.Dutt. Calcutta, 1894; переиздано: Calcutta, 1912.
8. J.M.Macfie. The Vishnu Purana. A Summary with Introduction and Notes. Madras, 1926.
9. A.F.Graf von Schack. Stimmen vom Ganges. Stuttgart, 1877.
10. K.F.Geldner, R.Fischel. Vedische Studien. Stuttgart, 1889, Bd.1, s. 253-259.
11. A.Blau. Das Bharatopākhyāna des Viṣṇu-Purāṇa. Beiträge zur Bücherkunde und Philologie A.Wilmann zum 25 März Gewidmet. Lpz, 1903.
12. A.Paul. Krischnas Weltengang, ein indischer Mythos in zwanzig Andachten aus dem Vischnupurāṇam übertragen. München, 1905.
13. См., наприим., Viṣṇu purāṇa. Pañcānana Tarkaratna. Kalikātā, 1907. Viṣṇu purāṇa. Munilāl Gupta. Gorakhpur, 1933. Vishnu Puranam, by Bhavanarayana. Madras, 1930.
14. H.H.Wilson. Works..., s. 120-139.
15. M.Winternitz. Geschichte der indischen Literatur. Lpz, 1908, s. 455-463.
16. A.Holzmann. Das Mahabharata und seine Theile. Kiel, 1895, Bd, 4, s. 36-40.

17. L.Rocher. The Purāṇas. - A History of Indian Literature. vol. 2, fasc. 3. Wiesbaden, 1986, p. 245-250.
18. Г.М.Бонгард-Левин. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980, с. 309-311.
19. Э.Н.Темкин, В.Г.Эрман. Мифы древней Индии. М., 1985.
- *20. Narendra Dayal. The Visnu Purana. Delhi, 1983.
21. T.M.P.Mahadevan. Advaita in the Visnu-purana. Poona, 1971.
22. V.R.Ramachandra Dikshitar. Age of the Vishnu Purana. - Indian Historical Quarterly, 7, 1931, p.370-371; V.R.Ramachandra Dikshitar. The Age of Vishnu Purana. - Indian History Congress, 13, 1950, p. 45-50.
23. R.C.Hazra. The Date of Viṣṇu-Purāṇa. - Annals of the Bhandarkar Oriental Research Indtitute, 18, 1936-1937, p. 265-275.
24. S.N.Roy. Date of Viṣṇu-Purāṇa's Chapters of Maya-Moha. - Puranam, 7, 1965, p. 276-287; S.N.Roy. On Comparative Chronology of the Viṣṇu and the Bhāgavata Purāṇas. - Puranam 10, 1968, p. 54-67.
25. E.Leumann. Die Bharata Sage. Erste Theil. - ZDMG, 1894, 48, s. 65-83.
26. J.Kennedy. The Gospels of the Infancy, the Lalita Vistara and the Vishnu Purana, or the Transmission of Religious Legends between India an the West. - JRAS, 1917, p. 209-243, 469-540.
27. Hans H. Penner. Cosmogony and Myth in the Vishṇu Purāṇa. - HR, 1965-1966, 5, p. 283-299.
28. Shrinryu Okuda. Indra in the Viṣṇupurāṇa. - Puranam. 1980, 22, p. 27-32.
29. Madhusudan M. Pathak. Paitāmaha-yajña and the Origin of Sūtas and Māgadhas according to the Viṣṇupurāṇa. - Puranam. 1980, 22, p. 61-66.
30. Madhvācārya Ādya. Viṣṇupurāṇaviśayasūcī. Supplement to Puranam, 8.I, 1966, paginated separately, 1-91.
31. V.Raghavan. The Viṣṇupurāṇa and Advaita. - Adyar Library Bulletin. 1975, 39, p. 294-299.
32. Arvind Sharma. A Note on H.H.Wilson's Interpretation of the Role of Rajas in the Cosmic Creation in the Viṣṇu Purāṇa. - Puranam. 1977, 19, p. 347-350.
33. Jotirmayee Bhattacharya. A Wrong Rendering of the Word "mukhyatman" (in Viṣṇu-purāṇa 3.17.29) by Wilson. - Puranam. 1980, 22, p. 232-233.

34. A.Banerji-Sastry. A Palm-Leaf Manuscript of Viṣṇupurāṇa Dated 1464 A.D. (With Plate). - Journal of the Bihar and Orissa Research Society. 1938, 24, p. 164-165.
35. J.A.B.Van Buitenen. The Śubhāśrīya Prakaraṇa (Viṣṇu Purāṇa 6,7) and the Meaning of Bhāvanā. - Adyar Library Bulletin. 1955, 19, p. 3-19.
36. V.Varadachary. Similes in the Viṣṇu Purāṇa. - Puranam, 1961, 3, p. 228-234.

О.П.Щерлова

КОММЕРЧЕСКИЙ КАТАЛОГ БОМБЕЙСКОГО КНИГОИЗДАТЕЛЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБЩЕСТВА ИРАНА И ИНДИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX - ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX в.)

Бомбей в последней трети XIX - первом десятилетии XX в. был одним из важных центров книгопечатания и книготорговли. К числу бомбейских книгоиздателей принадлежал Мирза Мухаммад б. Рафи ад-Дин Ширази, коммерческий каталог которого является предметом нашего рассмотрения. Мирза Мухаммад родился в Ширазе в 1269/1852-53 г., в 16 лет приехал в Бомбей, в 1294/1877 г. предпринял свое первое самостоятельное издание и был занят в книжном деле более 40 лет. От иранского шаха он получил титул Малик ал-Куттаб, от английского короля - Хан-и сахиб-хан. В 1911 г. (время выпуска каталога) Мирза Мухаммад являлся крупным книготорговцем, связанным деловыми отношениями с книгоиздателями Индии, Ирана, Египта и Ближнего Востока.

По свидетельству самого Малик ал-Куттаба с самого начала коммерческой деятельности он старался получить новые издания, выходившие в мусульманских странах, и для пользы "ищущих просвещения в ближних и дальних странах" ежегодно выпускал каталог под названием "Кашф ал-худжуб фи асма' ал-кутуб" ("Снятие завесы с названий книг"). Сохранился лишь 44-й его выпуск.

Источниковедческая значимость каталога безусловна и далеко выходит за рамки деятельности самого Малик ал-Куттаба, поскольку здесь сосредоточена значительная часть арабоязычного и персоязычного книжного репертуара конца XIX-начала XX вв., целенаправленно собранного издателем. Каталог содержит перечень названий книг с указанием цен. Выходных данных нет, имена авторов упоминаются лишь для части книг. Не датирован и сам выпуск, представ-

ляющий собой литографски изданную брошюру.

В 27 тематических рубриках сосредоточены I.322 издания (около I.300 названий сочинений) на трех языках: арабском, персидском и 29 книг на урду. В подавляющем большинстве представлены книги, напечатанные литографским способом в Индии и Иране. Имеются и наборные издания: на персидском языке некоторое количество калькуттских публикаций, на арабском – происходящие из Египта.

Значительный процент сочинений, включенных в каталог, был напечатан один раз. Это обстоятельство позволяет определить, используя каталоги печатных и литографированных книг, хронологические рамки книжного материала, собранного Малик ал-Куттабом: последние десятилетия XIX в. и первое десятилетие XX в. Последние по времени издания относятся к 1910 г. Определяется и год выпуска самого каталога: конец 1910 либо 1911 г.

Для настоящего краткого обзора всю продукцию, содержащуюся в каталоге, мы условно поделим на 4 тематических разряда: труды теологического содержания, художественная литература, история и науки. За пределами этого деления останутся книги по так называемым оккультным наукам.

Сочинения теологического содержания составляют почти половину всех изданий: 563 из I.322. Они помещены в рубриках: Коран, тафсиры, шиитская догматика и фикх, хадисы шиитского мазхаба; суфизм и мистика, теософия, суннитская теология, сборники молитв, агиография, другие мазхабы и история религиозных учений.

Самые объемные из названных рубрик – суфизм и мистика (102 книги) и суннитская литература (109 книг). Три раздела, включающих шиитскую тематику, – догматика, фикх, хадисы – содержат вместе 112 изданий (106 названий).

Характерно тематическое разделение книг по языкам: в какой-то степени оно свидетельствует о преимущественном интересе к той или иной проблематике в арабоязычной или персоязычной среде. Так, половину всех книг по суфизму в каталоге Малик ал-Куттаба составляют книги на персидском языке: 54 из 102, на арабском – 27 книг, 13 – на урду и 8 двуязычных изданий. Суннитская литература в подавляющем своем большинстве на арабском языке: 93 из 109 изданий, на персидском 11 и 5 на урду. Также на арабском почти все молитвенники: 39 из 43. На арабском же почти все сочинения по теософии: 45 из 50. Что касается шиитской литературы, то и она, оказывается, также представлена в значительной своей части на арабском: сочинения по догматике все на арабском (их 15), по

фикху - 20 на арабском и 15 на персидском. Из 77 изданий, посвященных хадисам шиитского толка, - на персидском 30, на арабском 45 и на урду - 2. Полемическая направленность подавляющего большинства шиитских работ по-видимому вынуждала их авторов пользоваться по преимуществу арабским языком.

Изучение списка книг, включенных в названные рубрики, показывает, что в подавляющем своем большинстве его составляют издания средневековых трудов. По-прежнему пользуются авторитетом и размножаются наборно или литографски сочинения Фахр-и Рази, Ибн Сины, Насир ад-Дина Туси, Фарйаби, Газали и др. Основную массу выпущенных книг по суфизму и мистицизму также составляют труды средневековых авторов: Ибн ал-Араби, Аттара, Саная, Газали, Руми.

Но наряду с ними читателю предлагаются произведения авторов XIX в., среди них иранские и индийские мистики, теологи, философы. Более всего современных работ сосредоточено в разделе: "другие мазабы и история религиозных учений": 37 названий, из них на персидском 14, на арабском 12, 1 на урду. Здесь представлены главным образом полемические работы, написанные в опровержение христианства, бабизма и бехаизма, а также трактаты, направленные против инакомыслия в исламе. В частности, упоминается брошюра, выпущенная в опровержение новейшего течения в индийском исламе найчари.

Иначе говоря, религиозные проблемы по-прежнему занимают основное место в духовной жизни мусульманского общества Ирана и мусульманской общины Индии. Осмысление новых явлений также происходило в рамках господствующей идеологии, т.е. ислама, либо суннитского, либо шиитского.

Литературные произведения в каталоге Малик ал-Куттаба по числу изданий находятся на втором месте - 319: на арабском языке 113, на персидском 194, 7 на урду, язык 5 книг не определен. Они входят в разделы: диваны и стихи, прозаические и поэтические произведения, посвященные шиитским имамам, народные романы и рассказы, переводные романы. Основная часть произведений сосредоточена в первом разделе: т.е. диваны и стихи. В списке 203 издания: 98 на арабском, 93 на персидском, на урду - 4, для 5 книг язык не указан. Читателям предлагается арабская поэзия, персоязычная - иранская по происхождению и стихи поэтов, живших в Индии. Хронологические рамки: от раннего средневековья до современных издателей поэтов, но все же подавляющая часть предлагаемых читателю диванов, поэм, стихотворных сборников принадлежала средневековым авторам. Эти книги литографировались многократно и неизменно находили своего читателя. В этот раздел в небольшом количестве включены и про-

заические авторские сочинения: художественная и орнаментированная проза, тазкире, шархи, эпистолярная проза. Наряду со старыми произведениями мы находим и некоторые новые, в частности, знаменитое "Путешествие Ибрагим-бека" и романы Зейдана (на арабском и их переводы на персидский).

Литература, посвященная шиитским имамам, по большей части представлена авторами нового времени, причем, эти книги литографированы главным образом в Иране. В разделе 57 изданий: 14 на арабском языке, 40 - на персидском, 3 - на урду.

Подборка других прозаических произведений: дастанов, хикаятов и т.п., являвших собой популярное чтение средних и низших слоев общества, насчитывает 10 книг, причем, на арабском лишь "Тысяча и одна ночь", остальные книги на персидском.

В каталоге Малик ал-Куттаба выделен раздел, включающий в себя только переводные романы, этот момент весьма знаменателен для своего времени. Составитель каталога назвал его: "романы, т.е. новеллы исторические, политические и литературные, напечатанные в Иране". Здесь собрано 43 перевода на персидский. В список входят шедевры мировой литературы, такие, как "Лекарь поневоле" Мольера, "Путешествие Гулливера" Свифта, "Декамерон" Бокаччио и др. Но первыми в перечне названы романы Дюма "Три мушкетера" и "Граф Монте-Кристо". Заметим, что на эти книги назначена высокая продажная цена.

Одним из самых больших разделов каталога является раздел с названием "тарих" (история). Здесь 145 изданий: на арабском 44 книги, 92 на персидском и 9 на урду. В раздел включены не только книги по истории и близким истории дисциплинам, но также жития святых, биографии и тазкире, мемуары и сборники анекдотов, описание путешествий, романы и поэмы, написанные на исторические темы. В частности, именно сюда помещены "Шах-наме" Фирдауси, "Гаршасб-наме" Асади Туси, персидский перевод "Махабхараты". Собраны основные авторитетные труды по истории Ирана и шире - мусульманского мира. Наряду со средневековыми трудами представлены и некоторые новые работы, в их числе, перевод книги Э. Брауна, посвященной иранской революции и изданной наборно в Бушире. Довольно много изданий, связанных с историей Индии: 20 из общего числа 92 персоязычных сочинений, в основном они относятся к периоду могольского правления. Книг по истории европейских стран в каталоге Малик ал-Куттаба незначительное число: перевод труда Вольтера, посвященного Петру I и Карлу XII, сочинения самого Малик ал-Куттаба по истории древней Греции и Англии и некоторые другие. Заметим, что в

каталоге отсутствуют дневники поездок Насир ад-Дин-шаха Каджара в Европу, хотя Малик ал-Куттаб был издателем некоторых из них: по-видимому тираж был распродан.

К определению "науки" можно отнести следующие рубрики каталога Малик ал-Куттаба: энциклопедии, философия и естественные науки, точные науки и география, медицина, грамматика, словари, труды по поэтике и риторике, этике. Хотя каждый из разделов невелик: самый большой – "медицина" – содержит 54 книги, но в целом эта группа книг составляет 119 названий. Характерно распределение книг по языкам: на арабском языке все грамматики, подавляющее число энциклопедий (6 из 8), трудов по философии и естественным наукам (19 из 20), арузу (27 из 28). Примерно поровну распределяются книги по медицине (27 на арабском и 25 на персидском) и словари, преобладают работы на персидском языке в разделе "этика".

Так же, как и в других разрядах, разряд "наука" по большей части составляют труды средневековых авторов. В раздел "философия и естественные науки" попала лишь одна современная работа: именно, учебное пособие по географии Зука ал-Мулка старшего. Остальные книги – переиздания трудов Фариаби, Ибн Рушда, Насир ад-Дина Туси и др. В разделе "словари" почти половину составляют классические толковые арабские и персидские, арабо-персидские словари. Но изменение исторических условий нашло свое отражение в появлении словарей англо-персидских, персидско-английских персидско-англо-урду. Влияние времени вызвало к жизни издание пособия, объясняющего значение новых слов в новейшей литературе и, в частности, в дневниках путешествий Насир ад-Дин-шаха Каджара.

Мы оставили в стороне литературу, по справедливости мало представленную в научных библиографиях, но бывшую неотъемлемой частью книжной культуры мусульманского общества. Речь идет об изданиях разного рода гаданий, сонников, собраний талисманов и т.п. Малик ал-Куттаб предлагает 56 книг подобного рода, кроме того 31 сочинение составило рубрику трудов по алхимии, в частности, о технике изготовления философского камня.

Анализ книжного репертуара конца XIX – первого десятилетия XX вв., собранного в каталоге Малик ал-Куттаба, со всей непреложностью убеждает в том, что в системе знаний мусульманской общины в Индии и читателей в Иране в названный период по-прежнему значительное место занимают старые средневековые труды по теологии, философии, истории и другим отраслям наук; эстетические потребности удовлетворяла классическая поэзия и проза. Вместе с тем можно заметить пробудившийся интерес к европейской жизни и выз-

ванный этим явлением спрос на переводные художественные произведения, некоторые научные труды и описания европейской жизни, принадлежавшие мусульманам.

Н.С.Яхонтова

О ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ ОДНОЙ РАННЕЙ РАБОТЫ В.В.БАРТОЛЬДА

Академик В.В.Бартольд в своих трудах неоднократно ссылается на Юань-чао би-ши (или "Сокровенное сказание") – один из наиболее известных памятников монгольской литературы. Это сочинение, датированное 1240 годом, представляет собой жизнеописание Чингис-хана. Начинается повествование с его родословной и описания событий, приведших его к власти, затем следует история создания империи Чингис-хана и его завоевательных походов; в конце рассказывается о царствовании Угэдэя – преемника Чингис-хана. Предполагают, что это сочинение было первоначально написано на старописьменном монгольском языке. Однако до нас оно дошло только в транскрипции китайскими иероглифами с подстрочным и литературным переводами на китайский. В 1866 году архимандрит Палладий (П.И.Кафаров) перевел на русский язык китайский перевод Юань-чао би-ши¹ и тем самым ввел этот памятник в научный оборот.

Эта публикация сразу же привлекла к себе внимание историков. И.Н.Березин при составлении примечаний к своему переводу второй части первого тома и второго тома "Сборника летописей" Рашид ад-Дина (вышедшему в 1868 и 1888 годах соответственно), широко пользовался материалами из Юань-чао би-ши, в частности, для уточнения произношения монгольских имен и названий. В предисловии ко второй части первого тома, приветствуя появление перевода архимандрита Палладия и подчеркивая важность нового источника по истории монголов, он принимает для него сокращенное название "монголо-китайская летопись".²

Академик В.В.Бартольд в статье "Образование империи Чингиз-хана", опубликованной в 1897 году, упоминая среди источников по этой теме Юань-чао би-ши, писал по этому поводу: "Покойный проф. Березин не совсем удачно назвал этот крайне любопытный памятник "монголо-китайской летописью". На самом деле он скорее всего может быть отнесен к героическому богатырскому эпосу".³ И далее, при упоминании Юань-чао би-ши, В.В.Бартольд называет его "богатырское сказание".⁴ Эту же мысль он развивает во "Введении" к

юему труду "Туркестан в эпоху монгольского нашествия" (1900): "Покойный проф. Березин не совсем удачно назвал это сказание "монголо-китайской летописью"; оно отличается от всякой летописи уже тем, что повествование не ведется по годам; хронология событий крайне неопределенна и запутана. На наш взгляд, этот любопытный памятник должен быть отнесен к произведениям богатырского эпоса. Выдающиеся богатыри прославляются автором гораздо больше, чем Чингиз-хан и его род".⁵ В этой же работе, неоднократно ссылаясь на Юань-чао би-ши, он называет его "богатырское сказание",⁶ "монгольское сказание",⁷ "сказание XIII века".⁸ В своих последующих трудах академик В.В.Бартольд, упоминая в той или иной связи Юань-чао би-ши, называет его то "монгольским богатырским эпосом",⁹ то "монгольским эпическим сказанием",¹⁰ то "монгольским преданием".¹¹ Но, что для нас особенно важно, нигде не употребляет выражения "монголо-китайская летопись".

В первом томе "Сочинений" академика В.В.Бартольда после труда "Туркестан в эпоху монгольского нашествия", состоящего из четырех глав, опубликована ранее не издававшаяся пятая глава, рассказывающая о владычестве монголов в Средней Азии после смерти Чингиз-хана (1227 год) и до создания Чагатайидского государства.¹² В предисловии проф. И.П.Петрушевский, подготовивший первый том к изданию, пишет, что относительно времени написания пятой главы мы не располагаем какими-либо точными данными. Сам проф. И.П.Петрушевский считает, что эта глава могла быть написана ранее работы "Туркестан...", в 1895-96 гг., поскольку в ней нет ссылок на "Тексты" - первую часть труда, содержащую отрывки из персидских и арабских источников.¹³ Однако проф. И.И.Умняков (ученик В.В.Бартольда, близко знавший его) объясняет отсутствие ссылок на "Тексты" тем, что В.В.Бартольд "в процессе работы над книгой изменил первоначальный план и решил закончить ее датой смерти Чингиз-хана (1227 г.), а следовательно, решил не включать главу V в намеченный к изданию труд".¹⁴ Принимая точку зрения проф. И.И.Умнякова, проф. И.П.Петрушевский пишет далее, что видимо поэтому глава сохранилась в незаконченном виде: нерасшифрованные сиглы, глухие ссылки, лакуны в тексте. Вероятно, для завершения работы автору не хватало информации, и он отложил публикацию V главы в ожидании введения в научный оборот новых источников.¹⁵ Таким образом, упомянутая глава была опубликована в I томе "Сочинений" академика В.В.Бартольда как пятая глава труда "Туркестан в эпоху монгольского нашествия". Ей было дано условное название "Туркестан под владычеством монголов (1227-1269 гг.)"; в рукописи она

не озаглавлена. Однако вопрос о времени ее написания оставался нерешенным.

В рассматриваемой главе, так же как и в других работах автора, имеются многочисленные ссылки на Юань-чао би-ши. Однако только в ней это сочинение называется "монголо-китайской летописью".¹⁶ Между тем, именно против такого именования Юань-чао би-ши выступил сам В.В.Бартольд в работах, написанных в 1897 и 1900 годах, и ни в одной другой его работе этот источник так не назван.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что У глава "Туркестан под владычеством монголов (1227-1269 гг.)" труда "Туркестан в эпоху монгольского нашествия" была написана до 1897 года как самостоятельная работа. Проф. И.П.Петрушевский, датировавший ее 1895-96 гг., был прав.

-
1. П.И.Кафаров. Старинное монгольское сказание о Чингисхане. - Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866.
 2. Сборник Летописей. История монголов сочинение Рашид-Эддина. История Чингиз-хана до восшествия его на престол. Русский перевод с предисловием и примечаниями И.Н.Березина. - Труды Восточного отделения Имп. археологического общества. Ч. 13. СПб., 1868, с. I-IV; Сборник летописей. История монголов сочинение Рашид-Эддина. История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины. Русский перевод с примечаниями И.Н.Березина. - ТВОРАО. Ч. 15. СПб., 1888.
 3. В.В.Бартольд. Образование империи Чингиз-хана. - Сочинения. Т. V, с. 254-255.
 4. Там же, с. 258, 259, 260.
 5. В.В.Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - Сочинения. Т. I, с. 90-91.
 6. Там же, с. 447, 458.
 7. Там же, с. 491, 502, 523.
 8. Там же, с. 494.
 9. В.В.Бартольд. Киргизы. Исторический очерк.- Сочинения. Т. II(I), с. 506.
 10. В.В.Бартольд. Рец. на кн.: E. Blochet. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. - Сочинения. Т. VIII, с. 282; он же. Улутбек и его время. - Сочинения. Т. II (2), с. 28; он же. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. - Сочинения. Т. IV, с. 386, 388; он же. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Лекции, про-

читанные в Стамбульском университете в июне 1926 года. - Сочинения. Т. У, с. 24.

- II. В.В.Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. - Сочинения Т. IV, с. 386.
- I2. В.В.Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - Сочинения. Т. I.
- I3. И.П.Петрушевский. Предисловие к работе В.В.Бартольда "Туркестан в эпоху монгольского нашествия". - В.В.Бартольд. Сочинения. Т. I, с. 34.
- I4. Там же.
- I5. Там же, с. 35.
- I6. В.В.Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - Сочинения. Т. I, с. 531, 532, 534, 537, 540, 558.

СЦЕНИЧЕСКАЯ БУТАФОРΙΑ И ПРЕДМЕТЫ РЕАЛЬНОГО ИНТЕРЬЕРА
НА КИТАЙСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ КАРТИНЕ

Для определения жанра китайской театральной народной картины существуют достаточно четкие критерии: картины должны являться иллюстрациями к какой-либо пьесе традиционного китайского театра, обычно из репертуара Пекинской музыкальной драмы, а персонажи пьес должны изображаться в театральных костюмах и гриме, со специфически театральными жестами. Фоном для картин может служить либо полностью воспроизведенная театральная сцена, либо отдельные предметы бутафории. Однако среди театральных няньхуа можно выделить такие, на которых сценическая условность органически сочетается с реальной обстановкой, то есть осуществляется перенос действия со сцены в иную среду: фоном является либо интерьер жилого дома, либо архитектурное сооружение или пейзаж. Такой перенос должен обладать некими общими закономерностями; интересно проследить, как он осуществляется и какие цели преследует. Целесообразно исследовать воссоздание на театральной народной картине каждого типа реальности, но представляется возможным проанализировать в совокупности передачу сцены, театральной бутафории и реального интерьера и мебели из-за общности их функционального назначения.

Наиболее традиционным и широко распространенным типом китайской театральной народной картины является тот, который изображает персонажей пьес и немногочисленную бутафорию на чистом незакрашенном листе бумаги, без фона. Картина выглядит следующим образом: герои в соответствующих костюмах и гриме фиксируются в определенных позах, присущих китайскому сценическому движению; из чего ясно, что на картине происходит вполне конкретное действие. Бутафория представлена столом или стулом. Как правило, на листе имеется надпись, содержащая название пьесы или название данного эпизода иллюстрируемой драмы; часто рядом с персонажем можно прочесть его имя. На картинах другого типа появляется уже изображение самой сцены.

В старом Китае существовало два типа театральных помещений. Первый – временная сцена, сооружаемая непосредственно перед представлением в здании общины, при храме, она украшалась фонарями и

парными надписями. Постоянных театральных помещений было немного, они возводились в крупных городах при храмах, во дворах богатых частных домов, в увеселительных кварталах. По архитектуре здание постоянного театра не отличалось от любого другого здания, интерьер же театра был весьма своеобразен. Характерное изображение богатого театрального зала можно увидеть на картине "Театральный зал "Терем лунного света" из собрания Гос.Эрмитажа (ГЭ, ЛТ-5605). Картина не является по жанру театральной, так как на ней изображена не сцена из какой-нибудь пьесы, а жанровая бытовая сцена. Художники любили изображать именно такие сцены богатых постоянных театров, с украшенными резьбой столбами и балками, решетками, отделяющими сцену от зрительного зала, с фонарями разнообразных форм. Иногда воспроизводился цоколь сцены – деревянный или сложенный из крупных камней. Изображение сцены могло не занимать весь лист, в таких случаях художники рисовали по бокам от сцены какой-нибудь пейзаж, обычно очень простой – несколько деревьев или кустов. Интересны картины, в которых действие выносится за пределы тщательно воспроизведенной сцены: по бокам или перед сценой помещаются второстепенные персонажи, как правило, актеры в костюмах комиков-чоу (丑). Такие персонажи могут отсутствовать в тексте данной пьесы или участвовать лишь в репризах, несмотря на это их часто изображали на театральных картинах в различных акробатических позах, подчеркивающих впечатление динамизма и экспрессии, вызываемое китайским сценическим движением. Характерно, что художники воспроизводили только переднюю, непосредственно обращенную ко зрителю часть сцены. Задняя и боковые стены коробки сцены не изображались, на их месте оставался незакрашенный лист, лишь изредка на заднем плане располагали ширму или невысокие перила, служащие также подставкой для светильников, опахал, оружия.

Для обоих типов картин характерен единый набор предметов бутафории, и одинаковое расположение бутафории на картине: в одном случае относительно краев листа, в другом – относительно столбов сцены. Поэтому рассуждения о театральном убранстве, к которым мы переходим, в равной мере применимы к обоим типам няньхуа.

Бутафория китайского театра проста по составу, но ее восприятие требует специальной подготовки. Специфической бутафории не было. Ее функцию выполняли столы, стулья и табуреты, выступающие не только в своем прямом назначении, но и как условные приспособления, помогающие воображению зрителей представить нужную по ходу действия ситуацию. Обе функции мебели нашли отражение в театральной няньхуа.¹

Основной предмет убранства сцены располагался в центре листа,

вокруг него разворачивалось действие. Как правило, таким предметом был стол, покрытый богатой вышитой скатертью с драпировкой у части стола, обращенной к зрителю (драпировка привязывалась к ножкам). Такой стол мог выполнять функции трона, кровати, горы. Иногда столы размещались в форме буквы "П", за центральным столом, покрытым самой богатой скатертью, сидели главные персонажи. На столах обычно нет утвари, небольшое количество посуды встречается лишь в сценах пиров. Китайский исследователь народной картины Ван Шу-цунь объясняет различные комбинации стола и стульев следующим образом: стул, стоящий позади стола, означает присутственное место, а перед столом — кабинет ученого; стоящие друг перед другом стулья, покрытые скатертью, изображают кровать; стол со стоящими сверху стульями может играть роль крепостной стены.² Характерно, что крепость на настоящей сцене изображалась с помощью ширмы с нарисованным на ней участком крепостной стены, специальные "рабочие сцены" выносили эту ширму на сцену в нужный момент. На картинах буквальное воспроизведение такой ширмы встречается редко, рисуют либо стол и стулья, либо настоящую крепость. Иногда основным предметом убранства сцены является только кресло или стул простой прямоугольной формы. Перед столом или креслом часто лежит яркий красочный ковер, в этом случае именно на нем разворачивается главное действие. Интересно, что стол и стулья, выступающие в своем прямом назначении, стоят обычно в центре листа, когда же они выполняют какие-либо иные функции, их расположение может быть самым разнообразным.

Если на картинах двух вышеописанных типов нельзя встретить ничего, чтобы не существовало на настоящей театральной сцене, то в картинах, о которых пойдет речь ниже, становится возможным привнесение на театральную картину не свойственных театру элементов. Между картинами с точным воспроизведением сцены и картинами с изображением театрального действия в сочетании с реальной обстановкой лежит группа произведений, являющаяся своеобразным переходом от одного типа картин к другому. Художники таких картин допускали некоторые отступления от точного воспроизведения бутафории, например, изображали настоящую кровать с пологом, помещали на картине большее количество мебели, чем то, которое реально встречается на сцене: разнообразные стулья и кресла, напольные светильники, опахала и штандарты в специальных подставках. Однако все они не меняли общей для всех картин с изображением сцены композиции в расположении мебели на листе.

Следующим шагом по пути отступления от точного воспроизведе-

ния сцены и бутафории является изображение персонажей на фоне реальной действительности, изменяющее композицию картин. Можно выделить ряд причин появления таких произведений. По мере развития жанра няньхуа увеличивалось количество мастерских-печатен, следовательно, возрастала конкуренция между ними. Художники стремились привлечь к своей печатной продукции как можно большее число покупателей, сделать картины по возможности более красочными, насыщенными разнообразными деталями. Шел поиск новых форм театральной картины, который привел к синтезу театральной условности со способами изображения действительности, выработанными другими видами няньхуа, гравюры и классической живописи. Во всех жанрах китайской народной картины заложено стремление к выражению благопожелания, театральная картина в чистом виде не имеет благопожелательного смысла, за исключением назидательности, заложенной в сюжете. "Нетеатральные" элементы и призваны были восполнить этот недостаток театральной народной картины. Следует помнить, что к концу XIX века все типы театральной няньхуа существовали одновременно, удовлетворяя различные вкусы. Изображение театрального действия на фоне интерьера было весьма популярно, такие картины имели как правило большой формат, иллюстрировали гражданские пьесы, характерны для крупных мастерских Янлюцина на рубеже XIX - XX веков. В композиции и манере изображения таких картин очевидно влияние народных картин на бытовые сюжеты. На картинах изображается богатый, чуть ли не дворцовый интерьер, чаще всего не соответствующий действию пьесы, такое убранство имеет прежде всего благопожелательный смысл. Можно выделить два типа картин с изображением реального интерьера:

1. Изображение целой комнаты, то есть пространства, ограниченного стенами с оконными и дверными проемами. Интересны случаи, когда на картине запечатлевался разрез дома, чаще двухэтажного, и действие происходило во всех помещениях одновременно, таким образом художник получал возможность воспроизвести на одном листе несколько сцен. Мебель располагалась в соответствии с настоящим видом комнаты, то есть была ориентирована относительно стен, окон и дверей, выполняющих функцию организаторов пространства. 2. Часто стены не воспроизводились, в этом случае композиция картины могла быть совершенно произвольна, художник исключительно по своей воле располагал на листе как персонажей, так и мебель.

Изображаемый на театральных картинах интерьер был исторически анахроничен, воспроизводилось убранство, характерное для времени художника, а не для времени действия драмы. Например, рисовались явно европейские настенные часы конца XIX века, хотя сюжет

картины относился к гораздо более раннему времени.

Стремление к передаче как можно более богатого интерьера приводило к перегруженности картин мелкими деталями. Большое количество мебели требовало вокруг себя большого количества персонажей, чем полагалось по сюжету в данной сцене. Излюбленными объектами изображения сделались изящные фигурки статисток-служанок в разнообразных красочных одеяниях.

По всему листу бумаги без соблюдения законов перспективы рисовалась всевозможная мебель, как правило, очень богатая; некоторые ее виды, например, фарфоровые бочкообразные табуреты, были принадлежностью исключительно дворцового интерьера. Можно выявить два основных отличия в изображении мебели на картинах двух рассматриваемых групп театральных няньхуа. 1. На картинах, воспроизводящих реальный интерьер, мебель выступает в своем прямом функциональном назначении. 2. Если для мебели на сцене характерна простота и лаконичность форм, прямые линии, то мебели второй группы присущи изысканность линий, стремление к украшательству, богатому декору.

Рассматривая театральные картины с изображением интерьера и большого количества мебели, следует помнить, что формы китайской мебели часто имели символическое значение.³ Декор и орнамент мебели еще более символичны, чем ее форма. Часто на поверхности мебели встречается изображение дракона, цветов и листьев лотоса. Орнамент решеток на окнах, краях кроватей может образовывать какой-нибудь иероглиф с благопожелательным значением. Символично и цветное решение китайской мебели. Благодаря всему этому предмет превращался в носителя своеобразного текста. Художник, изображая на картине богатый интерьер, не только делает ее еще более яркой и красочной, желает будущему покупателю картины столь же роскошной обстановки, но и, комбинируя на картине предметы обстановки и орнаменты, имеющие понятное каждому китайцу символическое значение, зашифровывает в своем произведении вполне определенное благопожелание.

I. Основные типы традиционной китайской мебели:

I. Кровати – та (榻) жесткая прямоугольная лежанка без обивки. Та с боковыми ограждениями и с пологом из драпирующейся ткани называется чуан (床). На севере распространена отапливаемая лежанка кан (炕).

II. Стулья и кресла – и (椅). Традиционно различают 8 видов, отличающихся друг от друга формой и размерами сиденья, спи-

нок, ножек и подлокотников. Лишены обивки, сиденья деревянные или плетеные. Имелось большое количество разнообразных табуретов - дэн (凳).

Ш. Три основных вида столов: ань (案), цзи (几) и чжо (桌) различались высотой ножек, размерами и формой столешницы.

IV. Шкафы: в основном различают книжные шугуй (書櫃) и платяные - игуй (衣櫃).

У. Экраны и ширмы - пин (пинфэн) (屏風). Играли важную роль в организации пространства китайской комнаты.

VI. Полки цзя (架) и подставки тай (臺) для ламп, свечей, цветов.

2. Ван Шу-цунь. Методы изображения на китайской народной картине. (Чжунго миньцзянь хуа цзюэ). Шанхай, 1982, с. 27.

3. В.Г.Белозерова. Традиционная китайская мебель. М., 1980, с.87.

А.В.Витол

Ф.-М.ВОЛЬТЕР ОБ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

"Восточная" тематика в произведениях Ф.-М.Вольтера представлена широко, его знакомство с историей и культурой Востока было весьма основательно.¹ Первый крупный исторический труд Вольтера - "История Карла XII, Короля Шведского" (1731 г.) до сих пор привлекает внимание историков изложенной в нем версией событий, связанных с пребыванием Карла XII в Османской империи.² Рассуждения Вольтера о внутреннем устройстве Османской империи были обычными для европейского автора начала XVIII в., интерес вызывают те места, где он выступал как политический писатель. Он называет "смешным" то презрение, с которым турки относятся к христианским государствам и их посланникам. Не секрет, что турецкие войска плохо обучены, не дисциплинированы и не так опасны, как прежде: "христиане" всегда побеждают турок в строевом сражении даже равными силами, так что турки могут делать завоевания в одной только Венеции.³ В будущем Турцию ждут поражения, причем в случае объединения христианских государей, - считал автор, - их флоты могли бы в кратчайшее время войти в Дарданеллы, а войска подойти к Адрианополю. Но этого не произойдет, поскольку интересы государств всегда будут противоречить друг другу.⁴

В 1741 г. Вольтер закончил трагедию "Фанатизм или Магомет, Пророк" - она как бы примыкает к его историческим сочинениям.

Основатель мусульманской религии Мухаммед (Магомет) представлен в ней как сознательный обманщик, для которого религия служила политическим орудием. Использование Вольтером исторического материала из времен зарождения ислама, вызвало критику современников за различные вымыслы, искажающие установленные факты, на что французский просветитель отвечал: "но разве человек, вовлекший родину в войну во имя божие, не был способен на все?".⁵ Вольтер пояснял, что его Магомет — это "Тартюф с оружием в руках" и выражал надежду, что его трагедия принесет такую же пользу, как пьеса Мольера. Таким образом, в "Магомете" автор выступал против фанатизма вообще, против религиозного — в частности, и в первую очередь против католического — именно так она и воспринималась современниками. Естественно, что она была — уже во-вторых — направлена и против ислама,⁶ как одной из форм обмана народа, которой была любая официальная религия, согласно воззрениям даже "умеренных" просветителей. Не случайно до настоящего времени находятся защитники Мухаммеда от "посягательств" Вольтера.⁷

Если в "Истории Карла XII" Вольтер лишь гипотетически писал о создании коалиции европейских держав против Османской империи, то с течением времени в связи с началом русско-турецкой войны 1768–74 гг., "антиосманская" тема становится одним из главных направлений его выступлений по вопросам международной политики. Так, в небольшой "поэме", посвященной "нынешним делам или воспрятию против турок оружия" писатель призывает европейских правителей прекратить бесполезные распри и объединиться против неприятелей Европы на Босфоре. Он призывал европейские державы помочь России освободить от османского ига Сербию и Грецию — "отечество Фемистокла и Милтиада" Пора вспомнить, что еще не так давно османские войска стояли под Веной,⁸ а ныне, уже обучаемые по-европейски, они могут вновь усилиться. Дело избавления Европы от турок важнее крестовых походов, стоивших огромных средств и жертв, поэтому не время считать, хватит ли денег на такое предприятие, не время заниматься вычислениями о сохранении "равновесия" в Европе.⁹

Вольтер активно поддерживал российскую императрицу Екатерину II в ее борьбе с Портой.¹⁰ Задача Екатерины II — продолжать дело Петра I, который ввел Россию в семью европейских государств — так считало большинство просветителей. Вольтер полагал, что "начертявая законы" Екатерина II должна в то же время "поражать Мустафу".¹¹ Изгнание турок из Европы мыслилось Вольтером как необходимое условие для распространения более совершенных законов

(на Грецию, Молдавию, Валахию, Бессарабию и т.д.), более совершенного и просвещенного правления, т.е. как благо для народов.

Позицию Вольтера, его отношение к войне Османской империи и России убедительно объяснил другой французский просветитель - Ж.А.Кондорсэ. Он допускает, что благодарность Вольтера к Екатерине II, "осыпавшей его своими милостями", сыграла свою роль, но это не было единственной причиной. Вольтер, по мнению Кондорсэ, слишком возвышался над теми "политическими конторщиками", которые принимали выгоды нескольких купцов за выгоды торговли, а выгоды торговли за выгоды всего человечества. Для Вольтера падение Османской империи означало избавление миллионов людей от "деспотизма целого народа", удаление тиранических нравов Востока, обрекающих на рабство "целый пол", в Азию, в те "несчастные страны, которые эти нравы порождают".¹² Не мог философ предпочесть богатство нескольких личностей или даже нескольких городов,¹⁴ наживающихся на торговле с Османской империей, свободе целого народа, которому Европа обязана совершенными образцами искусств и наук. Вольтер слишком возвышался над "пустой идеей" европейского равновесия, чтобы пренебрегать интересами народов: все люди должны быть свободными, каждая страна должна пользоваться выгодами, данными ей природой, и эти великие результаты стоят разорения "нескольких алчных торгашей" - "вот что должен был думать Вольтер, вот что думал г.Тюрго", - писал Кондорсэ.¹⁵

Выступление Вольтера за освобождение Греции от турецкого ига знаменовали начало освободительного течения европейской общественной жизни. Вместе с тем, его отношение к Турции не было предвзятым: он выступал за более глубокое ее изучение: "мы очень мало знаем этот народ, хотя живем с ним в близком соседстве", - писал он.¹⁶ Резкие выступления против ислама как одной из форм ненавистной ему официальной религии, не мешали Вольтеру подчеркивать необходимость подвергнуть критическому анализу все, что до сих пор известно о мусульманах и "не считать их Сарданапалами за то, что они признают только одного бога", "законы арабов, усвоенные турками-победителями, по крайней мере так же здравы, как и обычаи наших стран", - писал он.¹⁷

Французские просветители смотрели на общество, в том числе и на восточное (стремление рассматривать мировой исторический процесс с учетом стран Востока - одна из их несомненных заслуг) с точки зрения своих теорий. Подвергнув строгому анализу современное им французское общество, они подобным образом отнеслись к восточным государствам (прежде всего - Османской империи), ко-

которые представлялись им оплотом, "естественной формой" существования деспотизма в союзе с отсталой – даже по сравнению с католицизмом – религией. Последующие поколения европейских мыслителей смотрели на восточные границы государства иначе, зачастую – более объективно. Но революционный по своему существу характер учения просветителей имеет непреходящее значение в истории освобождения народов от предрассудков, гнета и насилия. Отношение к Османской империи Ф.-М. Вольтера как наиболее крупной фигуры Просвещения и его блестящего пропагандиста – оказало заметное влияние на умонастроение его современников в Европе XVIII в.

1. О степени его подготовленности можно судить, в частности, по содержанию библиотеки, хранящейся в Ленинграде (Библиотека Вольтера. Каталог книг М.-Л., 1961). – В ней имелись десятки книг, посвященных Востоку. По истории Османской империи в библиотеке были труды Д'Оссона, Рико, Миньо, Кантемира, Марсильи и других авторов. Вольтер высоко оценивал труд Д. Кантемира и советовал обращаться к нему, чтобы иметь представление о "подлинных турецких анналах". В другом месте он пишет, что допускает присутствие "древних басен" в труде Д. Кантемира, но ценит все лично виденное молдавским ученым – *Dimitrie Cantemir. Historian of South East European and Oriental civilizations. Buc., 1973, с. 328–329.* Далеко не всегда слова "турецкий" или "турок" в произведениях Вольтера имели отношение к Турции, например – "Письмо одного турка о факирах и его друге Бабабеке" (см.: Вольтер. Философские повести. М., 1985, с. 120–122) – философская притча с использованием "восточной" экзотики.
2. При работе над этой книгой Вольтер имел возможность получать информацию из первых рук. Так, он консультировался с бывшим послом Франции при Порте Ферриолем, с драгоманом французского посольства Брю, с бывшим английским посланником Джеффри, состоял в переписке с адъютантом Карла XII Понятовским – см.: *D. Nadidi. Voltaire et l'Islam. P., 1974, p. 23–24.*
3. Вольтер. История Карла XII, Короля Шведского. Ч. III. М., 1804, с. 62–63, 61, 56.
4. Ук. соч., с. 104–105.
5. А.А. Смирнов. Художественное творчество Вольтера. – В сб.: Вольтер. Под ред. В.П. Волгина. М.-Л., 1948, с. 118. Исследователи отмечали отвращение Вольтера к "духу милитаризма" – см.: Д. Морлей. Вольтер. М., 1889, с. 274.
6. Папа Бенедикт XIV принял "Магомета" от Вольтера как антиисламское произведение – см.: К. Розенкранц. Вольтер. – В кн.: Новый

Плутарх. Т. I. СПб., 1875, с. 311.

7. См. напр. N.Koribaa. *Defense du prophete (replique a la tragedie "Mahomet" de Voltaire)* /б.м., б.г./ (издание Национальной библиотеки Алжира).
8. Имеется ввиду осада Вены в 1683 г.
9. Вольтер. Поэма о нынешних делах, или увещание о восприятии против Турок оружия. – Полное собрание всех до ныне переведенных на Российский язык и в печать изданных сочинений. Второе издание. Ч.Ш. Козлов, 1791, с. 233–242.
10. Вольтер хотел даже внести свой личный вклад в победу над турками: так, он настойчиво советовал императрице применять в войне особые боевые повозки (так называемые "Томирины колестиды") – см.: *Философская и политическая переписка императрицы Екатерины Втория с г.Вольтером, продолжавшаяся с 1763 по 1778 г.* Ч.1. М., 1802, с. 56, III, 124.
11. Ук.соч., с. 103. Мустафа –Мустафа III, турецкий султан в 1757–1774 гг.
12. Ж.Ф.Кондорсэ. Жизнь Вольтера. СПб., 1882, с. 121–122.
13. Просветители употребляли этот термин в смысле "мыслитель".
14. Имеются в виду города Средиземноморского побережья Франции.
15. Ж.Ф.Кондорсэ, ук.соч., с. 122–123.
16. Ф.–М.Вольтер. Философия истории. СПб., 1868, с. 321.
17. Ф.–М.Вольтер, ук.соч., с. 320.

М.В.Воробьев

БУДДИЙСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ В ЯПОНИИ В VI–VII ВВ.(ПО "НИХОНГИ")

Буддизм в Японии в VI–VII вв. делал свои первые шаги, поэтому наряду с общими соображениями о причинах его распространения в стране /2/, об отношениях с местными религиями /4/ представляют интерес сведения о буддийской обрядности, рассеянные в "Нихонги" (Летописи Японии), 720 г. /5/, которые вместе с данными о буддийской литературе – сутрах /3/, позволяют лучше представить реальные формы исповедания этой религии.

Впервые термин, относящийся к буддийской обрядности в Японии, был употреблен китайскими летописцами в "Хоу Хань шу" (Истории Поздней Хань), цз. II5 применительно к III в. Речь идет о китайском термине "чичжай" (яп. дзисай), который Н.Я.Бичурин перевел как "пост" /1, с. 35/. Он действительно имеет такое значе-

ние, однако использован в этом источнике при описании древнеяпонского обряда очищения, ничего общего с буддизмом не имеющего, кроме внешнего сходства.

Первые намеки на подлинную буддийскую обрядность в Японии приурочены к датам проникновения буддизма на острова. По неортодоксальной версии – по "Фусо рякки" (Краткие сведения о Фусо) – Сыма Да из владений южнокитайской династии Лян, натурализовавшийся в Японии под именем Сибя Тацу (Тацута), в 522 г. воздвиг часовню в Сакатахара и поклонялся "золотому (или металлическому – М.В.) человеку"/37, с. 55/, т.е. очевидно буддийскому изваянию. По ортодоксальной версии, Сон-ван – царь Пэкче на Корейском полуострове – отправил в 552 г. в Японию статую, сутры и личное послание, представляющее новую доктрину. Приближенный Киммэя – царя Японии – Сога Инамэ получил указание построить в своей усадьбе часовню, поместить в нее статую и поклоняться ей "на пробу". Проблема из-за возникшей эпидемии вскоре была прекращена, часовня сожжена, а статуя сброшена в канал. С этой даты, менее надежно – с 522, 538 гг. и начинаются сообщения о буддийской обрядности. В 577 г. из Пэкче прибыла буддийская миссия, в составе которой находились три монаха, представляющие разные течения в буддизме, монахиня, строитель храмов, ваятель буддийских статуй; миссия привезла много буддийской литературы. Характер и состав миссии как будто предполагает и привнесение разных форм буддийской деятельности, в т.ч. обрядности, но об этом в "Нихонги" нет ни слова. Скорее наоборот: в 584 г. Сога Умако построил два храма и установил в них статуи Будды и бодхисаттвы (яп. Мирокү), а в следующем году – пагоду для хранения реликвии, нашел проповедника и монахинь. Но при попытке устроить моление ситуация 552 г. повторилась в точности. Впрочем налицо и знаменательные отклонения: созданы уже два храма, воздвигнуты две статуи и пагода, все мероприятие заняло семь месяцев, моления – месяц, а через два месяца после погрома Сога получил разрешение продолжить исповедание буддизма – в пределах своего клана.

Таким образом, вплоть до последних десятилетий VI в. сведения о буддийских обрядах сводятся к обобщенному "поклонению" Будде, причем в ряде случаев подразумеваемому, – когда говорится о возведении храмов, хранилищ реликвий, о приобретении статуй буддийских божеств, о приезде монахов и монахинь, чье существование бессмысленно без обрядов. Но в пределах японского общества в то время эти "поклонения" не получили широкого распространения, их даже стремились ограничить пределами царского дворца,

клана, семьи.

Царский клан все более, однако, последовательно поддерживал буддизм, и уже в 587 г. были благосклонно приняты и новый храм, и буддийская статуя, созданные по обету, при соблюдении соответствующей обрядности. В 594 г., уже при царице Суйко и регенте Сётоку-тайси, активных сторонниках буддизма, от лица правительницы раздался призыв заботиться о процветании "трех драгоценностей" (Будды, его учения, общины верующих). В тех же выражениях призыв был повторен в программных "Законоположениях из 17-ти статей" Сётоку-тайси в 604 г. (ст. 2-я). Конкретно царская забота о пропаганде буддизма выразилась в новом предприятии - чтении отрывков из сутр, осуществленном Сётоку-тайси в 606 г.

Хотя в эти годы, по "Нихонги", "вельможи наперебой усердствовали в возведении храмов" /5, XXII, 2/, а только в 595-616 гг. из Кореи пять раз приезжали проповедники с буддийскими изображениями, буддийская обрядность не попала в поле зрения источника. Похоже, она не была удовлетворительно налажена даже на взгляд деятелей той эпохи, прежде всего, из-за неорганизованности и неподготовленности самого клира. В 622 г. из Китая спешно вызваны богословы, проходящие там обучение. В 623 г. после трагического инцидента сделан вывод, что "монахи и монахини не изучали буддийские заповеди..." /5, XXII, 38/, хотя в стране насчитывалось 46 храмов и 1385 клириков. В 624 г. впервые предпринято упорядочение буддийских организаций. В дальнейшем перечисленные меры расширялись и интенсифицировались.

Поскольку они проводились в обстановке господства национальной религии синто, "Нихонги" отмечают столкновения в сфере обрядности. В 642 г. оно произошло по поводу жертвоприношения коней и скота синтоистами, недопустимого для буддистов. В 646 г. запрещение сооружать огромные могильники, хоронить в них "живых вслед за умершими" и ценности - стало несомненной победой буддийской обрядности. В 50-х годах VII в. впервые, как сообщается, проведено несколько публичных буддийских молитвенных собраний и служб. В 685 г. особым указом во всех домах (повидимому, в присутственных местах - М.В.) велено завести алтари с буддийскими изображениями, сутрами и совершать моления и жертвоприношения. Как кажется, буддийская обрядность была вменена в обязанность - в такой трактовке - служилому сословию.

На страницах, посвященных последней четверти VII в., "Нихонги" уделяют особое внимание чрезвычайным, нерегулярным, эпизодическим буддийским обрядам, проводимым в императорском дворце,

реже - в отдельных храмах, по особым поводам и по инициативе высшей власти, но обязательно при большом стечении клириков и мирян. Многие такие обряды: собрания (сочетание молитвенного собрания, церковной службы, ритуальной трапезы), праздники освящения отличались особым многолюдством, выделяемым источником. Кроме мирян (сановников, придворных) на таком празднестве в 690 г. приняло участие 3363 клирика из семи храмов. Возможно, многолюдство таких мероприятий - дань синтоистской традиции. Текущие службы в храмах едва упоминаются в источнике.

Если обратиться к конкретным формам этой обрядности, то в "Нихонги" отмечены следующие, наиболее важные формы. Собрание с ритуальной трапезой для буддийского клира (мисай-э, дайсай-э, го-сай-э), как это отражено в терминах, созывалось по инициативе и в присутствии представителей высшей власти. Обычай восходит к эпизоду, когда в Индии на трапезу были приглашены Будда с учениками /6, с. 57-58/. В источнике трапеза выступает как самостоятельный обряд и как часть более сложного молитвенного собрания. Похоже, впервые ее устроил Сога Умако в 584 г. в честь освящения буддийских храмов и статуй. В 606 г. такая трапеза состоялась во дворце по случаю освящения статуи Будды при большом стечении народа. По "Нихонги" с тех пор малую трапезу организовывали регулярно во всех храмах дважды в год: в день рождения Будды - по японскому счету в 8-й день 4-й луны (Буссё-э) и в день поминовения душ - 5-й день 7-й луны (бон-э, урабон-э). Это правило подтверждалось в 647, 657 гг. Состоялась трапеза и в 659 г. - в день поминовения душ, но день рождения Будды в "Нихонги" отмечен один раз в 606 г. Важной частью обряда, особенно в день поминовения душ, стало выставление жертвенных сосудов с пищей и питьем, дабы клир отмаливал души умерших у ада и от нежелательного перерождения. Аналогичная трапеза устраивалась и по другим случаям: при чтении сутр (640 г.), при молениях о выздоровлении императрицы (690 г.). Отдельные трапезы были очень многолюдны, собирая до 2400 чел. (675 г.) и более.

Собрание в честь добродетельных царей (нинно-э) было прочно связано с чтением отрывков из сутры, посвященной этим царям. Но собрание имело самостоятельное значение - защиту страны от любых бедствий. Первое собрание состоялось в 660 г., второе - 676 г. (по случаю моления о дожде), третье - в 693 г., когда было принято решение о проведении собрания ежегодно, что не исключало их созыва по конкретному поводу.

Значительной популярностью пользовалось большое собрание ради всеобщего спасения (муся дайэ). Впервые оно состоялось в 596 г.

по случаю окончания строительства храма Хокодзи (Асука-дэра), позднее - неоднократно: в 649, 656, 686, 688 (когда использован этот термин), 693 (дважды), 697 гг. - по разным поводам. Интересно, в 693 и 697 г. собрания проходили с участием синтоистских жрецов (ср. 6, с. 194-196).

Собрание ради освобождения живых существ (ходзё-э) впервые упомянуто в "Нихонги" под 676-м годом. В 15-й день 8-й луны выпускали на свободу птиц и рыб, специально для этой цели приготовленных. Не случайно и амнистии старались приурочить к этому собранию. Запрещение убивать многие категории животных, птиц, рыб подтверждалось указами в 675, 689 гг.

Собрание в честь возжигания светильников (ми-акаи, нэнто-э), или праздник фонарей, впервые отмечены в последний день старого 651-го года. Оно должно было очистить Новый год от старых грехов и зла, изгнав тьму - прибежище духов зла и болезней, и обеспечить наступление царства света Будды /6, с. 237-239/. В этот день было зажжено свыше 2700 светильников, а в собрании участвовало более 2100 клириков. Позднее этот обряд совершался и по более конкретным поводам: в 686 г. ради исцеления императора Тэмму от болезни.

Описанный обряд мог сочетаться с другим - с обрядом покаяния в грехах (кэкка). Так случилось в 686 г., когда с покаянием обращались к бодхисаттве Бхайсадзягуру (яп. Якуси-нэрай) во время болезни Тэмму. С обрядом покаяния были связаны моления, обращенные к Будде-мессии Майтрейя (яп. Мироку), которому приписывалась способность обеспечивать благоприятное перерождение или, по крайней мере, облегчать путь в рай (в "чистую землю" - дзёдо). Возможно, первый обряд такого рода относится к 584 г.

Обряд пострижения часто не ограничивался простым оформлением вступления в клир. Впервые в 587 г. сын Сиба Татто постригся в монахи, желая вымолить царю Ёмёу исцеление. В дальнейшем отмечаются коллективные пострижения по аналогичному поводу: в 614 г. - 1000 чел., в 665 г. - 330, в 680 г. - 100, в 682 г. - 140, в 686 г. - 70 чел. Такие пострижения могли быть не всегда и не вполне добровольными: в 696 г. императрица Дзито пожелала, чтобы впредь в последний день старого года постригалось по сто человек "праведников".

Среди клира и ревностных буддистов было в ходу уединения для духовного сосредоточения и чтения сутр (анко). В "Нихонги" оно упомянуто под 680, 683, 685, 690-ми годами. Обряд уединения после обряда пострижения самый немногочисленный, точнее - индивидуальный.

Итак, "Нихонги" отмечает развитие буддийской обрядности от

обобщенного "поклонения Будде" до разнообразных и специализированных форм, от внутрисемейных "на пробу" до массовых при императорском дворе – по мере распространения буддизма, укрепления буддийских организаций и догматов. Выделяется инициатива императорского (царского) двора в организации по особому поводу массовых собраний и празднеств, обычно во дворце, как средства пропаганды и патронажа буддизма. Отличительной чертой таких собраний и праздников стало участие в них клириков разных храмов и учений, иногда – синтоистских жрецов, обычно – значительного слоя мирян. Являясь государственной хроникой "Нихонги" не описывает, часто даже не упоминает, повседневных и чисто церковных буддистских обрядов, хотя знает и поддерживает их (ср. указ 685 г.).

Литература

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М., 1950.
2. Воробьев М.В. Буддизм в Японии в VI–VII вв. – Востокведение. Л., вып. 14, 1988.
3. Воробьев М.В. Буддийские сутры в Японии в VII в. (по "Нихонги"). – ПП и ПИКНВ, XXI. М., 1987.
4. Воробьев М.В. Формирование двоеверия в Японии в VI–VII вв. – ПП и ПИКНВ, ХУП. М., 1983.
5. Nihongi. Chronicles From Japan. London-Tokyo, 1956.
6. Visser M.W.de. Ancient Buddhism in Japan. V.1. Paris, 1928.
7. Коикэ Нагаюки. Нихон-но сюкё си (История религий в Японии). Токио, 1963.

Т.А.Дейнека

ОБОСНОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕГИПТА В ТИТУЛАТУРЕ АМЕНХОТПА III

Правление Аменхотпа III было временем во многих отношениях переходным. В области внешней политики для него были характерны отказ от дальнейших завоеваний, тесные дипломатические отношения с крупными переднеазиатскими державами. В области внутренней политики – стабилизация египетской власти в провинциях (упорядочение сбора дани, наличие египетских гарнизонов и административных центров, прекращение антиегипетских выступлений местного населения), осуществление больших строительных работ. Существенные сдвиги произошли и в сфере идеологии. В официальных царских надписях впервые появляются мотивы милосердия царя к побежденным, благоде-

тельности власти фараона для верных ему чужеземных подданных, добровольности приношений иноземцев. В то же время сохраняется традиционное представление о необходимости устрашения врага, а также возникший в начале XVIII династии интерес к событиям походов, к единоличным подвигам царя (последнее — только в эпитетах). Анализ титулатуры Аменхотпа III и ее сопоставление с титулатурами других фараонов позволяет определить, какие из этих представлений в то время были для египтян наиболее значимыми, что отличало политическую концепцию Аменхотпа III от воззрений фараонов первой половины династии и какие ее черты разрабатывались в последующую эпоху (правление Тутанхамуна — Харемха).

Будут рассмотрены четыре группы источников, отличающиеся разной степенью общепризнанности и конкретности выраженных в них представлений: основная титулатура, вариантные титулатуры, "ближайшие" эпитеты царя (т.е. эпитеты, располагающиеся между концом одного царского имени и началом другого, а также примыкающие к последнему картушу фараона), титулатура и "ближайшие" эпитеты царя, упоминающиеся в частных надписях.

В полном виде основная титулатура Аменхотпа III встречается в большинстве датированных надписей первых 36 лет царствования (высший год правления — 38-й). Она выражает наиболее устойчивые, официально санкционированные представления. Первые три имени: "Хор Телец крепкий, воссиявший в праведности, Обе владычицы Установивший правовые нормы, успокоивший обе земли, Хор-Золото Большой мечом, разбивший азиатов" — дают оценку царской власти в связи с концепцией маат,¹ а также характеризуют внутри- и внешнеполитическую деятельность фараона. В ряду титулатур других царей XVIII династии приведенная выше носит промежуточный характер: оценка внешнеполитической деятельности фараона сохраняет в ней значительную роль, но приводится после оценки внутриполитической деятельности, до этого специально не выделявшейся (со времени Тхутмосе I имя "Обе владычицы" описывало лишь долготу, прочность, божественность власти фараона). После Аменхотпа III оценка внешнеполитической деятельности в титулатуру не включается (исключение — эфемерный царь Эйе), в то время как внутриполитическая деятельность постоянно описывается в выражениях, близких к употребляемому Аменхотпом III; в правление же Харемха этот мотив вообще вытесняет все другие. Интерес к личным воинским качествам фараона, заметный в именах Тхутмосе III и Аменхотпа II, у Аменхотпа III и у последующих фараонов XVIII династии отсутствует.

Вариантные титулатуры связаны с празднованием хеб-седа (30,

34, 37 годы), относятся, очевидно, к концу царствования и встречаются в основном в надписях храмов, где было желательно запечатлеть как можно больше имен и эпитетов царя; они уточняют представления об отдельных аспектах царской власти. В этих титулатурах, как и в основной, внешнеполитической деятельности фараона отводится значительное место.² Впервые в титулатуру включается мотив исключительности правления Аменхотпа III в ряду других царствований, в одном случае эта исключительность связывается с активной внешней политикой ("Хор-Золото Телец среди прежних царей (Египта), отразивший девять луков"³). Царю приписывается способность внушать страх покоренным народам, но мотивы его личной доблести отсутствуют. Во втором и третьем именах разрабатываются мотивы внутриполитической деятельности фараона, причем, в отличие от основной титулатуры и впервые за время XVIII династии, отмечается активность в строительстве памятников, обилие которых рассматривается как показатель могущества⁴ (указание на строительную деятельность фараона при Харемха войдет в основную титулатуру).

"Ближайшие" эпитеты царя более разнообразны и конкретны, чем имена, входящие в состав титулатуры, но, в отличие от последних, не носят постоянного характера, их выбор относительно свободен и зависит от содержания текста.

Повторяя мотив власти фараона над всеми народами, "ближайшие" эпитеты в то же время заключают в себе концепцию оборонительной внешней политики, представляя царя "защитником" Египта и его богов, сила которого направлена против "злоумышленников".⁵ Подобная концепция была распространена в эпоху Среднего царства; в период первой половины XVIII династии и, особенно, в правление Тхутмосе III - Аменхотпа II больше подчеркивалось стремление к "расширению границ", экономические и политические выгоды от завоеваний, "удовольствие" от войны как таковое. Эпитеты много говорят о необходимости устрашения "мятежных" народов, но в них часто упоминается и любовь к царю богов завоеванных областей,⁶ причем большая часть этих надписей происходит из новых египетских провинций, что говорит о затухании "пропаганды", адресованной новым подданным фараона.

Если в основной и вариантной титулатурах мотивы личной доблести фараона не встречаются, то в "ближайших" эпитетах они широко представлены; часто повторяются идеи и выражения, характерные для правлений Тхутмосе III и Аменхотпа II (царь "победоносный мечом",⁷ "деятельный",⁸ "действующий руками своими",⁹ "стойкий сердцем /на/ поле битвы"¹⁰ и др.). В эпитетах отразилось распространенное в это время представление о предопределенности побед царя ("обеспеченный по-

бедами подобно владыке Фив", т.е. Аму^{II}).

Эпитеты, отражающие внутривластическую деятельность, подтверждают большое значение строительной активности фараона.¹² Сравнение в одном случае деятельности фараона с действием весов, символом точности и справедливости, распространенном в автобиографиях вельмож, означает возврат (по крайней мере в этом тексте) к образу фараона – идеального чиновника, обычному для Среднего царства, но не для первой половины XVIII династии, и менее всего – для времени правлений Тхутмосе III и Аменхотпа II, когда царь представлялся воплощением воинских доблестей.¹³

В частных надписях титулатура царя (за исключением тронного и личного имени) приводится редко и чаще всего неточно. Это как бы "пересказы" титулатуры, и по тому, какие именно ее мотивы в надписях воспроизводятся, а какие опускаются, "забываются", можно установить, что представлялось их заказчикам и составителям относительно более важным и характерным.

Частные надписи подтверждают значимость для египтян идеи исключительности царствования Аменхотпа III,¹⁴ концепции оборонительной внешней политики,¹⁵ мотива победоносности фараона.¹⁶ Однако в них отсутствуют какие-либо описания внутривластической деятельности фараона и, в частности, его строительной активности. В этом смысле частные надписи "отстают" от официальных, сохраняя традиционный для первой половины правления династии образ фараона-воина, владыки Египта и всех других стран, а не властителя Египта по-преимуществу.

Таким образом, источники показывают двойственный характер политической идеологии времени правления Аменхотпа III. Сохраняется интерес к внешнеполитической сфере деятельности фараона, повторяются или перерабатываются мотивы титулатур фараонов первой половины династии. В то же время, новая международная и внутренняя обстановка повлияли, как мне кажется, на такие изменения в титулатурах и эпитетах, как введение мотива защиты фараонов Египта, т.е. возврат к концепции оборонительной внешней политики, некоторое оттеснение мотивов личной воинской доблести фараона (они используются теперь в эпитетах, но не в титулатуре), интерес к внутривластической и, в частности, к строительной деятельности фараона. Мотивы милосердия царя к побежденным и благодетельности его власти для сохраняющих верность царю новых подданных, прослеживаемые в надписях и эпитетах царя, не нашли отражения ни в титулатуре, ни в "ближайших" эпитетах (за исключением мотива любви к царю богов завоеванных областей и однажды встречающегося на оттиске пе-

чати эпитета "блеск Йота, воссиявший [над] всеми чужеземными странами"¹⁷), ни в надписях частных лиц. Общеизвестной оставалась все-таки концепция подавления и устрашения иноземцев.

Аменхотп III первым из фараонов заявил в своей титулатуре о том, что его правление является выдающимся, тем самым как бы подводя итог предшествующей жизни страны. Сохраняя в своей титулатуре черты, которые были свойственны периоду завоеваний, он первым выразил в ней идеи нового периода египетской истории – периода мирного функционирования империи, и потому именно его титулатура оказала наибольшее влияние на титулатуру фараонов конца династии. Так, уже в первоначальной титулатуре Аменхотпа IV отсутствуют мотивы внешнеполитической деятельности, подчеркивается связь царя с Фивами и Карнаком.¹⁸ Еще более явно темы и их словесные формулировки, введенные Аменхотпом III, используются Тутанхамуном, Эйе, Харемха.¹⁹

-
1. О концепции "маат" см.: R.Anthes. *Die Maat des Echnaton von Amarna*. Baltimore, 1952; B.Altenmüller. *Synkretismus in den Sargtexten*. Wiesbaden, 1975. S. 67-72.
 2. См., напр., надписи на архитравах из Луксора, Gayet. *Mém. Miss.* XV. S. 21; LD III 83a; надпись ленинградского сфинкса B, Lieblein. *Denkmäler in St.Petersburg etc.* Christiania, 1873. S. 61-62.
 3. Ленинградский сфинкс A, Lieblein. *Ibid.*
 4. Архитрав из Луксора, LD III 83a; надпись южного "колосса Мемнона", Varille. *ASAE* 33. P. 85; статуя Аменхотпа III из Арманта Spiegelberg. *Rec. Trav.* 20. P. 49 и др.
 5. Архитравы из Луксора, LD III 73f, Urk IV 1700, Urk IV 1705; стела в Конессо, стк. 2-3, LD III 82a; Champollion. *Not. descr.* I. P. 164-165; de Morgan. *Cat. des mon.* I. P. 67-68.
 6. Стела из Бухена, Smith. *Buhen*. Pl. LXXV; стела в Конессо, стк. 4; надпись между Ассуаном и Филэ, стк. 3, LD III 81g; de Rougé. *Inscr.hiérogl.* P.254; de Morgan. *Cat. des mon.* I. P.4.
 7. Дверной косяк из Луксора, стк. 2, Urk IV 1707.
 8. Надпись между Ассуаном и Филэ, стк. 2.
 9. Архитрав из Луксора, Gayet. P. 13.
 10. Архитрав из Луксора, *ibid.* P. 3.
 11. Архитрав из Луксора, Urk IV 1684.
 12. Надписи на архитравах из Луксора, Gayet. P. 16, 24; надпись "А" в Туре, LD III 71b; Daressy. *ASAE* II. P. 259; надпись в поминальном храме, Lacau. *Stèles.* I. Pl. XV-XVI (рядом с изо-

бражением царя) и др.

13. Архитрав из Луксора, Gayet. P. 4.
14. Гробница Хериуфа, Fakhri. ASAE 42. P. 449; надпись начальников строительных работ Мена и Бека, de Morgan. Cat. des mon. I. p. 40; дверной косяк жреца Паири, слева, стк. 2-3, Brit. Mus. Hierogl. Texts VII. Pl. 7.
15. Дверной косяк Паири, стк. 2.
16. Надпись в гробнице Хериуфа, стк. 3-4; статуя великого домоправителя Аменхотпа, стк. 6, Urk IV 1794.
17. Hayes. JNES X. №3. Fig. 31(S 30). P. 167.
18. См.: Ю.Я.Перепелкин. Переворот Аменхотпа IV. Ч. I. М., 1967. Кн. II, с. 290-291.
19. См.: J. von Beckerath. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. München - B., 1984, S. 87.

О.Дж.Джалилов

ОТГОЛОСКИ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 гг. В КУРДСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Русско-турецкая война 1877-78 гг. завершилась победой России и на Балканах, и в Закавказье. Сломив сопротивление турок на восточном фронте, русские войска штурмом взяли их главную цитадель крепость Карс. Триумфальная победа русских войск в этом стратегически важном районе вселила в сердца курдов и армян веру в их освобождение от турецкого ига. Падение крепости Ардаган, сокрушительное поражение Мухтар-паши под Аладжем, взятие Эрзурума, сражение под Деве-Бойун принесли русскому оружию славу, а солдату-освободителю - любовь и уважение народов, страдающих от турецкого гнета.

Среди курдов Ближневосточного региона тогда существовало изречение: "Русский народ - надежда, потерявших надежду /на жизнь/" (Cime'ta ûrîs - ç'arê bêç'arane). Эта народная мудрость, дошедшая до нас из далекого прошлого, стала выражением благодарности и глубокой признательности курдов русскому воину - освободителю и в его лице всему русскому народу. Русско-турецкая война 1877-1878 гг., непосредственно затронувшая народы живущие в зоне военных действий, отразилась в народной эпике. В курдском фольклоре того времени несомненно нашли свое отражение отдельные эпизоды войны, бытовали рассказы о ярких исторических личностях, в них скорбели о погибших, о трагедии народа в целом. Из многочисленных сюжетов по

интересующей нас теме на сегодняшний день до нас дошли лишь две песни – эхо минувших дней, отголоски войны 1877–1878 гг.

В селении Верхний Арташат, Арташатского р-на Арм.ССР, в 1973 г. из уст Сутое Амара¹ мною была записана песня: "О горе, горе". В том же году в селении Бзован (ныне Бердик) того же р-на, из уст Махмуде Сыло² была зафиксирована другая песня: "В нашем краю пошла молва..." Обе относятся к жанру эпической поэзии, к историческим песням. В нашей коллекции, которая насчитывает более пятисот текстов, они представлены пока лишь единственными вариантами (по всей вероятности, эти песни сейчас исполняются сравнительно редко). По объему песни небольшие. Первая состоит из девяти, вторая из 13 строк, не исключено, что они – фрагменты когда-то бытовавших более полных и цельных текстов.

Определить историческую канву текстов, а также установить время их появления стало вполне возможным, когда мы обратились к событиям вековой давности. На протяжении всей русско-турецкой войны отношение к ней курдов имело большое значение для воюющих сторон. Проблема эта была в центре внимания как русского, так и турецкого командования. Перед началом военных действий на Кавказском фронте посол России в Константинополе генерал-адъютант Игнатьев обеспокоенно телеграфировал Е.И.В. Великому Князю Главнокомандующему о том, что кавказскому начальству "настоятельно необходимо заручиться сочувствием курдов и завязать с ними, по примеру прошлых войн, тайные сношения, иначе заискиваниям турецкой администрации и английским интригам удастся восстановить против России все воинственное население Курдистана".³

В песнях упоминаются имена русских военачальников: генерал-адъютанта Михаила Тариеловича Лорис-Меликова,⁴ генерал-лейтенанта Арзаса Артемьевича Тер-Гукасова,⁵ которые в военных действиях против турок снискали себе славу, внеся личный вклад в победу русских войск. Фигурируют в песнях и географические названия: река Арпачай (ава Раш), селение Субатан (собственные имена и топонимика подлинны), упоминаются противоборствующие стороны: отряды русских и турецких войск.

Образ Лорис-Меликова как генерала дружественной курдам русской армии и командующего корпусом на Кавказском фронте, станет более понятным, если вспомнить, что в ноябре 1876 г., когда Лорис-Меликов прибыл в крепость Александрополь (ныне Леникан) для предварительного ознакомления с обстановкой накануне войны, "к нему явились родственники и доверенные люди от всех курдских старшин Каресского пашалыка с заявлением полнейшей готовности слу-

жить нам (т.е. русским войскам - О.Дж.) по примеру прошлой войны, причем спрашивали указаний, что следует делать им до открытия военных действий".⁶ Главное командование русских войск на Кавказе возлагало большие надежды на Лорис-Меликова, генерал-адъютанта действующей армии, армянина по национальности, в налаживании деловых контактов с вождями курдских племен. Среди военных специалистов своего времени Лорис-Меликов славился как "глубокий знаток курдов и практик военного дела". Именно ему принадлежит идея создания курдской милиции на которую он смотрел, "... как на весьма важное политическое орудие, способное, при умелом и искусном его применении, создать значительные смуты и неурядицы в отношениях к Турции".⁷

Генерал Лорис-Меликов олицетворял для угнетенных курдов освобождение от турецкой тирании. Как сын армянского народа он имел самые тесные, деловые и личные контакты с некоторыми авторитетными курдскими военачальниками и главами племен.

Во время русско-турецкой войны Лорис-Меликов заручился поддержкой генерал-майора Джафар-аги, командующего курдской милицией в Эриванском отряде, а также Ахмед-аги - Какызманского каймакама, командовавшего в ту войну курдским № 2 полком на Карском театре военных действий,⁹ что во многом обеспечило успех русской армии. 12 апреля 1877 г., в день начала военных действий, главные силы русской армии, сосредоточенные в Александрополе, перешли границу, а через три дня, 15 апреля, разбили лагерь у селений Палдыран, Кирук-дара, Субатан, Хаджи-Вали и Гюлверан.¹⁰ Тогда турки в районе Субатана и Хаджи Вали, из IV корпуса (Анатолийской армии), сосредоточили против русских девять батальонов пехоты, четыре сотни из конно-регулярных частей, общей численностью 4.250 человек, и девять орудий.¹¹

В Карском пашалыке в начале войны почти все курды дружелюбно относились к русским. Позднее значительная их часть выступила против турок, перейдя на сторону русской армии.¹² Как отмечает капитан штаба Кавказского военного округа П.И.Аверьянов, "курды Дерсима и племена джемадинлы, зиянлы и касканлы не только не дали туркам ни одного человека, но и не приняли никакого участия в борьбе против русских".¹³

Во всем этом важную роль сыграли дружественные связи курдов Эриванской губернии с Лорис-Меликовым, вера и преданность курдов к России. За проявленное мужество и героизм многие воины-курды были награждены Георгиевскими крестами, золотыми и серебряными медалями "За храбрость" и т.д.¹⁴

В годы русско-турецкой войны Эриванским отрядом командовал другой генерал русской армии А.А.Тер-Гукасов, тоже армянин по национальности. Он также прославился как смелый и талантливый военачальник. Его отряд продвигался по направлению Эриван-Алашкерт и продолжал наступление в глубь восточной Анатолии. После ряда успешных операций и взятия важных стратегических пунктов (Диадин, Караклис, Алашкерт, Драмдах, Диар и Зейдан) 15 июня 1877 г. у селения Зевин отряд Тер-Гукасова вынужден был отступить.¹⁵ Вместе с ним отступали шестьсот больных и раненых, а также две тысячи армянских семей. Они без потерь пересекли русскую границу.¹⁶ Этот героический переход Тер-Гукасова вошел яркой страницей в историю русско-турецкой войны. Спасенные жители Алашкерта позднее обосновавшиеся в Араратской долине, увековечили имя русского генерала в своих песнях.¹⁷

В песне "В нашем краю пошла молва..." прослеживаются два момента: горе вызванное известием об гибели трех родственников-курдов и драматизм событий, переживаемых генералом Тер-Гукасовым (Тер-Гукас). В своем отчаянии генерал немногословен, его душевное состояние в песне передается лаконично: "Только что Тер-Гукас топал ногами по земле, рвал на себе волосы и приказал пушкарям: "Выводите пушки на огневые позиции". Эта почти документальная точность подтверждает, что речь идет об отступлении отряда Тер-Гукасова под селением Зевин 15 июня 1877 г. Именно об этом дне, об этом отступлении "в нашем краю пошла молва", в краю, находящемся в стороне от места боев. Там с вечера не утихает грохот телег повозок и ранеными и больными. Такова картина отступления, представленная скупыми образными средствами.

С уверенностью можно сказать, что песни "О горе, горе", "В нашем краю пошла молва..." родились вслед за событиями, разыгравшимися в апреле 1877 г. во время наступления русских войск близ селения Субатан и при отступлении в июне того же года под Зевинном. Песни поются от первого лица, от лица человека, пережившего все ужасы войны, это подтверждает мысль о том, что они были созданы по свежим впечатлениям. В песнях находит свое отражение народное образное мышление курдов. Так, чтобы подчеркнуть значительность образа Лорис-Меликова, его храбрость и отвагу, певец сравнивает его с гордым, смелым пастухом, который один уверенно справляется с вражеским отрядом, представленным в песне как стадо овец, двигавшееся в сторону пастуха, в сторону "разукрашенного шатра рус-Меликова" (русского Меликова - О.Дж.) . Шатер русского генерала - в пестрых, ярких красках - по народному представлению символи-

зирующих успех, победу.

Народ выражает чувство жалости к простым турецким воинам, "молодым" и "холостым" ребятам, насильно угнанным на войну. В то же время в ней звучат проклятия в адрес турецких военачальников, отправивших их на бойню. Певец сравнивает полки русских драгунов, преследующих врага, со стаей свирепых волков, жаждущих мести. Образ волка типичен для курдского фольклора. Он подчеркивает бесстрашие и решительность человека.

Анализ исторической основы двух выше приведенных песен подтверждает мысль, что без знания исторических событий зачастую невозможно правильно понять стержень текстов, их смысловую нагрузку, верно истолковать их. Песни "О горе, горе", "В нашем краю пошла молва...", являясь отголосками событий вековой давности, сохранили в себе информативный материал касающийся времен русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

I. О горе, горе

Сражались мы у реки Арпачай,¹⁸

После полуночи пули этих иноверцев летят на нас, как полова [на ветру],

Пусть слепая хворь войдет в дома чавушей¹⁹ и бинбашей²⁰! Они [собрали] тысячу семьсот турецких парней - все в красных фесках с черными кисточками, все с чубами, молодые, холостые, все ровесники - собрали [и отправили на поле боя], как стадо [послушных] овец, идут [они] навстречу пастуху, [а тот], один, с раннего утра, кого убивает, кого укрощает.

Смотрю на холмы [селения] Субатан,²¹ - [они] в черном туфе,

5. Пусть слепая хворь войдет в дома чавушей и бинбашей! Они тысячу семьсот турецких парней - все в красных фесках с черными кисточками, все с чубами, молодые, холостые, все ровесники - собрали и отправили к разукрашенному шатру рус-Меликова.

Как стадо [послушных] овец идут [они] к пастуху, [а тот], один, с раннего утра, кого убивает, кого загоняет в ущелье реки ава Раш.²²

Смотрю на холмы [селения] Субатан - [они] в мелких камнях,

С вечера по ним движутся русские драгунские полки, подобно свирепым волкам.

Пусть слепая хворь войдет в дома чавушей и бинбашей! Они тысячу семьсот турецких парней - все в красных фесках, с черными кисточками, все с чубами, молодые, холостые, все ровесники - собрали [и отправили на поле боя], как стадо овец идут [они] навстречу

пастуху, За тот один с раннего утра, кого убивает, кого загоняет в глубокое ущелье. ²³

2. В нашем краю пошла молва ...

О отец, в нашем краю пошла молва...

С вечера движется отряд Тер-Гукаса.

Не так давно Хавсе-ханум сказала: "Убиты братья БаDIR, НаDIR И, по слухам, в нашем несчастье виновен - священник".

Быть мне жертвой, жертвой За БаDIRа,

5. Быть мне жертвой, жертвой За НаDIRа,

Я жертва За Хусни - хозяина коня Пело.

Убита я горем, отец,

На край в стороне От места боев,

Все же с вечера там не утихает грохот повозок И колясок,

10. Только что Тер-Гукас топал ногами по земле, рвал на себе волосы и приказал пушкарям: "Выведите пушки на Огневые позиции!"

Быть мне жертвой, жертвой За БаDIRа,

Быть мне жертвой, жертвой За НаDIRа,

Я - жертва За Хусни - хозяина коня Пело. ²⁴

-
1. Сутое Амар родился в 1923 г. в селении Шамиран Аштаракского р-на Арм.ССР. В 1930 г. его родители переселились в селение Верхний Арташат Арабатского р-на Арм.ССР, где он проживает поныне. С.Амар - хороший знаток курдского фольклора.
 2. Махмуде Сыло родился в 1923 г. в селении Диан Талинского р-на Арм.ССР. Ныне проживает в селении Армавир Октемберянского р-на Арм.ССР. Шейх Шамса. М.Сыло в 30-х годах учился в Курдском Закавказском педагогическом Институте. Исполнительскому искусству учился в основном у старшего брата, который в 1904 г. окончил сельскую школу в селении Зор Сурмалинского уезда (ныне Турция), впервые открытую русскими властями для детей состоятельных курдских семей.
 3. Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией. Тифлис, 1900, с. 167-168. (Далее - Аверьянов).
 4. Лорис-Меликов, Михаил Тариелович (1825-1888) - государственный деятель России, генерал-адъютант. Из дворян Тифлисской губернии. Учился в Лазаревском институте и в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерских юнкеров в Петербурге. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. командовал корпусом, фактически возглавлял военные действия на Кавказском театре, после заключения мира получил титул графа. Советская Истори-

ческая Энциклопедия. М., т. 8, с. 791.

5. Тер-Гукасов Арзас Артемьевич (1819-1881). Генерал-лейтенант. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был назначен начальником Эриванского отряда, а в дальнейшем командовал 2-ым Кавказским корпусом. 9 июня 1877 г. под Даяром одержал победу, но вследствие неудачи у селения Зевин вынужден был отступить. Принимал действенное участие в боях под Баязетом и Деве-Бойуна, взял Алашкерт, (Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. Т. 64, СПб., с. 947).
6. Аверьянов, с. 170.
7. Там же, с. 305.
8. Каймакам - военный чин турецкой армии, соответствует званию полковника; правитель уезда.
9. Аверьянов, с. 168.
10. А.Эльчибекян. Генерал-адъютант М.Т.Лорис-Меликов. Ереван, 1942, с. 32 (на арм.яз.).
11. Б.Колюбакин. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. СПб., 1906, с. 98-99.
12. Х.М.Чатоев. Из истории русско-курдских связей. - В сб.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Т. XIII. Курдоведение. Ереван, 1985, с. 86.
13. Там же, с. 86-87.
14. Аверьянов, с. 167.
15. "Зевин - селение в турецкой Армении, на пути из Карса в Эрзурум. В начале июня 1877 г., когда получены были известия, что турки, сосредоточив большие силы, угрожают нашему эриванскому отряду (ген. Тер-Гукасов), для отвлечения внимания их в другую сторону двинулась из-под Карса к Саганлугу колонна ген.-лейт. Геймана 13 июня атаковала укрепленную неприятельскую позицию, на высотах правого берега р.Зевин-чай. Атака сначала пошла успешно, наша пехота овладела первой линией неприятельских траншей: но передовые высоты оказались отделенными от главной позиции глубоким оврагом, с почти отвесными берегами, и все покушения перейти его под страшным огнем турок, были безуспешны. Обходная колонна, направленная на правый фланг неприятеля, встретила на своем пути большие затруднения и не могла во время вступить в дело, наступившая темнота приостановила сражение. Прибытие к туркам подкрепленный, недостаток патронов, утомление войск и громадные потери не позволяли возобновить бой на другой день. Ночью наши войска отступили на левый берег Зевин-чая, не тревожимые неприятелем". Энциклопе-

дический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. Т. 23, с.374-375.

16. В.Парсамян. Генерал-лейтенант А.А.Тер-Гукасов. Ереван, 1942, с. 23 (на арм.яз.).
17. Там же, с. 24.
18. Арпачай (Арпа-чай) - правый приток Аракса.
19. Чавуш - унтер офицер.
20. Бинбаш - военный чин турецкой армии, соответствует званию майора.
21. Субатан (Суббатан) - селение, восточнее г.Карса, юго-западнее Баш-Кадыклара (Турция).
22. Ава Раш - курдское название правого притока Аракса (см. Арпа-чай).

23. Wey-lê, wey-lê

Şeřekê me qewimye h'afa Erp'açaê,
Nîşev şûnda gullê vî k'afirî tene mînanî kaê,
Bira kula kor têk'eva mala çawîsa, mînbashiya! Çewa destê
h'ezar h'evsid mêrê Rômê fînosorî, qotikîşî, t'emamî
t'uncikî, t'ünsizî, nezewicî, çaxê hevra girtîye, mînanî
kerî pezê ser şivana bih'eîrike, k'ubara sivêda yekane
pêk'eve h'erça qîrke, herça xweîa bine îaê.

Tapê Sûbatanê dinêîm - kevîrê îase,

5. Bira kula kor têk'eva mala çawîsa, mînbashiya! Çewa destê
h'ezar h'evsid mêrê Rômê, fînosorî, qotikîşî, t'emamî
t'uncikî, t'ünsizî, nezewicî, saxê hevra girtîye şandîye
dor çadira îus Mêlikova dor bi nexşe,

Mina kerî pezê ser şivana bih'eîrike, k'ubara sivêda yekane
pêk'eve, herça qîrke, herça têke kendalê ava îeşe.

Tapê Sûbatanê dinêîm - kevîrê hûre,

Îsev êvarda têda dik'şe ordîya ûîise diragûne, mîna gurê jê
devxûne,

Bira kula kor têk'eva mala çawîsa û mînbashiya! Çewa destê
h'ezar h'evsid mêrê Rômê fînosorî, qotikîşî, t'emamî
t'uncikî, t'ünsizî, nezewicî, çaxê hevra girtîye mînanî
kerî pezê ser şivana bih'erike, k'ubara sivêda yekane
pêk'eve herça qîrke, herça têke kendalê ava k'ûre.

24. Welatê meda bye be'se ...

Lo bavo, welatê meda bye be'se ...

Îşev êvarda dik'şe ordya Têr-Îûkase,

Lema gava dinê H'evsê-xanimê dikire gazî, digo: "Hatye

kuḡtinê Bedirê bira, Nadirê, bira, salixa, sevavê me
p'ap'ase".

Gorîme, gorîya Bedirim,

5. Gorîme, gorîya Nadirim,

Ez gorîya H'usnî, sîyarê P'êlome.

Delîlim, bavo,

Welatê meyî wê bi yane,

Evarda têda kê m nebe dengê keleske, e'rebane,

10. Dema gava dinê Têr-Xûkas nigê xwe e'rdê dixist, p'orê

xwe vedi'rût, digote t'op'çîya, digo: "T'opa derxin ser
t'e'vîyane!"

Gorîme, gorîya Bedirim,

Gorîme, gorîya Nadirim,

Ez gorîya H'usnî, sîyarê P'êlome.

К.Д.Джусаев

МАРШРУТ ПОХОДА ЕЛЮЙ ДАШИ

Среди сановников империи Ляо, сыгравших большую роль в организации сопротивления новообразованной империи Цзинь, в исторических хрониках упоминается родственник основателя Ляо в восьмом поколении Елюй Даши. Внук Тайцзу, Даши получил соответствующее члену дома Ляо образование. Даши начал карьеру в степени цзиньши и дослужился до должности цыши округов Тайчжоу и Сяньючжоу исполняя при этом обязанности цзюньцзедуши округа Ляосин.¹ И хотя упоминания о Даши в хрониках кратки, по их содержанию можно составить о нем представление как о человеке необычайно одаренном. Качества талантливого военного и политического деятеля, проявленные им за период войны с чжурчжэнями в конечном счете предопределили успех при создании нового киданьского государства Си Ляо и тем самым сохранения киданьской самобытности. Однако война с чжурчжэнями лишь выявила способности Даши умело руководить обороной Ляо, качества же мужа достойного возглавить и организовать это спасение и возрождение проявились у него наиболее полно в западном походе на Семиречье.

Сведения о западном походе киданей изложены в 30 главе Ляо ши. Перевод этой главы, выполненный Э.Бретшнейдером известен исследователям. Однако неточности и опiski в изложении событий присутствующих не только в 30 главе, но и во всем корпусе Ляо ши де-

лают необходимым дополнительный анализ данного текста.

С крушением Ляо, неуничтоженные в войне с чжурчжэнями киданьские форпосты оставались у северо-западных границ Ляо. После того, как Даши убедился в невозможности оказывать сопротивления чжурчжэням он, возглавив отряд численностью в 200 всадников выехал в северном направлении. Даши направился к городу Кэтунь. Путь в Кэтунь лежал через реку Хэйшуй, где Даши встретился с сяньюэнем племени байдадань Чжуан Гуэром. Чжуан Гуэр богато одарил Даши скотом. Передвигаясь на запад кидане достигли Кэтуни. Неизвестны детали деятельности Даши там. Вероятно, в Кэтуни ему удалось реализовать план, который он безуспешно предлагал императору Тяньцзо – создание боеспособной армии перед началом кампании по возрождению империи Ляо. Идея возрождения династии, видимо, всецело владела помыслами киданей в тот период. На это указывает речь произнесенная Даши в Бэйтиндухуфу перед созданными Даши вождями 7 аймаков и 18 племен: – "Мой предок в трудностях и лишениях утвердил династию. Сменяясь, правило 9 правителей. Правила 200 лет. [Государство] Цзинь было вассалом. [Ныне] приневолило мое государство, истребило мой народ, уничтожило наши округа и города, вынудило нашего императора Тяньцзо отправиться в изгнание и бежать за пределы страны. И днем и ночью [у меня] щемит сердце и болит голова. Ныне я, действуя во имя справедливости, намереваюсь опереться на мощь ваших племен и уничтожить врага и вернуть наши территории. Думаю, что ваши люди также переживают за мое государство и тревожатся за династию. Обдумайте сообща как помочь государю-отцу. Спасите тех, чьи жизни в опасности!"² В ответ на этот призыв Даши получил от вождей северо-западных племен 10 тыс. воинов. К 1130 году 20 тыс. армия, собранная в Кэтуни, вместе с 10 тыс. воинами из Бэйтиндухуфу и составили ту боеспособную армию, которая уже была в состоянии идти в поход. Нет никаких данных о том, что кидане сразу после Бэйтиндухуфу направились бы отвоевывать утерянные земли, однако надежда возродить династию не покидала их вплоть до 1134 года, когда после неудачной попытки начать поход на Цзинь, кидане, наконец, окончательно смирились с мыслью об избрании "Западного края" новой родиной. Из Бэйтиндухуфу кидане направились к уйгурам. Правителю уйгуров Бильге "прежде" было направлено письмо, в котором давалось объяснение, почему армия киданей должна была проходить через их земли по пути на запад. Бильге, получив письмо, сразу же выехал на встречу. Прибыв в ставку Даши Бильге, также как и Чжуан Гуэр, щедро одарил Даши скотом. Пожелал отдать сыновей и внуков в залож-

ники, стал его вассалом и проводил его за пределы страны.³

Если принять эти отрывки о деятельности Даши после гибели Ляо как достоверные факты, то можно обнаружить несколько неточностей, переходящих иногда в недоразумения. Так, например, в вышеприведенном письме к Бильге, Даши просит разрешения на проход через уйгурскую территорию, в то время как он уже находился в Бэйтиндухуфу, который отождествляется в науке с Бешбалыком – столицей уйгурского государства.⁴ Эти неточности были отмечены некоторыми исследователями, так, например, Дин Цян писал: – "Многие вассальные государства на северо-западе находились в границах Халхи. Город Кэтунь в период Ляо назывался Чжэнчжоу. Как раз в этом, очень важном в стратегическом отношении месте, Даши созвал племена и предпринял попытку возродить Ляо. Именно в это время, когда он дошел до этого города, он как раз написал письмо к находящимся военным лагерем в Бэйтиндухуфу. Это первая ошибка. Бэйтиндухуфу как раз в это время находился в пределах уйгурской территории; не будучи там и прося позволения пройти, как можно стоять там военным лагерем? Если письмо написано в следующем году, после перехода на запад, то тогда непонятно, почему в начале стоит иероглиф "прежде". Это вторая ошибка. Поскольку Кэтунь находится от Бэйтиндухуфу на расстоянии 2-х тыс. ли, как они были связаны тогда перепиской? Получается, что город Кэтуньчэн-это как раз и есть Бэйтиндухуфу. Это третья ошибка. Причина трех ошибок – не ясность представлений о географии".⁵ Разноречивые суждения высказываются исследователями и относительно начала похода. В 29 главе „Ляо ши“ говорится о том, что Даши после разрыва с Тяньцзо направился на запад. В 30 главе говорится уже о северном направлении. Географический вопрос: на север или на запад?² заключает в себе важный аспект – куда должны были направиться преследуемые чжурчжэнями кидане – на запад, к дружественным тангутам, или же на север – к монгольским племенам, открыто признающих родство с киданями, также готовыми помочь им?

Итак, в 30 главе маршрут похода выглядит следующим образом: – горы Цзяшань (разрыв с Тяньцзо) – трехсуточный переход на север и переправа через реку Хэйшуй – встреча с предводителем племени бай дадань Чжуан Гуэром – дальнейшее продвижение на запад к городу Кэтунь – остановка лагерем в Бэйтиндухуфу, курилтай с вождями северо-западных племен – письмо к Бильге и проход через уйгурскую территорию – дальнейшее продвижение на запад в направлении Семиречья.

– В комментариях Лян Яньдуна горы Цзяшань расположены в Суйюани (Внутренняя Монголия), в местечке Салаци.⁶

- Относительно реки Хэйшуй мнения исследователей разделяются. Одни, как Э.Бретшнейдер и др., считают ее рекой Эдзин-Гол в совр. провинции Ганьсу (в государстве Си Ся XI века). Другие, как например Ханеда Тору, Лян Юаньдун считают, что это река Шара-Мурен, также во Внутренней Монголии. Хэйшуй есть совр. река Халамулунь, что из Маоминаньбу впадает в Улатэ, а затем в Хуанхэ.⁷ Одни авторы мотивируют свое мнение, - что это река Шара-Мурен-тем, что от гор Цзяшань за трое суток можно добраться только до этой реки.⁸ Вероятно, Хэйшуй и есть река Шара-Мурен, т.к. река Эдзин-Гол находилась к западу от предполагаемого последнего убежища императора Тяньцзо, тогда как Даши отправился на север. Встреча Даши с племенем бай дадань, проживающим в то время в районе гор Иньшань,⁹ к северу от лессового плато, подкрепляет эту точку зрения. От них Даши уже прошел на запад и достиг через три дня Кэтуни.

- Городов с названием Кэтунь на территории Центральной Азии существовало несколько.¹⁰ Локализация Кэтуни, где остановился Даши облегчится, если будет установлено местонахождение реки Хэйшуй. Заслуживает внимания указание Дин Цяна, что Кэтунь находился в округе Чжэнчжоу, охватывающей зону контроля над северо-западными районами династии Ляо.¹¹ Кэтунь, в таком случае, стоял на реке Орхон.¹² Много позже Чингизхан объявил его своей столицей - Каракорум.¹³

- Локализация Бэйтиндухуфу затруднена и, как предполагает Т.Абэ, в 30 главе допущена ошибка, вместо "наместничество Бэйтин" должно быть "наместничество Аньбэй",¹⁴ и употребление термина "наместничество Бэйтин" ничем не оправдано, т.к. оно реально существовало задолго до описываемых событий.¹⁵ Ли Чжэньчжу указывал на то, что в период Тан существовало место, которое называлось Бэйтин в западной части Восточного Туркестана, на месте совр. Фуянь. Об этом говорит и Фэн Цзяшэн: - "Столицей княжества Гаочан было Хэчжоу... Второй столицей был Бешибали, совр. город Фуяньху."¹⁶ Помимо мнения об идентичности Бешбалька с Бэйтиндухуфу, Лян Юаньдун и Пельо выдвинули предположение о том, что наместничество Бэйтин, указанное в "Ляо ши", было древним уйгурским городом, находящимся около Кэтуни. И то, что Даши обратился ко многим племенам, жившим именно в северо-западных областях империи Ляо, делает это предположение более вероятным.¹⁷ Из Кэтуни, стоящем в дельте реки Орхон, Даши двинулся в страну уйгуров ...

- В этот период уйгуры не были союзниками и данниками киданей. Поэтому ничто не обязывало идькута Билеке растворять перед князем Елюй Даши ворота своей столицы.¹⁸ Однако, по "Ляо ши" Бильге

хорошо принял Даши, и поскольку "Турфанское княжество к этому времени утратило свое бывшее могущество, то, по-видимому, без сопротивления признало себя вассалом киданей".¹⁹ Тем не менее, как нам представляется, вассалами киданей по-настоящему уйгуры стали несколько позднее. На это указывает то, что по "Ляо ши" в 1129 году, когда Даши проезжал через город Хэчжоу, уйгурский хан Бильге на словах признал вассальную зависимость от Даши. Однако, по "Цзинь ши", в 1131 году Бильге захватил временно остановившихся в Гаочане воинов Даши, которых звали Саба, Дили и Туде и доставил в Цзинь.²⁰ Едва ли это могло случиться, если бы идыкут уже тогда признал себя вассалом киданей. Не думал ли идыкут этим актом купить у чжурчженей материальную поддержку на случай вооруженного столкновения с киданями?²¹ Сношения уйгуров с чжурчжэнями Цзинь, их регулярный характер (т.к. визиты уйгуров ко двору Цзинь были многочисленными) подтверждены в "Цзинь ши".²² Обо всем этом Даши не мог не знать: поэтому в начале 1130 года уйгуры еще не были вассалами Елюй Даши.

- Даши, после того как пересек владения уйгуров, направился к Кашгару и в битве с правителем этого города потерпел поражение. После этого Даши с остатками войска отступил на север и по пути пытался покорить киргизов, а затем достиг богатой пастбищами долины реки Емил, где он пребывал несколько лет. Здесь к Даши присоединились турки и другие народы и численность его поданных достигла 40 тыс. домов.²³ Даши с вновь пополненным войском оставил им построенный город Эмил, на берегу реки Емил, и направился к караханидскому городу Баласагун, с захватом которого и началось завоевание Семиречья.

1. Ляо ши, Сыбу бэйяо. Шанхай, 1935, цз. 27, 28, 29.

2. Там же, цз. 30.

3. Там же.

4. См.: А.Г.Малаявкин. Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). Новосибирск, 1981.

5. Дин Цян. Си Ляо лиго ши мо. Шанхай, 1923, л. 1а.

6. Лян Юаньдун. Си Ляо ши. Шанхай, 1934.

7. Ханеда Тору. Сэйрё кэнъоку но мисацу оёби соно нэнки, Ширин. 1916.

8. K.A.Wittfogel and Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907-1125). Philadelphia, 1949, p. 630.

9. Лян Юаньдун, ук.соч., с. 16.

10. Малаявкин, ук.соч., с. 274-275.

11. Дин Цян, ук.соч., л. 1а-1б.

12. Лян Юаньдун, ук.соч.
13. В.Н.Ткачев. Каракорум в XIII в. - В кн.: Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884-1931). Москва, 1986, с. 219-232.
14. А.Г.Малаявкин. Уйгурские государства в IX-XII вв. Новосибирск, 1983, с. 184.
15. Там же.
16. Фэн Цзяшэн. Юань дай вэйвур вэнь циюэ эр чжун. - Лиши яньцзю, 1954, № 1, с. 119.
17. K.A.Wittfogel and Feng Chia-sheng. Op.cit., p. 634.
18. Г.Е.Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. I, Ленинград. 1926, с. 394.
19. Малаявкин, Уйгурские государства..., 1983, с: 184.
20. Фэн Цзяшэн, ук.соч.
21. Грумм-Гржимайло, ук.соч., с. 397.
22. М.В.Воробьев. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. - 1234 г.). М., 1983, с. 336.
23. В.В.Бартольд. Киргизы. Исторический очерк. - Сочинения. Т. II. Ч.I. М., 1963, с. 502.

Н.А.Дулина

ОБ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ТАНЗИМАТА (1839-1878 гг.)

1. Большая часть жизненно необходимых уголовных норм не была упомянута в Коране и сунне, поэтому недостающие разрабатывались законооведами уже в первые века ислама, а позднее в Османской империи продолжали пополняться канунами султанов.

2. Мусульманская государственно-правовая доктрина допускала введение правовых изменений. Мусульманские юристы считали, что так как правила поведения по тем вопросам, которые не урегулированы Кораном и сунной, сформулированы людьми и не гарантированы от ошибочных суждений, то они могут заменяться другими суждениями.¹

3. В трудах средневековых мусульманских законоведов приводились мнения всех юристов, принадлежавших к одному мазхабу, о важных деталях правонарушений и о соответствующих наказаниях, даже если они не дополняли друг друга, а являлись противоречивыми. Все мнения признавались действительными. Каждый выбирал при решении дела ту норму, которая представлялась ему наиболее подходящей. Прямая отмена устаревших норм, даже не соответствовавших но-

вым потребностям, не практиковалась.

4. Средневековое уголовное мусульманское право содержало и такие нормы, которые не согласовывались с законами шариата. Это произошло потому, что кадийские (шариатские) суды не имели реальной возможности эффективно бороться с преступными элементами — строгие правила шариата не позволяли прибегать к такой практике ведения дела, которая по средневековым представлениям была необходима для эффективной борьбы с преступностью.² Например, шариат запрещал принимать свидетельства недостаточно уважаемых лиц, запрещал пытки и другого рода насилия во время следствия и суда. Чтобы подавить преступность уже в первые века ислама были созданы административные суды. Такие суды существовали и в Османской империи наряду с судами шариата. К ним и были в основном обращены кануны султанов. Принцип светского законодательства состоял в признании аксиомы: "каждая мера, к которой прибегал султан, соответствует общественной пользе, требованию времени и шариату". Поясняя это противоречие (то есть признание законодателями некоторых вводимых ими норм права соответствующими шариату, тогда как на самом деле они ему противоречили), известный турецкий историк О.Л.Баркан подчеркивал, что "в Османской империи господствовали дух, методы и терминология теоретической системы права, существовала неосознанная потребность оправдать законами шариата обычное право и светские учреждения".³

5. Шейхульисламы почти никогда не объявляли постановления султанов не имеющими силы по причине несоответствия шариату. Они издавали свои фетвы главным образом для того, чтобы сделать канун более понятным и приемлемым для кадиев, муфтиев и других официальных лиц. Если же шейхульислам признавал какой-либо канун противоречившим шариату, то имел право указать на это не кадиям, а только самому султану и в этом случае требовал от него, чтобы султан послал свое решение и приказ кадиям.⁴

6. Исследователи мусульманского права отмечают, что до XIX в. оно в значительной мере носило казуальный характер. Вместе с тем, уже в первые века ислама мусульманские правоведы стали разрабатывать и доктрину права, то есть общие положения, пригодные и необходимые для всех его категорий.⁵ Однако османское законодательство так "никогда и не смогло достичь форм и совершенства современных законов".⁶ Потому сохранившиеся до наших дней средневековые кануны — наме являются как бы неполными или дефектными. Повидимому полных собраний законов в средние века не существовало.

7. Перечисленные особенности мусульманского средневекового

права в определенной степени сохранились и в праве Танзимата. Например, в уголовных законах 1840, 1851 и 1858 гг. почти нигде не упоминалось об отмене каких-либо устаревших норм.⁸ Во всех уголовных законах Танзимата отмечалось, что шариат является основой канонов. Первые два закона (1840 и 1851) были весьма неполными. Заметная неполнота этих законов повидимому и объяснялась тем, что законодатели рассматривали их как дополнение к уже существовавшим юридическим нормам.

8. Вышеназванные особенности мусульманского права свидетельствуют о том, что оно, и прежде всего уголовная категория права, не была застывшей догмой и менялась в соответствии с требованиями времени, хотя и оставалась тесно связанной с мусульманской религией. В период Танзимата законодательная деятельность активизировалась и сопровождалась многими заметными и важными новшествами.

9. Основной целью реформ Танзимата было создание благоприятных условий для развития капиталистических отношений (обеспечение безопасности жизни, личности и собственности) при одновременном сохранении многих традиционных институтов, характерных для государственного феодализма.

10. Вместе с тем во всех актовых источниках Танзимата отсутствовала четкая формулировка понятия безусловной неограниченной (=буржуазной) частной собственности. Сохранившаяся традиционная терминология позволяла трактовать термины собственности (маль, эмляк) двусмысленно: и как формы собственности, присущие государственному феодализму, и как собственность буржуазную. Борьба, главным образом в правящей среде, за существование собственности безусловной и неограниченной ("неразделенной") велась на протяжении всего периода Танзимата и проявлялась в том числе в решении конкретных судебных дел.⁹ Отсутствие четкости в разъяснении и, отчасти, в понимании этого важного теоретического и практического вопроса было одной из причин двойственного характера реформ Танзимата.

11. В уголовном законодательстве Танзимата (как и в других категориях права) сказалось влияние европейского буржуазного права. Многие деятели той эпохи считали, что принципы мусульманской юриспруденции можно приспособить к нуждам времени. Однако при примирении традиционной идеологии с европейской законодатели встречались с большими трудностями¹⁰ и с сопротивлением консервативных слоев.¹¹

12. Анализ уголовных законов Танзимата показывает, что классификация права, то есть более узкое и точное разделение его

категорий по примеру европейского, совершенствовалась постепенно. Если в уголовном законе 1851 г. еще встречаются статьи, которые имели отношение к законодательству административному и судебному, а также к религиозной морали, то уголовный закон 1858 г. очищен от таких статей. Совершенствовалось и содержание кодексов: перечень правонарушений и наказаний становился все более полным. Например, закон 1840 г. содержал в себе только 32 статьи, закон 1951 г. - 43 статьи, а закон 1858 г. - 264. В последнем кодексе были даны разъяснения встречающихся в тексте правовых терминов, в том числе отмечена разница между преступлениями, правонарушениями и проступками, а также названы обстоятельства, которые могли смягчить или ужесточить наказание. В прежних уголовных кодексах Османской империи все эти важные детали законодательства отсутствовали. В первом уголовном кодексе 1840 г. встречались повторы, которые впоследствии были устранены.

13. Уголовные законы Танзимата содержали как бы две категории конкретных норм, которые, с одной стороны, утверждали принципы, свойственные буржуазному законодательству, с другой - сохраняли ряд традиционных положений дотанзиматского уголовного права, а также умолчаний, которые оставляли возможность для посягательств на безопасность жизни, собственности и неприкосновенности личности.

Из вновь принятых прогрессивных норм в качестве примеров можно назвать такие: а) было провозглашено равенство перед законом лиц всех вероисповеданий, тогда как ранее в кадийских судах предпочтение оказывалось мусульманам, б) была установлена обязательность следствия и суда, тогда как до Танзимата, например, многие сановники были осуждены на смерть без следствия и судебного разбирательства, в) все смертные приговоры отныне заречалось приводить в исполнение без утверждения их султаном. Это решение было направлено против самовольных казней в провинциях, г) были введены суровые наказания за взяточничество и началась энергичная борьба с этим злом, которая стала возможной после назначения фиксированного государственного жалованья чиновникам в 1838-1840 гг., д) были объявлены преступниками чиновники полиции, виновные в смерти или в увечьи пытаемых, е) стали подвергаться наказанию за оскорбление личности высокопоставленные лица: чиновники и священнослужители, а также представители армии и полиции.

Из традиционных норм, противоречивших гарантиям безопасности жизни, чести и собственности, заслуживают упоминания три: а) мягкие наказания за открытый захват чужого имущества (который

в обычном праве носил название гасп); причем даже снисходительное наказание назначалось лишь в том случае, когда захваченное имущество после какого-то периода пользования захватчиком не возвращалось; или, если он не соглашался компенсировать его стоимость. По-видимому, снисходительность уголовных законов Танзимата к этому правонарушению поощряла влиятельных и состоятельных лиц обманым путем отбирать земельные наделы крестьян и создавать на них свои хозяйства полукапиталистического типа, хотя сосредоточение крестьянских наделов в одних руках противоречило земельному праву Османской империи (этот запрет был зафиксирован в статье 130 земельного закона 1858 г.); б) уголовный закон 1851 г. свидетельствует о сохранении принципа сиясетен,¹² то есть осуждения лиц, подозревавшихся в тяжких преступлениях (убийстве, восстании) без наличия доказательств и с применением пыток. В законе 1858 г. термин сиясетен не упомянут, однако признана практика пыток. Так как пытки были запрещены шариатом и практиковались лишь полицейскими органами, подчинявшимися администрации, то можно предположить, что система сиясетен была сохранена и после 1851 г.; в) также с некоторым сомнением можно предположить, что и после 1851 г. сохранился принцип теватюрен,¹³ то есть осуждение предполагаемого виновника преступления лишь при одном условии, что виновным его считает большая группа лиц, молва, хотя свидетелей преступления нет. В уголовном законе 1851 г. этот принцип упомянут, а в законе 1858 г. не назван. О его отмене указания нет.

14. Текст уголовного закона 1840 г. предваряется кратким хаттом султана, в котором он напоминает о своей клятве и клятве сановников следовать принципам Гюльханейского хатта 1839 г. Хотя высокое и исключительное положение главы османского государства, а также отсутствие реальных возможностей у деятелей Танзимата как-то ограничить законодательные и исполнительные prerogatives султана не позволило им в текстах законов говорить об ограничении власти султана, однако современники Танзимата свидетельствовали, что границы султанского самовластия были установлены¹⁴ (путем самоограничения).

15. Уголовное законодательство Танзимата соответствовало характеру государственного строя Османской империи, то есть переходному периоду от государственного феодализма к капитализму. Частная (безусловная, "неразделенная", то есть буржуазная) собственность не была полностью защищена законом, так как государство стремилось сохранить свое право верховной собственности на землю и препятствовало развитию буржуазной частной собственности налого-

вой политикой. Двойственное отношение правящего сословия к буржуазной частной собственности сказалось и в уголовном праве этого периода.

1. Л.Р.Сюкияйнен. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986, с. 87-88, 90-91, 200-201.
2. U.Heyd. *Studies in Old Ottoman Criminal Law*. Oxford, 1973, p. 1-3, 180, 190-191.
3. O.L.Barkan. XV ve XVI-ıncı asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda ziraî ekonominin hukukî ve malî esasları. I. cilt. *Kanunlar*. İstanbul, 1943, s. XIII.
4. U.Heyd, *Studies*, pp. 174, 186-187.
5. См. напр. Л.Р.Сюкияйнен, Мусульманское право, с. 24-26, 87, 200.
6. O.L.Barkan. *Türk toprak hukuku. - Tanzimat*. İstanbul, 1940, s. 52 (страница указана в соответствии с раздельной пагинацией для каждой статьи).
7. Тексты уголовных кодексов Танзимата см.: *Kanunlar*. İstanbul, 1256(1840/41); R.Kaynar. *Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat*. Ankara, 1954, s. 303-312; *Mecmuai kavanin ve nizamât*. İstanbul, 1267(1851), s. 128-142; *Düstur*. Bulak, 1281(1865/66), s. 2-70. В статье 10 главы III-й уголовного кодекса 1851 г. говорилось о полной отмене штрафов. В соответствии с законом 1858 г. штрафы вновь широко применялись. О причинах возврата этой меры наказания пояснения отсутствуют.
8. См. O.L.Barkan. *Türk toprak hukuku*, s. 94, not 47 (страница указана в соответствии с раздельной пагинацией для каждой статьи).
9. Например, трудности имели место при разъяснении широким слоям населения принципа равенства перед законом мусульман и немусульман, так как такое равенство противоречило шариату. В османистической литературе уголовный закон 1858 г. расценивается как калька с кодекса Наполеона. Однако некоторые статьи закона явно сохраняли местные традиции (напр., дополнение к статье 19, статьи 110, 172, 181, 183 и др.). Издатель французского перевода уголовного закона 1858 г. Г.Юнг отметил, что расхождения между французскими и османскими статьями соответствующих кодексов столь значительно, что составить их полный конкорданс оказалось невозможно (см. G.Young. *Corp de droit ottoman*. Vol. VII. Oxford, 1906, p. I, not I).
10. O.L.Barkan. *Caractère religieux et caractère seculier des*

institution ottomanes. - Contributions à l'histoire economique et sociale de l'Empire Ottoman. Paris, 1983, p. 55.

12. О термине сиясетен см. U.Heyd, Studies, p. 192-194.

13. О значении термина тевавторен (или тевавтор) см.: M.Karavokirus. Lûgatı kavanını osmaniye. Cilt I. Istanbul, 1310(1894), s. 211-212; Türk hukuk lûgatı. Ankara, 1944, s. 229; Mecellei ahkâmi adliye. Dersaadet, 1305(1887/88), статьи 1677, 1699, 1732, 1733.

14. Обязанность следовать принципам Гюльханейского хатта не признавал "кровавый султан" Абдулхамид. С его воцарением и отменной конституции в 1878 г. период Танзимата завершился.

М.Е.Ермаков

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ - ЖИТИЕ

(буддийский монах в "Гао сэн чжуань" и "Мин сян цзи")

В письменном наследии китайского буддизма представлена обширная литература, повествующая о буддийских исторических деятелях. Более тысячи пятисот биографий насчитывается в литературном ряду "Сы чао гао сэн чжуань" (Жизнеописания достойных монахов четырех династий), включающем "Гао сэн чжуань" (Жизнеописания достойных монахов) Хуэй-цзяо (497-554), "Сюй гао сэн чжуань" (Продолженные жизнеописания достойных монахов) Дао-сюаня (596-667), "Сун гао сэн чжуань" (Сунские жизнеописания достойных монахов) Цзань-нина (919-1001) и "Да-Мин гао сэн чжуань" (Великоминские жизнеописания достойных монахов) Жу-сина (XIII в.). Эта литература, хотя и несет на себе некоторый отпечаток житийного свойства, но по сути и основному содержанию предстает все же литературой исторической, ориентированной на достоверное историческое событие.¹

Вместе с тем, литература, повествующая о деятелях китайского буддизма, вовсе не исчерпывается жизнеописаниями подобного содержания. Историческим деятелям китайского буддизма посвящены, в частности, многие сюжеты буддийских "сяшо", послуживших одним из источников "Гао сэн чжуань" Хуэй-цзяо.²

Становление "сяшо" приходится на период все возрастающего влияния буддизма в китайской духовной жизни. Буддийские темы и образы, персонажи и реалии со временем проникают в литературу "сяшо", отчетливо прослеживаются в таких классических ее образцах, как "Ши шо синь юй" (Новое изложение рассказанного в миру)

Лю Ицина (403-444), "Соу шэн хоу цзи" (Продолжение записок о поисках духов), приписываемых Тао Юаньмину (365-420) и др. С середины V в. появляются сборники полностью буддийского содержания, составленные буддистами-мирянами для светского читателя, призванные возбудить религиозное чувство в тех, кто "не чтит Будду", укрепить в вере тех, кто Будду почитает.

Литература буддийских "сяшо" дошла до нас с существенными потерями. Об одних сборниках сохранились лишь библиографические сведения, другие представлены немногими краткими фрагментами.³ Если не исчерпывающее, то вполне отчетливое представление о литературе буддийских "сяшо" позволяет все же составить сборник Ван Яня (У в.) "Мин сян цзи" (Записки о чудесах в потустороннем мире). В книжном разделе династийной истории "Суй шу" упоминаются "Мин сян цзи" в десять свитков (цзюаней).⁴ Мы располагаем ста тридцатью одним сюжетом и авторским предисловием, что составляет, быть может, большую часть от первоначального объема сочинения. Обширные выдержки из сочинения Ван Яня приводятся в позднейших собраниях, и в первую очередь в буддийском своде VII в. "Фа юань чжу линь" (Роща драгоценностей парка Закона). Подборку, сверку и научную публикацию этих выдержек осуществил Лу Синь в своем труде "Изыскания по старинной прозе".⁵

Автор "Мин сян цзи" черпал свои сюжеты главным образом из буддийского (общинного, местного или семейного) предания, полагаясь в основном на собственные впечатления, рассказы очевидцев или участников событий. Это обстоятельство придает сочинению Ван Яня определенную фольклорную окраску, сближает его с "низовой" бесписьменной культурой. Буддийские "сяшо" обращены не к просвещенному монашеству, а к буддийской пастве, к мирянину, жаждущему чуда, божественной благодати, чудесного избавления, страшащемуся гнева буддийских божеств. "Мин сян цзи" вызывает не к разуму мирян, но к их религиозному чувству. Все абстрактное и далекое от простого понимания сводится здесь к конкретному и доступному чувственному восприятию. Отсюда такое обилие сюжетов, посвященных разного рода вотивным предметам: статуям, иконам и т.д. Сюда же относятся и сутры, наделяемые магическими свойствами. Едва ли не каждый третий сюжет буддийских "сяшо" посвящается Гуань-ши-инь (Авалокитешваре). Эти сюжеты отличаются предельной простотой, крайней незатейливостью. Обычная схема сводится к тому, что в определенной критической ситуации (пожар, плен, буря, болезнь) страждущий возносит молитвы Гуань-ши-инь, и бодхисаттва дарует ему избавление. Создается впечатление, что Гуань-ши-инь

занимает едва ли не главенствующее положение в пантеоне уже раннего китайского буддизма в его популярных формах.⁶

Еще один обширный класс сюжетов, давший название сочинению в целом, посвящается описанию визитов в загробный мир, посещений царства мертвых. Эти сюжеты заставляют нас вспомнить о жанре "загробных видений", широко бытовавшем в мировой литературе, в частности, в средневековой литературе христианства.⁷ Здесь буддийские темы и образы причудливо сочетаются с архаичными мифологическими воззрениями, включаются в традиционные космологические представления.

Наконец, еще один обширный класс сюжетов "Мин сян цзи" посвящен буддийским подвижникам и подвижницам. Таких сюжетов насчитывается порядка сорока. Иногда они имитируют форму жизнеописания, то есть повествуют о жизни исторического персонажа от рождения до смерти, но чаще представляют собой описание какого-либо отдельного происшедшего с ним события. Едва ли не половина из этих сорока сюжетов заимствована автором "Гао сэн чжуань", но только четыре почти дословно перенесены в корпус биографического памятника и составляют основу соответствующего жизнеописания.⁸ Все четыре помещены в раздел "Чудотворцы", биографии которого образуют типаж, резко выделяющийся из общего ряда "Гао сэн чжуань".

Основной способ заимствования сюжетов из "Мин сян цзи" все же иной. Краткие сюжеты из "Мин сян цзи" инкорпорируются в текст обширной биографии "Гао сэн чжуань" и здесь становятся как бы экзотическим вкраплением в подробный и обстоятельный биографический материал. Так, в "Мин сян цзи" излагается следующий эпизод из жизни Дхармаракши, затем вошедший в текст его биографии в "Гао сэн чжуань".

"Дхармаракша обосновался с учениками в горах. Там был чистый родник, из которого он брал воду, чтобы полоскать рот. Потом пришли сборщики хвороста и замутили воду. Родник истощился, и ручья не стало. Дхармаракша пришел к ручью, стал бродить взад-вперед по берегу и вздыхать: "Если вода иссякнет, чем я буду поддерживать жизнь?!" Только он это сказал, как забил родник и ручей наполнился водой".⁹

Этим сюжетом исчерпывается содержание всего сюжета о Дхармаракше в "Мин сян цзи". В "Гао сэн чжуань" он остается именно эпизодом обширной, богатой историческими подробностями биографии, не содержащей более рассказов чудесного свойства.¹⁰

Существенно при этом, что в большом ряде случаев текст заимствованных сюжетов редактировался автором "Гао сэн чжуань" в

сторону сокращения, устранения живописных подробностей. В "Мин сян цзи" следующим образом излагается эпизод из жизни Юй Фа-ланя.

Монастырь Юй Фа-ланя находился высоко в горах. Ночами он сживал в позе самосозерцания. В келью как-то вошел тигр и, поджав лапы, лег перед ним. Юй Фа-лань глядел тигра по голове, и тот поджимал уши, уткнувшись мордой ему в ноги. По прошествии нескольких дней тигр ушел.¹¹

В "Гао сэн чжунь" этот эпизод не выглядит столь неправдоподобным.

"Как-то зимой на горной реке шел сильный снег, и в келью Юй Фа-ланя вошел тигр. Юй Фа-лань не подал признаков волнения, да и тигр был совсем как ручной. К рассвету снег перестал, и тигр ушел".¹²

То, что Хуэй-цзяо не слишком дорожит рассказами о чудесном, представленными в "Мин сян цзи", превосходно подтверждается на примере эпизода из жизни монаха Дао-цзюна. Приведем этот эпизод в изложении Ван Яня.

"В десятом месяце второго года под девизом правления Юань-цзя (425) в Лояне собрались сорок праведников и мирян для принятия поста Вишвабхадры. По прошествии семи дней поста в полдень вдруг появился человек верхом на коне в платье для верховой езды и штанах. Он подъехал к зале для проповедей, слез с коня и совершил ритуал поклонения Будде. Дао-цзюн говорил с ним, как с обычным человеком, не почтил ритуалом. Тот вскочил на коня, взмахнул плетью и на том месте, где он только что был, вдруг воссиял красный свет, озаривший все небо. Долго он горел, прежде чем погаснуть".¹³

Далее в "Мин сян цзи" следует еще один сходный по содержанию и столь же обстоятельный эпизод о явлении шрамана-индусов. Те же эпизоды приводятся в "Гао сэн чжуань" в кратком переложении.

"Дао-цзюн совершенствовался на поприще самосозерцания и проникался благочестием. Он многократно в строгости исполнял пост бодхисаттвы Вишвабхадры и всякий раз имел благой отклик. Или он видел человека, подъезжавшего к нему верхом на коне, или монаха-индуса, восходившего на престол. Каждый раз он принимался беседовать с ними о пустяках, и они исчезали".¹⁴

В том, сколь различен способ изображения монаха в "Мин сян цзи" и "Гао сэн чжуань" проще всего убедиться на примере переводчика Гунавармана. Посвященный Гунаварману сюжет из "Мин сян цзи" по существу сводится к описанию чудес, происшедших при жизни и

по смерти пришельца из Индии. Очевидно, что автор "Мин сян цзи" рисует нам идеальный образ буддийского подвижника, озабочен не тем, чтобы сообщить о нем точные и подробные биографические сведения, но преподать его образ во всей его необычности и исключительности, причем, достигает этого эффекта посредством изложения чудес.¹⁵ Как и любой из сорока соответствующих сюжетов "Мин сян цзи", этот сюжет содержит рассказы о чуде, необычайном происшествии, призванном подтвердить святость буддийского подвижника, отобразить наиболее экзотические черты его облика.

Биография Гунавармана в "Гао сэн чжунь" не избежала отдельных вкраплений чудесного свойства, но вместе с тем подробно и достоверно излагает обстоятельства жизни Гунавармана на родине в Кашмире, а затем в Шри Ланке, содержит обстоятельные сведения о его переводческой деятельности, передает содержание его переговоров с женской монашеской общиной и многое другое, что делает биографию Гунавармана в "Гао сэн чжуань" по преимуществу исторической.¹⁶

Завершая ряд примеров, следует заключить, что "Гао сэн чжуань" и "Мин сян цзи" предьявляют различные способы изображения монахов, один из которых ближе к биографическому, а другой – к житийному. Отсюда, в частности, проистекает то обстоятельство, что "Мин сян цзи" могут служить богатым источником по такой мало-изученной проблеме как представления о буддийских святых и подвижниках, бытующие в раннем китайском буддизме популярных форм. Подобно европейской агиографии,¹⁷ "Мин сян цзи" складывались под большим воздействием простонародной среды, к которой они главным образом и обращались.

-
1. Подробнее об этом см.: М.Е.Ермаков. "Гао сэн чжуань" в свете европейской литературной традиции. – Ученые записки ТГУ. Труды по востоковедению, У, Тарту, 1979.
 2. См. об этом в предисловии к "Гао сэн чжуань": ГСЧ, цз. I4. – Тайсё синсю Дайдзюкё (далее ТСД), т. 50, с. 422в.
 3. Краткий библиографический обзор буддийских "сяшо" см.: The Indiana companion to traditional Chinese Literature. Bloomington, 1986, pp. 628-630.
 4. См.: Суй шу, цз. 33. – Сыбу бэйяо, (т. 608), л. II6. Здесь же упомянуто ныне утерянное сочинение Ван Маньина (ум. ок. 540) "Бусюй Мин сян цзи" (Дополненные записки о чудесах в потустороннем мире).
 5. См.: Лу Синь, Гу сяшо гоучэнь. Пекин, 1953, с. 373-458.

6. Подробнее об этом см.: М.Е.Ермаков. Ранние упоминания об Авалокитешваре в китайской литературе. - XIII научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы докладов. Ч. I. М., 1987.
7. Об этом жанре см.: А.Я.Гуревич. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981, с. 176-239.
8. См. биографии Ци-юя, Чжу Фо-дяо, Цзянь-то-лэ и Шань Даокая: Лу Синь, Гу сяошю..., с. 381, 383, 384, 415; ТСД, т. 50, с. 388а-в, 387в-388а, 388в-389а, 387б, в.
9. Лу Синь, ук.соч., с. 386-387.
10. ТСД, т. 50, с. 326в.
11. Лу Синь, ук.соч., с. 386.
12. ТСД, т. 50, с. 349в.
13. Лу Синь, ук.соч., с. 425.
14. ТСД, т. 50, с. 407а.
15. Лу Синь, ук.соч., с. 416.
16. ТСД, т. 50, с. 340а-342б.
17. О связях житий с "низовой" культурой см.: Гуревич, ук.соч., с. 73-132.

К.А.Жуков

ОПОЛЧЕНИЯ "ЯЯ ВЕ МЮСЕЛЛЕМ" В ОСМАНСКОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (XIV-XVI вв.)

Вопросы, связанные с организацией иррегулярных ополчений османской пехоты (уауа) и конницы (müsellem, müsellim) в последние годы рассматривались в работах Н.Филиповича, Д.Кальди-Надя и И.Белдичану-Штайнер,¹ однако лишь Н.Филипович сделал попытку выявить исторические корни этих военно-социальных институтов. По мнению югославского исследователя, принципы организации обоих ополчений обнаруживают заметное сходство с военной организацией кочевников; образцом же для создания ополчений мюселлемов и яя являлась тимарная система.² В остальных перечисленных выше исследованиях в основном дается характеристика уже развитых форм организации этих категорий османского войска конца XV - первой половины XVI вв. Это объясняется тем, что практически все документальные сведения, которыми мы располагаем в настоящее время, за исключением, пожалуй, отрывочных сообщений поздних (XV-XVII вв.) османских хроник, ограничиваются документами, относящимися самое раннее ко второй половине XV в.

В моем сообщении речь пойдет о методе исследования, который, как мне представляется, при нынешнем состоянии источниковой базы сможет несколько продвинуть разработку проблемы генезиса ополчений яя и мюселлемов.

Вначале – несколько слов об истории создания этих формирований, как она представляется по средневековым османским хроникам, и о роли яя и мюселлемов в системе османской военной организации.

Согласно средневековой османской историографической традиции, в Османском бейлике ополчение яя было создано при султане Орхане (1324–1362) накануне взятия г.Никея/Изник (1331 г.). Запись в новое войско проводилась кадием Брусы Чандарлу Караджа Халилем. Численность пехотного войска первоначально была определена в тысячу человек. Во главе тысячи стоял яя-баши, во главе сотни – мюселлим. Запись в ополчение проводилась среди крестьян, которые за несение военной повинности освобождались от уплаты налогов. Во время военных походов яя получали жалованье 1 акче в день, Отличительным знаком пехотинца был белый колпак (börk), символизировавший принадлежность воина к "султанским людям". Приобретение оружия, экипировка и несение военной службы было нелегкой обязанностью, поэтому уже во время записи в новое войско был введен в обычай институт помощников – ямаков: два крестьянских хозяйства (или несколько) выставляли одного воина, соблюдая очередность. По сообщениям османских хроник, прибывшие к кадию уже после окончания записи в ополчение яя просили зарегистрировать их в качестве ямаков. "Пусть один год они отправляются в поход, а на следующий год мы пойдем", – говорили опоздавшие Чандарлу Караджа Халилю.³

По всей видимости, в этот же период на тех же организационных принципах было создано конное ополчение (süvari).⁴

В 1421 г. реформу ополчения яя в Румелии провел Джунейд, ставший в это время везиром претендента на османский престол Мустафы. Именно Джунейд, пишут османские хронисты "румелийских яя сделал мюселлемами". Отныне пять бывших пехотинцев сводились в одну организационную единицу (осак), причем идущему в поход воину (eskinici) остающиеся (yamaklar) выплачивали фиксированную сумму (harçlık) по 50 акче каждый. Новое конное войско получило название Kızılca müsellim.⁵

Из более поздних османских источников известно, что государство выделяло из фонда казенных земель (mirî) на каждый оджак земельный надел (çiftlik) определенной площади, доход с которого шел воину, идущему в этот год на войну.⁶ Объединение в оджаки и выделение оджакам чифтликов – это принципы, которые, вероятно,

осуществлялись на практике и в XIV в., новым же в реформе Джунейда было введение в обычай уплаты ямаками харчлыка.⁷

В процессе феодализации османского общества в его военной организации усиливалась роль сипахийской конницы и янычарского пехотного войска. Одновременно мюселлемская конница и пехота — яя превращались во вспомогательные формирования, использовавшиеся в дозорной и обозной службах, для транспортировки пушек, ремонта мостов и т.п.⁸ Наконец, в 1582 г. после ряда реорганизаций ополчения анатолийских яя и мюселлемов были распущены. Чифтлики яя и мюселлемов были превращены в тимары, а они сами записаны в качестве райатов.⁹

Заслуживает внимания то обстоятельство, что вплоть до своего роспуска ополчения яя и мюселлемов формировались почти повсеместно на территории Западной и Центральной Малой Азии, т.е. как на территории собственно Османского бейлика, так и на землях турецких эмиратов Гермиян, Айдын, Сарухан, Хамид, Теке, Караман, завоеванных османцами в конце XIV—XV вв.¹⁰ Учреждение ополчения яя на этих территориях не было османским нововведением, поскольку ко времени османского завоевания необходимость в создании подобного рода войска уже отпала. Османские хронисты связывают потерю интереса у султанов к войску яя с низкими боевыми качествами пехотинцев, а также с появлением нового пешего войска — корпуса янычар.¹¹ На доосманское происхождение ополчений яя и мюселлемов в анатолийских бейликах указывают, вероятно, и некоторые региональные особенности организации этих ополчений (например, различия в численном составе оджаков, различия в размерах налоговых привилегий).¹² Следует принять во внимание также характер активности, проявленной крестьянским населением Османского бейлика при записи в новое войско — яя: просьбы зачислить ямаками поступали "снизу", и это наводит на мысль, что местное население уже было хорошо знакомо с подобного рода практикой.

Итак, ряд имеющихся данных позволяет предположить, что институт ополчения яя уходил своими корнями еще в сельджукское либо в византийское время. В сельджукской военной организации пока не выявлено аналога османским ополчениям яя и мюселлемов,¹³ что, однако, не исключает возможности существования подобных формирований в Конийском султанате. Что касается Византии, то там можно обнаружить военно-социальный институт, имевший в своей организации ряд сходных черт с османскими яя и мюселлемами, а именно: ополчение стратиотов — пешее и конное.

Рассмотрим основные принципы организации стратиотского опол-

чения и сопоставим их с принципами формирования ополчений яя и мюселлемов.

1) Запись в стратиоты производилась среди крестьян на добровольной основе. Земельный участок стратиота (стратия) при регистрации заносился в особые каталоги. Стратиотская повинность рассматривалась как наследственная; занесенная в списки земля стратиота являлась неотчуждаемой: она передавалась по наследству вместе с воинской повинностью.¹⁴

Запись в османское войско яя также осуществлялась на добровольных началах, чифтлики яя и мюселлемов регистрировались в особых дефтерах, эти чифтлики не подлежали продаже и не могли быть переданы посредством тапу райатам. Чифтлики переходили по наследству от отца к сыну, а в случае открытия вакансий продолжали оставаться чифтликами мюселлемов или яя.¹⁵ Стратиотское землевладение было основано на личном труде;¹⁶ яя и мюселлемы также, как правило, обрабатывали свои чифтлики сами.¹⁷

2) Стратиот и его семья (стратиотский дом) несли только военную повинность и, по всей видимости, с конца X в. были освобождены от уплаты всех налогов, в том числе от поземельного налога *δημόσιον τέλος* и судебного сбора (азрикон), уплачиваемых ранее. Стратиотский дом именовался *οἶκος ἐλευθερος, ἐξκουσάτος*.¹⁸ Здесь уместно вспомнить, что слово *müsellem* в своем первоначальном значении также означает "освобожденный от налогов". Османские яя и мюселлемы первоначально также были освобождены от налоговых обязательств - Коджа Хюсейн называет десятину (*a'sâr*) поземельный налог и другие подати (*resim ve tekâlîf*) - и несли за это военную службу.¹⁹

3) Несмотря на налоговые льготы, а, возможно, и полное освобождение от податей, положение стратиотов в X в. было нелегким. Многие из них не имели достаточных средств для приобретения коня и вооружения, поэтому византийскими властями был введен в практику институт складчиков *συνδοτάι*: два или несколько обедневших стратиотских хозяйств сообща выставляли одного воина. В этом случае стратия приобретала исключительно фискальный характер, и сам термин стратия уже означал денежную сумму, необходимую для полной экипировки одного воина.²⁰ Здесь, как представляется, можно провести определенную параллель с организацией оджаков яя и мюселлемов, в которых не идущие в поход яя и мюселлемы выплачивали отправляющемуся на войну эшкинджи, кроме десятины, еще по 50 акче, "подобно остальным ямакам".²¹

В то же время как богатые стратиоты, так и зажиточные яя

или мюселлемы могли откупиться от военной службы, выставив вместо себя экипированного воина.²²

4) В византийском обществе стратиоты занимали промежуточное положение между господствующим и зависимым классами.²³ Таким же до первой половины XV в. был социальный статус яя и мюселлемов. Бывший янычар Константин из Островицы в своих записках даже именует пехотинцев - яя дворянами;²⁴ султанскими людьми (*hünkârün hasları*) они названы также в османских хрониках.²⁵

В период военных действий стратиоты получали выдачи деньгами (рога) и натурой (опсоний и ситересий).²⁶ Деньги и натуральное довольствие в походах выдавались также османским пехотинцам, и это, по мнению Н. Филиповича, явно говорит о том, что яя в социальном плане рассматривались как свободные.²⁷ "Свободными людьми" именует их и Константин из Островицы.²⁸

Как в Византии, так и в Османской империи в свое время начинает проявляться тенденция к наступлению военно-служилой знати на права и привилегии стратиотов, и соответственно, яя и мюселлемов. Византийские военачальники, например, уже в X в. пытались использовать стратиотов в своем хозяйстве, отвлекая их от несения военной службы.²⁹ Что касается Османской империи, то там законодательно было установлено: каждый оджак яя ежегодно выплачивал своему яя-баши зерновой взнос (*tereke*).³⁰

Обедневшие стратиоты и разорившиеся яя и мюселлемы часто бросали свои стратии и свои чифтлики. Беглые разыскивались властями и водворялись на прежние места.³¹

О чем же говорят перечисленные выше сходные черты в организации рассматриваемых византийских и османских военно-социальных институтов? Как представляется, ряд приведенных соответствий дает основание предположить, что существовала определенная преемственность в формах организации византийского ополчения стратиотов и османских ополчений яя и мюселлемов. Основная трудность для окончательного заключения состоит в отсутствии достаточно надежных свидетельств о положении стратиотов в XII-XIII вв., а также в недостатке сведений об организации ополчений яя и мюселлемов в XIV - первой половине XV вв. Подавляющее большинство данных о стратиотском ополчении, приведенных выше, относится к IX-XI вв. Как же обстояло дело позже, в XII и XIII вв.? М. Энголд пишет, к примеру, что фемное войско, по всей видимости, продолжало комплектоваться среди крестьянского населения Никеийской империи, и институт стратии до некоторой степени сохранил свое изначальное значение даже во второй половине XIII в.³² Если дальнейшие поиски

подтвердят этот вывод, то можно будет рассмотреть возможность прямой преемственности в организации стратиотского ополчения и османского ополчения яя. Пока же более вероятным представляется опосредованное влияние византийского фемного строя на принципы военной организации османцев, в частности, на принципы формирования ополчений яя и муселлемов. В пользу этого предположения в первую очередь говорит широкая распространенность этих военно-социальных институтов - с некоторыми региональными особенностями на значительной части территории Малой Азии, в том числе на землях, вошедших в состав Конийского султаната в тот период, когда фемное войско еще играло значительную роль в византийской армии.

Сделанные мною выводы носят сугубо предварительный характер, поскольку современное состояние источниковой базы не позволяет сделать каких-либо окончательных заключений. И тем не менее, я думаю, что решение проблемы генезиса османских ополчений яя и муселлемов следует искать путем разработки военной истории государства Сельджукидов Малой Азии, путем поиска возможных отражений воздействия фемного строя на систему сельджукской военно-административной организации.

-
1. N.Filipović. Princ Musa i Šejh Bedreddin. Sarajevo, 1971; Gy. Káldy-Nagy. The Conscription of Müsellem and Yaya Corps in 1540. - Hungaro-Turcica. Studies in Honours of Julius Nemeth. Budapest, 1976; idem. The First Centuries of the Ottoman Military Organization. - АОН, vol. 31 (1977); I.Beldiceanu-Steinherr. Fiscalité et formes de possession de la terre arable dans l'Anatolie préottoman. - JESHO, vol. 19(1976), p. 250-251.
 2. N.Filipović, op.cit., s. 266-268.
 3. Asıkpaşazade. Tevârih-i Al-i Osman. Ali neşri, Istanbul, 1332, s. 39-40; Kitâb-i Cihan-Nümâ. Neşri tarihi. Yayınlayanlar: F.R.Unat ve M.A.Köymen, Ankara, cilt 1-2, 1949-1957, s. 152-156; Sa'deddin, Mehmed Ibn Hasan Hoca. Tac üt-Tevârih, Istanbul, cilt 1, 1279, s. 40; Хюсейн. Беда'и ул-Века'и (Удивительные события). Изд. А.С.Тверитинова и Ю.А.Петросян. Ч. I. М., 1961, л. 446.
 4. Хюсейн, л. 45а.
 5. Kitâb-i Cihan-Nümâ, s. 556-558; Die altosmanischen anonymen Chroniken in Text und Übersetzung, hrsg. von F.Giese, Teil 1: Text, Breslau, 1922, s. 56; Хюсейн, л. 159а; Ö.L.Barkan. XV ve XVI-inci asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda Ziraî Eko-

- nominin Hukukî ve Malî Esasları, cilt 1: Kanunlar, İstanbul, 1945, s. 241, 5).
- ö. Gy.Káldy-Nagy. The Conscription of Müsellem, p. 267, 278.
 7. Kitâb-i Cihan-Nümâ, s. 556-558. Подробнее см.: К.А.Жуков. Османские хроники XV-XVII вв. о создании войск "яя ве моселлем". - *Turcologica* 1986. Сб. к восьмидесятилетию акад. А.Н.Кононова. Л., 1986, с. 130-131.
 8. E.Werner. Die Geburt einer Grossmacht-die Osmanen (1300-1481). Berlin, 1978, 3 Aufl., S. 206-207; Gy.Káldy-Nagy. The First Centuries of the Ottoman Military Organization, p. 171.
 9. Kl.Röhrborn. Untersuchungen zur osmanischen Verwaltungsgeschichte. Berlin-New York, 1973, S. 98-100; Gy.Káldy-Nagy. The Conscription of Müsellem, p. 280-281.
 10. I.Beldiceanu-Steinherr, op.cit., p. 250-251.
 11. Sa'deddin, s. 40-41; Хюсейн, л. 446.
 12. I.Beldiceanu-Steinherr, loc.cit.,; Kl.Röhrborn, op.cit., S. 98.
 13. См., например: A.Bombaci. The Army of the Seljuqs of Rûm. - *Annali*, vol. 38, fasc. 4 (1978), p. 343-369.
 14. H.Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IX-è - XI-è siècle. - *Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance*. London, 1971, № 10, p. 10-13; А.П.Каждан. Деревня и город в Византии (IX-X вв.). М., 1960, с. 157-158; Г.Г.Литаврин. Византийское общество и государство в X-XI вв. М., 1977, с. 236 и след.
 15. Ö.L.Barkan, op.cit., s. 242; N.Filipović, op.cit., s. 267, 294.
 16. В.В.Кучма. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX-X в. - *Византийские очерки*. М., 1971, с. 87-89, 93.
 17. H.Inalcık. Ciftlik. - *Et*².
 18. H.Ahrweiler, op.cit., p. 6-7, 12; А.П.Каждан, ук.соч., с. 156-157.
 19. Хюсейн, л. 446.
 20. H.Ahrweiler, op.cit., p. 13-14; А.П.Каждан, ук.соч., с.158-159.
 21. Ö.L.Barkan, op.cit., s. 244, §6.
 22. Г.Г.Литаврин, ук.соч., с. 251; В.В.Кучма, ук.соч., с. 91; I.Beldiceanu-Steinherr, op.cit., p. 251; Gy.Káldy-Nagy. The Conscription of Müsellem, p. 277-278.
 23. H.Ahrweiler, op.cit., p. 9.

24. Konstantin Mihailović. Memoirs of a Janissary, trans. by B.Stolz. Hist. commentary and notes by S.Soucek, Ann Arbor, 1975, p. 34; Pamiętniki Janczara czyli Kronika Turecka Konstantego z Ostrowicy napisana między R.1496 A.1501, wydał Jan Łoś. Krakow, 1912, s. 30.
25. Kitâb-i Cihan-Nümâ, s. 152-156.
26. H.Ahrweiler, op.cit., p. 7-8; А.П.Каждан, ук.соч., с. 158.
27. N.Filipović, op.cit., s. 301.
28. Konstantin Mihailović, p. 34.
29. В.В.Кучма, ук.соч., с. 94-95.
30. Ö.L.Barkan, op.cit., s. 241, 2), 3).
31. А.П.Каждан, ук.соч., с. 159; Gy.Káldy-Nagy. The Conscription of Müsellem, p. 278-279.
32. M.Angold. A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea (1204-1261). London, 1975, p. 194-195.

Е.А.Западова

ОБ ИЗУЧЕНИИ ВЬЕТНАМА В РОССИИ

Книга Вл.Муравьева "Дорогами российских провинций. Путешествия Петра-Симона Палласа" заканчивается так: "Среди геологов бытует шутка, что историческая часть любого геологического отчета должна начинаться словами: "Еще Паллас..." Но и физикогеографы, и экономисты, и этнографы, и ботаники, и зоологи, и историки, и другие современные специалисты многие из своих работ могли бы начать словами: "Еще Паллас..." /I, с. 93/.

Рассказ об истории отечественного востоковедения, посвященный любой из стран Юго-Восточной Азии, тоже можно смело начинать словами: "Еще Паллас...". Его работа "Сравнительные словари всех языков и наречий" (СПб., 1787-88) - доказательство усиления интереса России к странам Востока в целом и Юго-Восточной Азии в частности. Среди двухсот языков мира в нем содержатся и слова тонкинского, т.е. вьетнамского языка. Через несколько лет были изданы две части книги "Анекдоты Китайские, Японские, Сиамские, Токвинские и проч.", представляющие перевод увидевшей свет в Париже книги Дж.Кастиллона (1774). В конце XVIII в. издавались книги, в которых приводились сведения о некоторых странах Юго-Восточной Азии. Извлечения из путешествий во Вьетнам, сообщения, статьи

появлялись в периодических изданиях разных городов России ("Московский телеграф", "Сын Отечества", "Казанский вестник", "Всемирный путешественник", "Северный архив", "Известия Императорского русского географического общества", "Русский вестник", "Журнал общепользных сведений", "Восточный сборник", "Московский вестник", "Лучи", "Колосья", "Русская мысль" и др.). В них увидели свет выдержки из книг Дж.Кроуфорда, Муо (Муго), Лапласа, Цай Тин-ланя и других авторов. В этих работах, как и в общих географиях вокруг света, появившихся в первой половине XIX в., Вьетнам был представлен в виде трех отдельных частей: Аннам, Тонкин, Кохинхина (объединенное вьетнамское государство, которое также называли Аннамским, было создано в 1802 г.).

Особняком в изучении Вьетнама, как и всей Юго-Восточной Азии, стоит книга "Нравы, обычаи и памятники всех народов земного шара" (1846). Автор второй части книги "Загангский полуостров" А.А. Стойкович замечает по этому поводу: "От этой простой ошибки, своеговольного разделения кохинхинцев и тонкинцев, составляющих два родственные племени одного и того же аннамского народа, не только бросался ложный свет на многие исторические моменты этих стран, но даже становилось неясным и самое отношение главных составных частей государства: Тонкина, Кохинхины и Камбоджи" /2, с. 463/. Несомненно, что эта книга открывает эпоху появления оригинальных работ русских авторов о Вьетнаме, появившихся во второй половине XIX в.

Периодом коренных перемен в жизни многих государств стал конец XVIII в. – 60-е годы XIX в., когда усилилась борьба капиталистических держав за захват колоний. Сообщения в журналах и газетах этого периода отражают внимание общественности России к колониальной экспансии Франции в Индокитае, экспедициям французоз, носящим разведывательный характер, на реках Меконг и Хонгха, к посольствам ко вьетнамскому двору и пр. В связи с занятием Сайгона французскими войсками в печати появились сведения о самом городе, его жителях /3, с. 60/. Большая роль в изучении Юго-Восточной Азии принадлежит "Морскому сборнику", где регулярно появлялись описания портов Вьетнама, доков Сайгона и др. Так, командир винтового клипера "Гайдамак" А.А.Пешуров поместил здесь в 1863 г. ряд корреспонденций о Сайгоне, его значении как порта для стоянки морских судов. "Французы в Кохинхине" – так озаглавил К.М.Станюкович свои наблюдения, также помещенные в "Морском сборнике". Станюкович путешествовал на корвете "Калевала" в 1860–63 гг., когда колонизаторы только начинали обосновываться на земле Вьетнама. Рус-

ский писатель отмечал: "... цель обладания колонией на перепутьи из Индии в Китай – была вовсе не коммерческая, в чем многие французские журналы и думают уверить читателей, а просто политическая" /4, с. 275/. Он подчеркивал героизм, отвагу, храбрость вьетнамцев в борьбе с французами. "Часто целые деревни, застигнутые неприятелем врасплох, без вождей, не просили помилования, не ползали за прощением, не переходили на сторону французов, ... они защищались по возможности или удалялись, попавшие же в плен умирали героями" /4, с. 287/. К.М.Станюкович считал, что захват новых земель происходил не только военным путем – важная роль принадлежала католическим миссионерам, которые "... не останавливались ни перед какими путями, интриговали, учили своих младших братьев о Христе /как они, набожно складывая руки называют аннамитов/ помогать себе в своих недуховных целях" /5, с. 144/. Это же помечал А.Вышеславцов в своей книге, говоря об этом же периоде: "Миссионерство в подобных случаях такой плодотворный источник, что взяв его за основание, всегда можно найти предлог и для войны и для мира" /6, с. 217/.

Писатель В.В.Крестовский, секретарь при начальнике эскадры в Тихом океане, являвшийся в то же время официальным корреспондентом "Морского сборника" и "Правительственного вестника", побывал в Сайгоне уже в начале 80-х гг. и сразу отметил, что к этому времени там образовался европейский квартал. Особенно роскошным выглядел губернаторский дворец, на строительство которого французы своих денег не тратили, беря их из местных источников.

Наиболее интенсивный период в знакомстве русских людей с Вьетнамом – 90-е годы – первое десятилетие XX столетия, когда страну посетили дипломат и путешественник Г.де-Воллан, путешественник князь К.Вяземский, профессор В.Тихомиров, ученые Э.Эрикссон, А.Большаков, М.Венюков, командир крейсера "Аврора" Е.Егорьев, врач В.Кравченко, инженер Е.Политовский и другие. Позднее некоторые их работы, как и отрывки из произведений писателей, побывавших в Юго-Восточной Азии ранее, были объединены в иллюстрированном географическом сборнике, примечательном тем, что там были собраны сочинения преимущественно русских авторов /7/. В самом начале XX в. появились две небольшие книги, в которых также кратко упоминалось о Вьетнаме /8; 9/.

В поисках легендарной земли Беловодии (она же Камбайское или Опоньское царство) в мае 1898 г. из Одессы отправились трое казаков по поручению круга уральского казачества. В крестьянской и казачьей среде ходили всевозможные писания, откуда многие ходоки

черпали свои географические представления. В.Г.Короленко во время поездки по Уралу в 1900 г. познакомился с одним из участников упомянутого путешествия - Г.Т.Хохловым. Благодаря усилиям русского писателя и публициста, путевые записки Хохлова, богатые этнографическими наблюдениями о Юго-Восточной Азии, названные "Путешествие уральских казаков в Беловодское царство", увидели свет. Т.Хохлов пишет об одежде вьетнамцев, о бетеле, немного описывает Сайгон. Примечательно, что, несмотря на то, что некоторые обычаи казались путешественникам странными, Хохлов рассказывает обо всем с дружеской симпатией, интересом. Известно, что Короленко послал журнал с дневником Хохлова, которому было предпослано его предисловие, Л.Н.Толстому, за что великий русский писатель его поблагодарил.

С Л.Н.Толстым связано имя еще одного человека, побывавшего во Вьетнаме - князя К.А.Вяземского. За 16 лет своих путешествий (1877-1893) он прошел более 300 тысяч километров, из них только вокруг Азии по суше более 43 тысяч /10, с. 10/. Его дневники "Путешествие вокруг Азии верхом", представляющие несомненный вклад в историю науки, к сожалению, еще не опубликованы. В них он часто обращается к авторитету Толстого, как бы беседуя с ним. 14 марта 1892 г. Вяземский въехал в Тонкин и сразу заметил, что французы "имеют праздничный вид и чему-то все радуются. Местные жители аннамиты очень робки, точно чем-то испуганы или удивлены. Они боятся европейцев и со страхом проходят мимо их каменных двухэтажных домов. Аннамитские домики скучены между собой и представляют непроходимые лабиринты; все они почти на один лад: посреди небольшой двор, иногда устланный кирпичем, с боков сакли, служащие жильем или кладовыми, внутри их видны убогие столы и стулья, на стенках крашеная бумага с надписями (кажется молитвенными); кой-где стоят деревянные идолы, в углах на полках, и перед ними курево. Рядом с саклей лужа для стирки белья; вокруг бананы, пальмы, гряды с морковью, капустой, луком. Все огорожено бамбуком, ананасами и прочими колючими растениями" /II, тетр. 20, л. 293-294/. Русскому путешественнику понравились города Вьетнама. Ханой - это "малый Париж. Роскошь и оживление на улицах не поддаются описанию. Европа да и только. Полный комфорт во всем!" /II, тетр. 20. л. 297/. В Хюэ французский квартал - "тот же Париж, тут кофейни, магазины, веселье, но преобладает военный элемент" /II, тетр. 22, л. 365/. Жители же скучены в восточной части, лацуги их из глины, низкие и грязные. Правитель Аннама принял К.Вяземского: "Государь Аннама, 15-летний мальчик по имени Тантай, живет почти

пленником в своем дворце" /II, тетр. 22, л. 372/. Примечательно, что, как и король Лаоса, он не имел о России "никакого понятия" до приезда князя. Много раз обращается К.Вяземский к проблемам опиума в этой части земли, подчеркивая, что англичане и французы занимаются распространением "этого зловредного курева" в то время, как в метрополиях его употребление строго воспрещается.

Профессор В.А.Тихомиров, побывавший в Сайгоне в 1891 г., позднее написал специальную работу "Воспоминания кругосветного путешествия" (1893), посвященную изучению опиума, последствиям его курения и влияния на организм курильщиков. Он, подобно своим предшественникам, рассказал о специфике жилищ вьетнамцев, охарактеризовал антропологические типы и пр. Этнографический интерес имеют сведения, представленные ученым Э.В.Эриксоном в путевом очерке "В Сайгоне" (1901), его описания вьетнамских лодок (ранее об этом подробно сообщал В.Крестовский), способов добычи рыбы и снастей. В 1905 г. в бухте Камрань (Камау) остановилась русская эскадра, двигавшаяся к Цусиме, под командой адмирала З.П.Рожественского. Русские офицеры делали заметки не только делового характера, но интересовались положением вьетнамцев, отмечая бедность и нищету народа. Инженер Е.С.Политовский в книге "От Либавы до Цусимы" (1911) подметил факт продажи детей из-за невозможности прокормить семью.

Последним по времени, кто посетил Вьетнам до Великой Октябрьской социалистической революции, был ученый А.М.Большаков, письма которого публиковались на страницах "Топографического и геодезического журнала". Он заметил, что туземцам не только разрешается курить опиум, но даже занятие это поощряется, поскольку продажа опиума - монополия французского правительства. Внимательный наблюдатель, А.Большаков писал: "Туземец может быть хоть семи пядей во лбу, быть широко образованным человеком, окончить сколько угодно университетов, но только потому, что у него цвет кожи не белый, он обречен на оскорбительно-одинокое существование: в свое общество белые его не примут и никогда не посмотрят на него как на равного себе, словно цвет кожи - позорное пятно на чести человека. И так везде: в английских и французских колониях и пр. От интеллигентных белых, с которыми мне приходилось встречаться во время путешествия, я не раз слышал мнение, высказываемое очень уверенным тоном, что все цветные: желтые, черные и др., не способны подняться когда-либо до уровня европейской культуры. А кто же тогда создал высокую культуру отжившего Китая? А буддизм, проникнутый глубоким философским смыслом, и пр.? Ведь не европей-

цы создали все это?" /12, с. 180/.

Таким образом, русские авторы касались самых разных сторон жизни Вьетнама – духовной и материальной. Прогрессивные ученые, путешественники из России продолжили в своих работах благородные традиции революционных демократов, главное для которых было – уважение к культуре других народов, искреннее сочувствие к справедливой борьбе колониальных народов. Некоторые из них заметили (как, например, известный ученый и публицист М.И.Венюков), что французское господство в Кохинхине держится лишь за счет грубого военного насилия.

Даже столь беглый анализ показывает, что период 1891–1917 гг. – хронологически самый короткий период – в изучении Вьетнама, как впрочем и других стран Юго-Восточной Азии, наиболее богатый опубликованными работами отечественных путешественников и ученых. Ряд материалов хранится в архивах, еще ждет своего исследования и опубликования – дневники Э.А.Ухтомского, К.А.Вяземского и др. Русская пресса также пока практически не изучена. Собранные воедино (архивы, пресса, путевые отчеты, рапорты, очерки) еще помогут уточнить ход некоторых событий, помогут воссоздать все имена энтузиастов, внесший свой вклад в дело изучения Вьетнама.

-
1. В.Муравьев. Дорогами российских провинций. Путешествия Петра-Симона Палласа. М., 1977.
 2. А.А.Стойкович. Ост-Индия: нравы, обычаи и памятники. Загангский полуостров. – В кн.: Нравы, обычаи и памятники всех народов земного шара. М., 1846.
 3. Сайгонская гавань. – Иллюстрированный семейный листок. СПб., 1859. Т.1. № 5–6.
 4. К.Станюкович. Французы в Кохинхине. – Морской сборник. СПб., 1864, № 2.
 5. К.Станюкович. Французы в Кохинхине. Сайгон. – Морской сборник. СПб., 1864, № 3.
 6. А.Вышеславцов. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 58, 59, 60 годах. СПб., 1862.
 7. Азия. Иллюстрированный Географический сборник, составленный преподавателями географии А.Крубером, С.Григорьевым, А.Барковым и С.Чефрановым. Изд. П. М., 1904.
 8. А.И.Яцимирский. Южные соседи китайцев. Французы в Тонкине и Кохинхине. Аннам, Сиам и Бирмания. М., 1901.
 9. В.Я.Колокольников. Индо-Китай. Краткие очерки Бирмы, Сиамы, Аннама, Камбоджи и полуострова Малакки. М., 1902.

10. А.В.Соколов. Дневники и письма путешественника К.А.Вяземского (1852-1904). - Материалы Московского филиала Географического общества СССР. Вып. 3. М., 1969.
11. К.А.Вяземский. Путешествие вокруг Азии верхом (1891-1893). - Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина. Фонд 178, муз.собр. 8390.
12. А.М.Большаков. В Индо-Китай. - Топографический и геодезический журнал. СПб., 1912, № 12.

В.Ю.Климов

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ 1428-1429 гг. В ПРОВИНЦИИ ЯМАТО (ЯПОНИЯ)

Нара, древняя столица страны, средоточие буддийских храмов и монастырей, была административным центром провинции Ямато. Поскольку буддийская церковь активно занималась ростовничеством, то вполне понятно желание восставших крестьян и других слоев народных масс захватить город и силой уничтожить долговые обязательства.

Действия повстанцев нашли отражение в следующих письменных источниках: хроника храма Тодайдзи под названием "Тэнгайкайки", "Свод древних записей" - "Коки буруй", "Дневники духовных настоятелей синтоистского святилища /Касуга/" - "Сято-но сёники", "Хронологические записи святилища Касуга" - "Касуга Вакамия кироку". В целом все они одинаково освещают события 1428 г. Однако существуют разночтения, касающиеся числа убитых и раненых, а также даты последнего крупного вооруженного столкновения, происшедшего, вероятно, в ночь на 20 декабря.

Власти Нара чрезвычайно опасались нападения "шайки разбойников" из провинции Ямасиро. По мере того, как в Киото набирало силу восстание, священники-ростовщики чувствовали себя все более неудобно. Между двумя крупнейшими буддийскими храмами Тодайдзи и Кофукудзи (последний исполнял функции протектора - сёго - провинции Ямато) была достигнута договоренность о совместных действиях по отражению нападения восставших, в соответствии с которой в ночное время суток специальные дозоры несли бдительную службу. При появлении повстанцев они должны были, ударив в колокол, поднять тревогу. 8 декабря с наступлением темноты раздались удары колокола. С этого дня светские и духовные феодалы Нара потеряли покой и усиленно стали готовиться к отражению нападения, в реаль-

ности которого уже никто не сомневался (см. 2, с. 5-6).

Наиболее лаконично изложены события в "Коки буруй": "II-я луна, -2-й день (8 декабря - В.К.). Вместе с разбойниками, требующими аннулирования задолженности, собрались миряне и священники в окрестностях храма Сайдайдзи, спорили [по этому вопросу]. 3-й день (9 декабря - В.К.). Священнослужители и монахи-воины отправились в окрестности храма Сётёдзи, чтобы подавить шайки разбойников, [требующих] аннулирования задолженности. [Местный феодал] Цуцуи отправился к храму Футайдзи. Разбойники уничтожены... 5-й день (II декабря - В.К.). Разбойники, требующие аннулирования задолженности, сегодня подожгли дома. 8-й день (14 декабря - В.К.). Когда стал очевидным замысел разбойников ворваться [в Нара], произошло сражение вблизи храма Ханьядзи; убито три человека, в плен взят один. II-й день (17 декабря - В.К.). Взбунтовались монахи-воины. Завтра они должны отправиться в поместье Кидзу. 12-й день (18 декабря - В.К.). Отправка в Кидзу откладывается. 20-й день (26 декабря - В.К.). Сегодня ночью произошло ожесточенное сражение в окрестностях храма Ханьядзи, убито 5-6 человек, взято в плен два человека..... Ужасное положение. Позже [дошли] разговоры, что количество убитых - десять человек" (цит. по: 4, с. 162-163).

Итак, 9 декабря священнослужители и руководители воинских формирований, состоявших из молодых монахов-воинов, предприняли карательные меры против "шайки злодеев", собравшихся у храма Сайдайдзи 8 декабря. Заметную роль в подавлении и разгоне восставших сыграл местный феодал Цуцуи. Его отряд, немногочисленный, но хорошо обученный и вооруженный, первоначально состоявший из 30-ти человек, нанес поражение повстанцам неподалеку от храма Футайдзи и вынудил их отступить. II декабря участники выступления, разломав дома в окрестностях Нара, разожгли боевые костры (кагариби),¹ призывая недовольных объединиться для борьбы с местными властями. Особенно активно в это время выступали возчики из Кидзу и крестьяне из соседней столичной провинции Ямасиро, атаковавшие храм Сайдайдзи и потерявшие в столкновении с отрядом Цуцуи два человека убитыми (2, с. 6). 25 декабря отряд Цуцуи насчитывал в своих рядах свыше 100 человек. Он едва успевал разгонять недовольных. Но храм Кофукудзи еще располагал значительными людскими ресурсами. В дневнике "Сято-но сёникки" имеется запись от 25 декабря: "Вечером 19-го дня возчики из Ямасиро, несколько тысяч человек, собрались, разожгли боевые костры" и выдвинули требование об аннулировании задолженности (цит. по: 3, с. 72). Навстречу был

выслан отряд Цуцуи численностью 25-30 человек, который нанес ощутимый удар по восставшим: 30 возчиков было убито, трое взято в плен. В тот же вечер бонзы храма Кофукудзи мобилизовали свыше 2500 человек, приняли дополнительные меры по охране города (2, с. 7). Не довольствуясь пассивной ролью обороняющегося, они пытались 17-18 декабря перейти к активным действиям и нанести упреждающий удар по Кидзу, значительную часть жителей которого составляли возчики, и тем самым подавить восстание в одном из наиболее опасных центров. Но активный план действий не вызвал энтузиазма у его исполнителей, монахов-воинов, не желавших рисковать жизнью в карательной экспедиции, шансы на успех которой, видимо, не оценивались высоко. Не исключено, что многие монахи-воины сочувствовали участникам выступления и не хотели браться за оружие. Они взбунтовались, и бонзам пришлось отказаться от этого плана, о чем в источнике "Коки буруй" сказано вскользь: "Отправка в Кидзу откладывается".

Повстанцы не смогли овладеть храмом Ханьядзи, являвшимся важным форпостом обороны Нара. Однако обстановка в городе была беспокойной. Волнение среди монахов-воинов свидетельствовало о внутренней нестабильности в вооруженных формированиях храма Кофукудзи. Одних сил Цуцуи было явно недостаточно. В это время народные массы вынудили настоятелей храма Хасэдэра (уезд Уда соседней провинции Идзумо), подчинявшихся руководству Кофукудзи, объявить об отмене задолженности. В выступлении уезда Уда принимали участие вассалы мятежного феодала Китабатакэ Мицумаса, стремившегося использовать крестьянское движение в борьбе против военного правительства, посильную поддержку которому оказывал храм Кофукудзи. К этому времени карательные отряды, наконец, приблизились к замку Китабатакэ и стремились овладеть им. Но, безусловно, восстание препятствовало скорейшему подавлению антиправительственного мятежа. Мицумаса в определенном смысле приобрел невольного союзника в лице восставших крестьян, что, впрочем, не спасло его от поражения и смерти. Крестьянское выступление в уезде Уда представляло реальную угрозу для храмов Нара.

Кроме того, отряды возчиков и крестьян продолжали скапливаться на южных окраинах Нара, где на открытой местности отсутствовали естественные рубежи обороны. Отсюда им было легче ворваться в город и расправиться с ростовщиками. Взвесив все это, наиболее влиятельные священнослужители и светские феодалы решили 31 декабря 1428 г. пойти на частичные уступки восставшим и издать указ об аннулировании задолженности (I, с. 104).

В связи с этим на обочине дороги в 15 километрах от г.Нара крестьяне выбили на камне с изображением бодхисатвы Дзидзо, покровителя путников и детей, 27 письменных знаков в правом нижнем углу следующего содержания: "После Сётё первого года (первый год Сётё приходится на период с 17 января 1428 г. по 4 февраля 1429 г. - В.К.) совершенно нет долгов в четырех селениях" (цит. по 3, с. 74). Имеются в виду следующие четыре поселения: Оягю, Сакаха-ра, Коягю, Оти. Честь открытия этой записи и ее дешифровки принадлежит Сугита Тэйити. Сама надпись занимает небольшой по площади прямоугольник: 21 см по длине и 33 см по высоте - на камне неправильной формы размером 3,5 м длины, 2,5 м ширины и 3 м высоты. По мнению большинства японских лингвистов и историков некоторые возражения лингвистического порядка, выдвинутые Нагадзима Фукутаро, не ставят под сомнение аутентичность своеобразного письменного памятника (3, с. 77-78; 2, с. 19-21).

Развитие восстания в столице страны Киото и провинции Ямасиро оказывало влияние на события в провинции Ямато и административном ее центре Нара. По времени они совпадают. По всей видимости, этому в немалой степени способствовали возчики, которые обеспечивали регулярное сообщение между Киото и Нара. Недаром власти Нара стремились организовать карательную экспедицию в Кидзу. Духовные и светские феодалы были вынуждены пойти на частичные уступки и издать указ об аннулировании задолженности, чтобы устранить угрозу захвата города восставшими.

-
1. Боевые костры (кагариби) использовались как сигнальные при несении службы по охране важных объектов, а также для освещения. В военное время с помощью таких костров оповещали о вторжении вражеских войск. Костры, используемые для этой же цели в дневное время, назывались "нороси". В данном случае повстанцы кострами обозначали места сбора (Нихон кокуго дайджитэн. Т. 4. Токио, 1976, с. 362, 364; Нихон рэкиси дайджитэн. Т. 2. Токио, 1979, с. 552).

Литература

1. Дэусэцу. Нихон бункаси тайкэй (Очерки по истории культуры Японии. Иллюстрированное издание). Т. 7. Токио, 1966.
2. Нагадзима Фукутаро. Сётё до-икки-но кэйка (Ход восстания сельских жителей городов Сётё). - Нихон рэкиси. Токио, 1965, № 3.
3. Нагахара Кэйдзи. Гэкокудзё-но дзидай (Период, когда низы опрокидывают верхи). Токио, 1973.
4. Накамура Китидзи. До-икки-кэнкю (Исследование восстаний сельских жителей). Токио, 1974.

ИРАНЦЫ В "ДЕЯНИЯХ" НЕСТОРИАНСКИХ СОБОРОВ У-УП вв.

1. В оценке сирийских источников для изучения раннесредневековой истории Ирана (Сасанидского государства, III - сер. V вв.) наблюдаются две крайности: одна группа исследователей преувеличивает их значение, противопоставляя более поздним арабским источникам (которые, кстати, при изложении домусульманской истории основываются на иранской официальной исторической традиции), другая - рассматривает сочинения сирийских авторов только в русле истории восточнохристианской церкви, ограничивая их значение сугубо конфессиональными проблемами. Абсолютизация каждой из этих оценок несостоятельна уже потому, что разнообразная сирийская литература содержит достаточно информации как по идеологии, так и по политической истории, экономике и культуре общества сасанидского Ирана. Это ясно показано в многочисленных исследованиях Н.В. Пигулевской, активно привлекавшей сирийские источники для исследования истории раннесредневекового Ближнего Востока.

2. Тема настоящего сообщения сформулирована идеей участия иранского этнического элемента в становлении христианской церкви в державе Сасанидов. Имена многих иранцев, отвергнувших веру отцов (зороастризм), принявших христианство и в годы великих гонений поплатившихся за это жизнью, сохранились в сирийских мученичествах.¹ "Деяния" несторианских соборов относятся уже к тому периоду, когда христианская церковь в Иране получила официальное признание, и отражают этап ее постепенного укрепления в окружении иной конфессиональной среды. "Деяния" изданы и переведены в начале XX в. французским исследователем Ж.Б. Шабо.²

3. Основное содержание "Деяний" - постановления соборов по вопросам внутренней организации христианской общины, выработке церковных правил для клира, борьбе с ересями внутри общины и за ее пределами, отношения с западнохристианской церковью и светской властью в Иране (шаханшахом и его администрацией на местах).

Участие иранского этнического элемента в решении проблем христианской общины почти незаметно, но прямые и косвенные указания на представителей этого этноса присутствуют в постановлениях всех соборов. Там иранцы представлены в трех ипостасях:
 а/ носители чуждой христианству идеологии, маги (зороастрийцы);
 б/ должностные лица разного ранга, в основном положительные;
 в/ христиане.

4. Маги (*mgwš'*) показаны в "Деяниях" безликой враждебной силой. Иногда этот термин обозначает только зороастрийское жречество, в других случаях – зороастрийцев вообще. Среди обвинений, которые лишенные сана епископы выдвинули против патриарха Дадишо на соборе 424 г., наиболее тяжким было обвинение в сговоре с магами: "И еще, говорили они, он написал и подписал (скрепил печатью?) в присутствии магов [следующее]: "Я – не глава христиан, я не стану ни епископом, ни священником, ни дьяконом". Он подписал, что почитает огонь и воду, он отошел от всех христианских обрядов".³ Выступая на том же соборе, Дадишо отмечает, что из-за происков врагов и разлада в церковных делах "преследователи осмелели и маги стали настолько могущественными, чтобы разрушать церкви и монастыри".⁴

Собор проходил в 4 г. Варахрана У, начавшего свое правление с преследований христиан.

В одном из решений собора Абы I (544 г.), осуждающем кровнородственные браки, маги – это все зороастрийцы вообще, с которых христианину не следует брать пример: "Случается также, что [некоторые] имеют близость с женой своего отца, или с женой своего дяди – брата отца, или с женой дяди – брата матери, или с теткой – сестрой отца, или с теткой сестрой матери, или со своей сестрой, или с невесткой, или со своей дочерью, или с дочерью своей жены (неродной дочерью?), или с дочерью своего сына, или с дочерью его дочери, или с внучкой своей жены, как маги".⁵

Канон IO, принятый на соборе Иосифа (554 г.), запрещает духовенству под страхом лишения сана жениться на язычницах (в данном контексте – на рожденных в зороастризме). Эта крутая мера оправдывается возможными последующими осложнениями: маги могут отобрать детей, жены вернутся в свою веру, а священники и дьяконы будут обесчещены отступниками детьми.⁶

5. Из иранских должностных лиц, поименованных в "Деяниях" соборов, чаще всего встречаются шаханшахи, поскольку даты проведения соборов, назначения или избрания католикоса и других событий, отраженных в постановлениях, приводятся, как правило, с указанием сирийского месяца (иногда – без него) и года правления шаханшаха, при котором то или иное событие совершилось.

Имена шаханшахов, лояльных к христианам, сопровождаются титулами-характеристиками "славный", "победоносный", "любезный", "миролюбивый" и т.д. Имена державных гонителей христиан упоминаются с единственным титулом "шаханшах" (*mlk mlk'*) или без него.

В "Деяниях" собора Исаака (410 г.) имя Йездигерда I всплы-

вает не только в связи с датировкой события, но и в связи с его конкретными действиями, имеющими отношение к собору и судьбам христиан в державе Сасанидов. Шаханшах посылает к марзбанам областей гонцов с распоряжением направить на собор епископов. По их прибытии в столицу "шаханшах победоносный и славный" приказывает католику Исааку и "своему брату" епископу Маруте собрать всех в большой церкви и ознакомить с посланием епископов Запада.⁷ В дни собора католикос и Марута встречаются с шаханшахом. Результатом их беседы становится распоряжение Йездигерда бузургфрамадару Хосрову Йездигерду и Михр Шапуру из рода Аргабед объявить клиро о прекращении преследований христиан.⁸

Таким образом, в "Деяниях" первого собора помимо шаханшаха фигурируют еще и марзбаны (*mrzbn'*), бузургфрамадар (*hrmdr gb'*) и представитель родовой знати.

"Деяния" собора Йабалахи I (420 г.) освещают один из эпизодов внешнеполитических отношений сасанидского Ирана и Византии – посольство Йездигерда к императору, которое возглавил Йабалаха, и ответное посольство императора к шаханшаху.⁹

В посланиях Бар Саумы католику Акакию, приложенных к "Деяниям" поместного собора Бар Саумы в Бет Лапате (Гунд-и Шапуре) (484 г.), постоянно фигурирует имя марзбана Кардака Никорагана (Нахвергана?), которого шаханшах Валаш вместе с царем арабов направил в Нисибин для ведения переговоров о мире. Через этого марзбана епископ Нисибина осуществляет переписку с шаханшахом.¹⁰

Собор патриарха Бабая состоялся в месяце тешри 2 г. "миролюбивого любезного шаханшаха Замаспа" (в ноябре 497 г.) по приказу царя царей. Католикос ознакомил епископов с указом Замаспа о брачной реформе, согласно которому каждый из клириков от патриарха до самого нижнего чина в церковной иерархии мог открыто иметь только одну жену и вступать только в один брак, чтобы иметь детей.¹¹

Больше всего сведений о должностных лицах иранского происхождения сообщается в "Деяниях" собора Абы I (544 г.). Текст содержит пышные титулы Хосрова I и Абы I, из которых первый – зороастриец, а второй – христианин, рожденный в зороастризме. Деятельность патриарха с 540 по 544 гг. излагается достаточно подробно, деятельность шаханшаха – не отражена никак, хотя несколько раз он называется самым милосердным и самым могущественным из всех царей и получает прозвище "Второй Кир": "и заботами Второго Кира, высшего из всех царей..." (*w ysypwth dylh d kwrē d trtyn mytr m kl mlkyn*).¹² В тексте "Деяний" упомянута группа иранских долж-

ностных лиц из провинциальной администрации в Хузистане, осудивших действия самозванного епископа Бет Лапата – Абрахама б.Одмихра. В числе его противников – рад (rd), хамаркар ('hmr'gr), остандары ('wstndr'), мобеды (mwhpt') "и другие правители земли хузов и судьи той земли" (w 'hʏr' šwltn' d 'tr' d hwzy' w dynwhʏ dylh d 'tr').¹³ В конце текста "Деяний" подписи этих должностных лиц не значатся. Очевидно, деятельность Абрахама имела не только религиозный характер, раз им занялся светский суд. Судя по имени отца, Абрахам был по происхождению иранцем; в покаянном письме он называет себя хузитом. Среди подписавших анафему Абрахаму названы ар-тештаран салар (?) (в тексте искаж. – tr'ststslr) Абрахам с.Ахухи из округа Иран-хурра Хосров и каругбед (qrwgbyd) Вардаиаб¹⁴ – оба христиане, только первый, очевидно, сириец, а второй – иранец.

Собор Иосифа, состоявшийся в 554 г., датируется уже по эре Александра (Македонского). Имя шаханшаха Хосрова I опускается во все. Единственное иранское должностное лицо – рад – упоминается в каноне II "Деяний" в связи с решением вопроса о сносе старой церкви в селении.¹⁵

В материалах ассамблеи несторианских епископов, созванной в 612 г. по требованию Хосрова II, шаханшах предстает арбитром в христологических спорах несториан с их противниками, в том числе – и монофизитами, однако, открыто не высказывает своего отношения ни к одной из доктрин. Неясна также реакция Хосрова II на просьбу участников ассамблеи споспешествовать разгрому манихеев и маркионитов в византийских провинциях, завоеванных сасанидской армией.¹⁶

6. Информация о христианском духовенстве иранского происхождения в "Деяниях" несторианских соборов вычленяется косвенным, но довольно надежным способом. Об иранском происхождении епископа Нисибина Бар Саумы и патриарха-католикоса Абы I известно из житийной литературы. В посланиях к католикосу Акакию Бар Саума выглядит не только ревнителем интересов христианской общины в государстве, но и как политический деятель, трезво оценивающий обстановку на ирано-византийской границе, и в частности – в Нисибине, и предупреждающий патриарха и шаханшаха о возможных волнениях.¹⁷

О клириках иранцев в державе Сасанидов красноречиво свидетельствуют иранские имена отдельных епископов или их уполномоченных, удостоверявших постановления соборов. Под "Деяниями" собора Исаака (410 г.) стоят имена 38 епископов, из которых двое (Йездайдад и Михрбозед), безусловно, иранцы.¹⁸ Фактическая численность иранцев на вершине церковной иерархии была больше, так как существовал обычай принимать новое имя при переходе в христианство

(пример Бар Саумы и Абы I). В последующих соборах прослеживается тенденция к увеличению "иранской" прослойки среди их участников: на соборе Дадишо (424 г.) 9 епископов из 36 носят иранские имена; среди епископов, лишенных сана, тоже есть иранцы - Фаррбохт (из Ардашир-хурры) и Изадбозед (из Дарабгерда).¹⁹ Примерно то же соотношение явных иранцев (5 из 21, то есть одна четверть) представлено и в "Деяниях" собора Акакия (486 г.).²⁰

Некоторое относительное уменьшение численности "иранцев" на соборе Бабая (497 г.) объясняется пренебрежением части епископов к приказу католикоса прибыть на собор. Наиболее емко иранский этнический элемент представлен в "Деяниях" собора Абы I (544 г.): под осуждением Абрахама сына Одмихра подписались 12 епископов (из них 3 с иранскими именами), 21 священников (из них 6 - "иранцы"), 9 представителей ремесленных кругов из Карки де Ледан (5 - "иранцы"), 19 из Бет Лапата (10 - "иранцы"), 4 из Шутара (2 - "иранцы").²¹ Их иранские имена дублируются ономастикой среднеперсидских эпиграфических памятников.²²

Поступательное увеличение "иранцев" среди участников соборов свидетельствует о процессе иранизации христианских общин и даже о преобладании иранского этнического элемента в христианских общинах центрального и восточного Ирана к началу VII в.

-
1. Наиболее крупные исследования, посвященные этой теме: G. Hofman. *Auszüge aus Syrischen Akten Persischer Märtyrer*. Leipzig, 1880; G. Wiessner. *Zur Märtyrerüberlieferung aus der Christenverfolgung Schapurs II*. Göttingen, 1967.
 2. *Synodicon orientale ou recueil de Synodes nestoriens*, publié, traduit et annoté par J.B. Chabot. - *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques*. T. 37. Paris, 1902.
 3. Там же, с. 45. 8-10 (288).
 4. Там же, с. 45. 26-27 (288).
 5. Там же, с. 82-83 (355).
 6. Там же, с. 102. 12-17 (360).
 7. Там же, с. 19-20 (256-258).
 8. Там же, с. 21 (260-261).
 9. Там же, с. 37 (276-277).
 10. Там же, с. 526-529 (532-536).
 11. Там же, с. 62-68. (310-317).
 12. Там же, с. 69-70 (320).
 13. Там же, с. 77 (329).

14. Там же, с. 79 (331).
15. Там же, с. 99 (356).
16. Там же, с. 562-598.
17. Там же, с. 525-539.
18. Там же, с. 35-36 (274).
19. Там же, с. 43-44 (285-287).
20. Там же, с. 59-60 (306-307).
21. Там же, с. 79-80 (331-332).
22. Ph.Gignoux. Noms propres sassanides en moyen-perse épigraphique. - Iranisches Personennamenbuch. Bd II. Mitteliranische Personennamen. Fasc.2. Wien, 1986, с. II/5-II/227.

Ю.Л.Кроль

О ДВУХ НАЗВАНИЯХ РЕМЕСЛЕННЫХ МАСТЕРСКИХ ПРИ ЦИНЬ И ХАНЬ

С 1976 г. исследователи древнего Китая получили в руки дотоле неизвестные фрагменты Циньского права. Это важное подспорье для изучающих не только государство Цинь, но и империю Хань: ханьские материалы нередко получают новое прочтение в свете циньских, а циньские - в свете ханьских. О двух таких прочтениях и пойдет речь в этой статье.

Наука располагает лишь скудными сведениями об организации казенных монополий при У-ди, в IО-х гг. II в. до н.э. Сюда относится известие "Ши цзи" и "Хань шу" о посылке авторов плана введения монополий Кун Цзиня и Дунго Сянь-яна в II9 г. до н.э. в поездку с целью его осуществления. Об их деятельности во время поездки в обеих историях сказано: цзюй син тянь ся янь те цзо гуань фу 行天下鹽鐵作官府¹. По мнению переводчиков, здесь говорится об осуществлении плана введения казенных монополий на соль и железо (вариант: о введении их в действие) и создании соответствующих правительственных административных учреждений (или организаций управления последними),² а один исследователь указывает, что речь идет об "учреждении казенных управлений (гуань фу) по производству железа".³ Между тем, есть серьезные основания сомневаться в верности такого понимания приведенного текста.

(I) Сомнительно, что глагол син в сочетании с янь те ("соль и железо") значит "осуществлять", поскольку в словаре зарегист-

рировано (хотя и более позднее) устойчивое сочетание син янь со значением "перевозить и сбывать соль";⁴ следовательно, син янь те может значить "перевозить и сбывать соль и железо" или "пускать в обращение соль и железо".

(2) Переходный глагол цзо может значить здесь "создать, учредить", но может значить и "заставить работать, привести в действие". В таком побудительном значении он встречается во фрагментах циньского права. Там дважды встречается и сочетание цзо гуань фу, но со значением "работать в гуань фу".⁵ тут цзо – переходный глагол в конструкции с опущенным предлогом.

(3) Термин гуань фу является "неясным", "двузначным".⁶ Энциклопедические словари дают для него два значения: 1. государственное административное учреждение, императорский двор, правительство и 2. начальник.⁷ Переводчики процитированного выше текста выбрали значение 1. Но у Н.Л.Сванн сохранялись сомнения в правильности такого перевода в связи с тем, что в другом месте "Хань шу" она перевела выражение гуань фу "правительственные здания".⁸

Во фрагментах циньского права термин гуань фу встречается 18 раз.⁹ Пользуясь этими и другими источниками, У Жун-цзэн (1981) исходит из того, что в течение тысячелетий в гуань фу всегда учреждали ремесленные мастерские и управляющий ими аппарат и что так обстояло дело и при Цинь, где главными товарами казенного ремесла, производившимися в мастерских гуань фу, были соль и железо. Он считает, что циньская организация казенного ремесла стала основой для развития этой отрасли при Хань, которая унаследовала некоторые циньские законы и указы на этот счет. Так, при Хань имела место регламентация деятельности казенных железоделательных мастерских, сходная с циньской; существовала аналогичная структура управления казенным ремеслом в центре и на местах; в начале Хань во владении Ци действовали те же казенные учреждения, ведающие добычей руды и литьем железа, что и при Цинь; при Хань это литье занимало такое же место в структуре казенного ремесла; в ханьских "казенных учреждениях, [ведающих] железом" (те гуань) – термин, известный и из трактата "Гуань-цзы", и из циньской истории – работало немало каторжников по циньскому образцу.¹⁰

У Жун-цзэн не провел филологического исследования термина гуань фу и не высказался о тех гуань фу, что фигурируют в истории ханьских казенных монополий на соль и железо; но едва ли приходится сомневаться, что он трактовал бы их по образцу цинь-

ских.

В отличие от него такое филологическое исследование выполнил А.Ф.П.Хюльзеве (1985). Он пришел к выводу, что гуань фу из фрагментов циньского права были, с одной стороны, правительственными складами, а с другой, видимо, занимались производством, в частности, орудий.¹¹ Отметив, что "это едва ли может быть правительственная мастерская", поскольку последнюю обозначает другой термин, ученый пишет: "1. Гуань фу – это не общий термин для правительственных зданий... 2. Гуань фу противопоставляется частному дому чиновника... 3. Гуань фу были заняты торговыми делами и имели в своем распоряжении деньги... 4. Гуань фу давали чиновникам займы казенные экипажи... 5. Гуань фу хранили на складе шкуры... 6. Гуань фу охранялись... 7. Определенных лиц, которые "отрабатывали" различные долги правительству, или обладателей аристократических рангов, давших ускользнуть заключенным, которых они, как предполагалось, должны были охранять, заставляли работать в гуань фу... 8. Чиновники так же работали в гуань фу, как и работники...".

А.Ф.П.Хюльзеве рассматривает также ряд примеров на употребление термина, собранных в словаре Морохаси (включая примеры из гл. 24Б и 9I "Хань шу"), и заключает: "Мне кажется затруднительным притти на основании всего этого к определенному выводу; как временное решение я предлагаю [перевод] "правительственные склады"... Кажется более логичным, чтобы экипажи или шкуры хранились на складе, чем чтобы такие вещи были в наличии в присутственном месте; другое указание [в этом направлении] – что эти места охранялись и что у них на попечении были деньги". Он стремится подкрепить свое толкование ссылкой на соображение Хуан Шэн-чжана, что фу, ку, цан и линь были не только складами, но и мастерскими, в том числе по производству орудий.¹²

Таким образом, ранее было установлено, что выражение гуань фу имеет не два (как отмечалось в словарях), а три значения: (1) государственное административное учреждение; (2) государственный склад, являющийся одновременно ремесленной мастерской; (3) начальник. Видимо, У Жун-цзэн склонен объединять значения (1) и (2), говоря о том, что в гуань фу всегда учреждали мастерские, а А.Ф.П.Хюльзеве – разделять эти значения. При этом значения (1) и (3) были выделены на основании традиционных текстов, а значение (2) – на основании фрагментов циньского права.

К этому мы можем добавить, что: а) значение (2) вполне могло быть (хотя исторически и не было) выделено на основании тради-

ционных текстов, в частности, текста "Гуань-цзы", который формировался примерно со второй половины IV или середины III по II или даже I в. до н.э.; б) сохранился традиционный комментарий, отражающий значение (2) и свидетельствующий скорее в пользу того, что значения (1) и (2) следует разделять.

В "Гуань-цзы" есть два места, где термин гуань фу употреблен так, что он укладывается в значение "государственное административное учреждение": в одном случае говорится, что порядок или беспорядок в гуань фу зависит от соответствующего состояния двора, в другом - что чиновники-строители, подчиненные казенному учреждению, ведающему водами, должны осматривать (видимо, с целью ремонта) ряд казенных сооружений, включая "служебные помещения гуань фу (или гуань фу и служебные помещения)".¹³ Но в других случаях гуань фу в "Гуань-цзы" выступает как склад (арсенал и казнохранилище) и как помещение для ремесленников. Здесь сообщается, что благодаря тому, то хранится в гуань фу, сильное войско обороняет государство и что в гуань фу хранятся деньги.¹⁴ Здесь также говорится, что совершенномудрые цари помещали ремесленников в гуань фу как (судя по контексту) в месте их профессиональной деятельности; сходное известие, что в древности ремесленники, пребывавшие отдельно от других групп населения, обсуждали друг с другом в гуань фу свое профессиональное мастерство, содержится в цитате из "Гуань-цзы", приведенной в "Хань шу", но отсутствующей в современном тексте "Гуань-цзы".¹⁵ Следовательно, в "Гуань-цзы" отражены оба первых значения гуань фу.

Если теперь вернуться к интерпретации выражения гуань фу в экономических главах "Ши цзи" и "Хань шу", то почему-то его переводчики не учли имеющегося в "Хань шу" комментария Янь Шу-гу (581-645). Этот комментарий к выражению гуань-фу гласит: "Учреждения, ведающие варкой [соли], литьем [металла], а также выдачей и приемом".¹⁶ По прямому свидетельству Янь Ши-гу, гуань фу означает здесь казенный склад-мастерскую, совмещающий две функции - производства и хранения, и ничего больше. Это подкрепляет позицию А.Ф. П.Хользеева с той разницей, что Янь Ши-гу ставит на первое место функцию производства, а голландский ученый - хранения. Не надо было дожидаться открытия фрагментов цинского права, чтобы выделить значение (2) гуань фу.

Возникает вопрос: что представляли собой склады-мастерские, занимавшиеся производством соли, о которых говорит Янь Ши-гу? Но, по теории Ц.Кагеяма (1966), если казенная монополия на железо была полной, то на соль была неполной, т.к. производство

соли осуществлялось частными предприятиями под надзором правительства.¹⁷ Сведения о производстве соли в казенных мастерских гуань фу противоречат выводу Кагеяма. Предстоит как-то примирить старые данные с новыми, быть может, допустив, что, вопреки утверждению Янь Ши-гу, в гуань фу производили только железо, а в системе казенной монополии на соль они функционировали лишь как склады, или каким-нибудь другим способом.

Оставив решение этого вопроса на будущее, пока дадим свой перевод обсуждаемого отрывка: "Император приказал Кун Цзиню и Дунго Сянь-яну, Передвигаясь на почтовых колесницах, запряженных четверкой лошадей, повсеместно пустить в обращение соль и железо Поднебесной и создать (или: привести в действие) казенные склады-мастерские для производства и/или хранения этих продуктов".

При обсуждении вопроса о гуань фу в поле внимания исследователей попал термин цзо у 作務, встречающийся рядом с ним в двух циньских статутах. По мнению У Жун-цзэна, термин цзо у указывает на ремесленное производство; при этом знак цзо означает труд, мобилизацию на отбывание повинности и при Хань входил в названия каторжников, которые поступали в гуань фу, чтобы нести повинность, а также в название места мобилизации на отбывание повинности. У Жун-цзэн указывает, что значения слов цзо и у близки; при Тан и Сун оба слова означали ремесленные мастерские. Не во всем убедительно толкуя соответствующий циньский статут, он утверждает, что часть денежного дохода поступала в гуань фу от торговли, которую та вела, и от цзо у (ремесленного производства или ремесленных мастерских).¹⁸

А.Ф.П.Хюльзеве понимает У Жун-цзэна таким образом, что, по мнению последнего, цзо у были официальными предприятиями, возможно, использовавшими труд осужденных. Сам голландский ученый полагает, что термин цзо у в двух фрагментах циньского права, где он встречается, значит "мастерская" ("хозяева мастерских"), а в двух случаях, когда он употребляется в традиционной литературе, — "работа", "выполнять работу";¹⁹ на том основании, что, по циньскому статуту, "цзо у, а также купцы" не имели права при отработке долга государству в гуань фу выставить взамен себя других (напр., рабов), как это могли делать прочие люди, он утверждает, что этот текст, хранящий следы "легистского" презрения к второстепенным занятиям, имплицитно доказывает, что мастерские цзо у были частными заведениями, а не правительственными органами.²⁰

С нашей точки зрения, вероятнее, что прав У Жун-цзэн, а не

А.Ф.П.Хюльзеве. Из того, что цзо у и купцы подвергались одинаковой дискриминации при отработке долгов государству, не следует с необходимостью, что они принадлежали к тому же сектору экономики, т.е. что одни были хозяевами частных ремесленных мастерских, потому что другие были частными торговцами. Как справедливо указывает А.Ф.П.Хюльзеве, дискриминировались занятия ремеслом и торговлей, считавшиеся "второстепенными", а не - добавим от себя - частные предприниматели в противоположность начальникам государственных предприятий. Кроме того, есть несколько указаний на то, что цзо у были государственными предприятиями.

1) В статутах Цинь говорится, что тот, кто торгует от лица "цзо у, а также гуань фу", должен под страхом штрафа на глазах у покупателя класть полученную выручку в глиняную копилку для медной монеты.²¹ Это свидетельствует, что цзо у сопоставлялись не только с купцами, но и с гуань фу (т.е. казенными складами-мастерскими), что и те, и другие занимались торговой деятельностью, а государство одинаково бдительно следило за получаемыми ими денежными суммами (что было бы странно, если бы цзо у были частными предприятиями).

2) В циньском сочинении "Как быть хорошим чиновником" выражение цзо у стоит рядом с выражением юань чэн 員程 ("установленная количественная норма") в сочетании "установленные количественные нормы в цзо у (или: цзо у и лих установленные количественные нормы)". Представляется, что наличие таких норм указывает на казенные ремесленные мастерские, где государство регламентировало труд.²²

3) Исследователи прошли мимо свидетельства Хуань Таня, писавшего в сочинении, представленном трону в 26-27 гг.: "Что до 8 миллиардов 300 миллионов медных монет, которые получает от Государевых садов и прудов и от цзо у "малый казначей" (шао фу), на эти деньги обеспечивают содержание зданий дворцов и все награды и дары Сына Неба".²³ Это доказывает, что при Хань цзо у были государственными предприятиями в подчинении министра, ведавшего личными доходами императора. Ханьская параллель подтверждает предположение, что циньские цзо у были казенными мастерскими.

Таким образом, гуань фу и цзо у были названиями казенных мастерских при Цинь и Хань. Об их сходстве и различиях почти ничего не известно, а при попытке установить их различия сталкиваешься с опасностью принять отсутствие информации о какой-либо особенности гуань фу или цзо у за отсутствие самой этой особенности. К сходству относится не только занятие обоих учреждений

казенным ремеслом, но и участие в торговле под контролем государства, и хранение вырученных денег. Различия были бы разительны, если признать, что гуань фу - государственные административные учреждения, имеющие свои склады и мастерские, ибо цзо у такими административными учреждениями не являлись. Но едва ли являлись ими и гуань фу. У нас есть сведения о гуань фу как о складах (на это указывает и слово фу в их названии) и нет таких сведений о цзо у, возможно, потому что последние не были складами, а, возможно, и по другой причине. Начальники (?) цзо у должны были лично отрабатывать долги государству в гуань фу; информация об отработке служащими гуань фу долгов в цзо у отсутствует.

При Хань известные нам гуань фу и цзо у принадлежали разным ведомствам: первые - "великому министру земледелия, или министру финансов" (да сы нун), вторые - "малому казначею". Такие ведомства, хотя в случае министерства финансов с иным названием (нэй ши), были и при Цинь, и у них в подчинении были казенные ремесленные предприятия. У Жун-цзэн пришел к выводу, что за исключением выплавки железа и строительных работ ремесло при Западной Хань в общем и целом было подведомственно "малому казначею", но позднее (в II в. до н.э.) была создана должность начальника вод и парков (шуй хэн), контролировавшего плавку меди и литье медной монеты; ситуация в Цинь в эпоху Чжань го вообще не слишком отличалась от ранней ханьской (до II в. до н.э.). В ведении "малого казначея" в начале Хань и, вероятно, при Цинь были такие виды ремесла, как изготовление оружия, изделий из бронзы, ткачество, шитье одежды и др.²⁴ Если соотнести это со сказанным выше, то обращает на себя внимание, что при Хань известные нам гуань фу из ведомства "великого министра земледелия" занимались выплавкой железа; следовательно, на долю цзо у должны были приходиться иные виды казенного ремесла (за вычетом плавки меди и литья медной монеты со II в. до н.э.). Не состояло ли существенное различие между гуань фу и цзо у в том, что они занимались разными видами казенного ремесла?

-
1. См. Ши цзи (изд. Такикава Камэтаро). Пекин, 1955, гл. 30, с. 23; Хань шу (изд. Ван Сянь-цзяня). Пекин, 1959, гл. 24Б, с. 2051.
 2. См. É. Chavannes. Les mémoires historiques de Se-ma Ts'ien. P., 1898. Т. 3, с. 571; B. Watson. Records of the Grand Historian of China. N.Y. and L., 1961. Vol. 2, с. 90; N. L. Swann. Food and Money in Ancient China. Princeton, 1950, с. 278; Сыма

- Цянь. Исторические записки ("Ши цзи"). Пер. Р.В.Вяткина. М., 1986. Т. 4, с. 211.
3. См. А.В.Александров. Государственная монополия на железо в Китае II-I вв. до н.э. и ее организационная структура. - VIII науч. конф. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. М., 1977, Ч. I, с. 71.
 4. См. Чжун вэнь да цы дянь. Тайбэй, 1976. Т. 8, с. 560, № 503.
 5. См. Шуйхуди Цинь му чжу цзянь. Пекин, 1978, с. 49, 50, 63 (и пр. 9), 64, 178; ср. A.F.P. Hulsewé. *Remnants of Ch'in Law*. Leiden, 1985, с. 31 (и пр. I), 51, 137.
 6. См. A.F.P. Hulsewé. *The Influence of the State of Qin on the Economy as Reflected in the Texts Discovered in Yunmeng Prefecture. - The Scope of State Power in China*. Hongkong, 1985, с. 232; Hulsewé. *Remnants...*, с. 51, пр. 13.
 7. См., напр., Морохаси Тэцудзи. Дай Кан-Ва дзитэн. Токио, 1960. Т. 3, с. 971, № 309; Чжун вэнь да цы дянь. Т. 3, с. 448, № 66.
 8. См. Swann, с. 278, пр. 521, ср. с. 416; Хань шу, гл. 91, с. 5237.
 9. Шуйхуди Цинь му чжу цзянь, с. 55, 57, 63, 68, 77, 81, 84, 91, 106, 107, 120, 178, 206, 217, 284, 285.
 10. См. У Жун-цзэн. Цинь ды гуань фу шугунье. - Юньмэн Цинь цзянь яньцзю. Пекин, 1981, с. 38-52, ос. с. 38, 41-43, 44-45, 47, 50, 52.
 11. См. Hulsewé. *The Influence...*, с. 232 и пр. 147.
 12. См. Hulsewé. *Remnants...*, с. 51, 244; ср. Хуан Шэн-чжан. Шэ лунь Сань Цзинь бинци ды гобе хэ няньдай цзи ци сянгунь вэнь-ти. - Каогу сюэбао, 1974, № I, с. 39.
 13. См. Гуань-цзы (в изд. Чжи Вэй-чэна). Шанхай, 1924, гл. 10, с. 65, гл. 57, с. 357; ср. *Economic Dialogues in Ancient China*. Carbondale, Ill., 1954, с. 60.
 14. См. Гуань-цзы, гл. 24, с. 190, гл. 76, с. 464; ср. *Economic Dialogues...*, с. 143; В.М.Штейн. Гуань-цзы. М., 1959, с. 303.
 15. См. Гуань-цзы, гл. 20, с. 153 (ср. Штейн, с. 260); Хань шу, гл. 91, с. 5273; ср. Swann, с. 416.
 16. См. Хань шу, гл. 24Б, с. 2051.
 17. См. Tsuyoshi Kageyama. *The Salt Monopoly System in the Chien-han Era (Part 2)*. - *Shigaku-Zasshi*. Vol. LXXV (December, 1966), №12, с. 117-116.
 18. См. У Жун-цзэн, с. 43; ср. Шуйхуди Цинь му чжу цзянь, с. 68, 69; Hulsewé. *Remnants...*, с. 56-57 и пр. I.
 19. Это переводы, восходящие к словарю Морохаси (см. Морохаси).

- Т. I, с. 724, № 202). Учитывая комментарий Чжоу Шоу-чана (1814-1884), китайские исследователи фрагментов циньского права более точно переводят "быть занятым в ремесле", см. Шуйхуди Цинь му чжу цзянь, с. 69, пр. 2; ср. Хань шу, гл. 90, с. 5230.
20. См. Hulsewé. *The Influence...*, с. 231-232; Hulsewé. *Remnants...*, с. 56-57 (и пр. I), 68.
21. См. Шуйхуди Цинь му чжу цзянь, с. 68, 69; ср. Hulsewé. *Remnants...*, с. 56.
22. См. Шуйхуди Цинь му чжу цзянь, с. 286; ср. У Жун-цзэн, с. 40-41; Hulsewé. *Remnants...*, с. 31, 61, 62.
23. Тай-пин юй лань. Пекин, 1960, гл. 627, с. 8а; ср. T. Pokora. *Hsin-lun (New Treatise) and Other Writings by Huan T'an* (43 B.C. - 28 A.D.). Ann Arbor, 1975, с. 49, 58-59, пр. 19-23.
24. См. У Жун-цзэн, с. 39, 41-42, 45-46; ср. H. Bielenstein. *The Bureaucracy of Han Times*. Cambridge, 1980, с. 43-44, 47, 51.

Е.И.Кычанов

О ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНА "БУ" В СТАРЫХ КИТАЙСКИХ ОПИСАНИЯХ СОСЕДНИХ С КИТАЕМ НАРОДОВ

Основной единицей, на которую в китайских старых династических историях подразделены описываемые в них народы, является "бу". Нередко и в русской китаеведной литературе и литературе на западно-европейских языках "бу" переводят как "племя". Ч.О.Хакер отмечает, что этимология (социально-административная) слова "бу" неясна, в принципе это слово означает "часть целого" и ничего более, а в китайских исторических сочинениях "обозначение племени неких китайских народов, чаще всего в таких сочетаниях как "буцзу", "булю" (Хакер, с. 390, № 4764). В.С.Таскин предлагает переводить "бу" как "племя", "ирген", "кочевье". (Таскин, с. I-6). Если мы обратимся к конкретным текстам, то увидим, что "бу" это универсальная единица для обозначения различающихся по своей сущности составных частей того или иного народа или государства, соседствовавшего с Китаем.

Гунны. Государство гуннов состояло из 8 "бу", в китайских источниках "бу" у гуннов приравнивается к ханьской области "цзюнь" и половине темничества - военно-административной единице, объединявшей группу населения страны, способную выставить 10 тыс. воинов. У пещерного государства делилось на 5 "бу". Во главе каждого "бу" сто

ял сихоу, чиновник с чином, который сравнивают с древнеиранским сатрап. Таким образом, "бу" у пещи означало сатрапию. Государство сяньби подразделялось на 3 "бу". Имелись центральное "бу", "бу" левого и "бу" правого крыла государства. Размещавшееся на территории северозападной Сычуани государство тибетобирманского народа ди подразделялось на 20 "бу". У древних тюрков те части территории государства, которыми управляли шады, именовались "бе бу", "особыми бу". Западные тюрки подразделялись на 10 "бу". 10 "бу" иначе именовались еще "десять стрел", "он ок", или "ши син було" – "племена 10 кланов". Одновременно каждое "бу" равнялось тьме, единице, составлявшей 10 тыс. воинов. Народность мохэ, проживавшая в северной части Маньчжурии, делилась на 7 "бу". Кидани делились на 10 "бу". "Бу" киданей приравнивалось китайскими информаторами к китайскому округу – чжоу. Каждое "бу" киданей имело свое знамя. Создавались специальные "бу" из рабов. Американский исследователь К.Виттфогель, исследуя материалы по Ляо, определяет "бу" как "племя", "цзу" как "род", но при этом делает весьма существенную оговорку: "Цзу и бу китайские термины, которые являются не более, чем приблизительным эквивалентом для обозначения специфических и иногда непривычных (для китайцев – Е.К.) аспектов киданьского общества" (Виттфогель, с. 47). Цзу не являлись родами, они фиксировали лишь "линидж", – "происхождение", "родословную". Создавались цзу и искусственно, например, после утверждения киданьской династии у власти и создания киданьского государства были образованы цзу Елюй (правящий династийный клан) и Сяо (клан, из которого правящий клан брал жен-императриц). Киданьское "бу", "племя" не отличалось от китайского округа, административной единицы китайской империи. "Племена являлись экономической, политической и военной организациями. Префекты, командовавшие большими или малыми племенами империи, проводили политику центрального правительства, возможно, во всех сферах племенной жизни" (Виттфогель, с. 518). Наконец, племена создавались искусственно. Таковыми были племена Пинь и Чундэ в числе так называемых "восьми племен Тай-цзу", они образовались из лагерей, стоябиц "ин", три "ин" народа си были преобразованы в три племена. Племена создавались из людей лично несвободных, объединение определенных групп людей, которое получало знамя и барабан, могло "обрести статус племени" (Виттфогель, с. 48). Таким образом, за "родоплеменным делением", казалось бы зафиксированном в китайском источнике, реального родоплеменного деления очень часто не было. Другое дело, что формы родоплеменного деления нередко ис-

пользовались описываемым в китайском источнике народом для фиксации административного, военного и иного деления государства. Ю.В.Бромлей характеризует такого рода "родоплеменную организацию" как организацию вторичного порядка в отличие от кровнородственной (Бромлей, с. 142-143). Эта "родоплеменная организация вторичного порядка", по мнению К.И.Петрова, была обусловлена "сутью способа производства" (Петров, с. 53), а, по мнению Г.Е.Маркова являлась "идеологической формой осознания реально существовавших военно-политических, хозяйственных, этнических и других связей" (Марков, с. 89). Таким образом, "бу" китайских источников отражало определенную форму подразделения соседних с Китаем народов и государств, оно могло и отражать и так называемую родоплеменную организацию вторичного порядка, и иные уже не родоплеменные формы административного, военного деления государства. "Бу" являлось тем словом, которым китайские авторы в самой общей форме именовали наибольшую или крупную административную единицу кочевого или некоего соседнего с Китаем государства, нередко приравнивая "бу" к каким-то своим административным единицам (области-цзюнь, округу - чжоу) или указывая на соотнесенность "бу" с полутьмой (гунны), тьмой (западные турки). Мы условно можем полагать "бу" у кучжи страпиями, в тюркских каганатах это области, выделенные в управление шадам, они именовались также "бу". Нам представляется ошибочным без всяких оговорок соотносить "бу" китайских источников с племенем или какой-либо иной единицей родоплеменной первобытнообщинной организации. Особенно активно термин "бу" китайские авторы используют в I тыс. н.э. Он применялся в том узком значении, которое это слово имело при династии Хань со IЮб по IЮ г. до н.э. Тогда, в ранней Хань "бу" обозначался регион, территория из I3 провинций, на "бу" была подразделена вся империя. Именно в этом значении - крупная составная единица страны, "бу" и использовался в китайских описаниях соседних народов. В каждом случае под термином "бу" скрывается что-то конкретное, свойственное лишь данному народу или государству, к сожалению, часто остающееся нам неизвестным. Слово "бу" пережило возрождение при династии Цин, с XУП века. Оно снова стало входить в широкий обиход при описании соседних с Китаем народов. При характеристике монгольских народов оно приобрело конкретное значение и стало означать монгольский аймак. Поэтому переводить во всех случаях "бу" как "племя" это значит наделять термин дополнительным конкретным социальным содержанием, часто, очень вероятно, далеким от содержания реального. В каждом конкретном случае требуется некое до-

полнительное исследование, хотя и в данном случае его результат по многом будет зависеть от неких исходных заданных заранее позиций автора, скажем от того, признает он данное общество государством или не признает. Хотя китайские авторы с рубежа н.э. знали термин "кочевое государство" ("син го"), далеко не все европейские авторы и термин "го" переводят как "государство", предпочитая, в зависимости от своих концептуальных представлений, слова "владение", "удел", "держава". Применительно к термину "бу" и связанному с ним термину "було" венгерская исследовательница Илдико Эчеди, исходя из убеждения, что у турков не было государства, а имелись лишь "конфедерации", высказала мнение, что "бу", "було" отличалось от "чжун" ("толпа", "масса") тем, что имело какое-то наименование. "Було" в описании турков, по ее заключению, термин, использовавшийся для чужеземцев, и характеризовавший, главным образом, патриархальные группы, руководимые вождями. В итоге, следуя принятой традиции, она также предполагает переводить "бу", "було" как племя. (Эчеди, с. 249).

В данной короткой заметке нам хотелось обратить внимание тех, кто работает с китайскими описаниями соседних народов на необходимость отказа от заведомо определенного усвоенного традицией перевода таких социальных терминов как "бу", "було", "цзу" и т.п. племенами и родами. Разумеется, необходимо еще дополнительное фронтальное исследование всего комплекса использовавшейся китайцами терминологии на обширном материале, но отдельные конкретные исследования, подобные тому, о результатах которого мы коротко информируем читателя, заставляют говорить о необходимости отказа от принятого трафарета. Особенно это важно при использовании китайских источников для исследования социальных, административных, политических структур соседних с Китаем народов и государств.

- Бромлей - Ю.В.Бромлей, Этнос и этнография. М., Наука, 1973.
 Марков - Г.Е.Марков, Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология, - СЭ, 1981, № 4.
 Петров - К.И.Петров, Очерки социально-экономической истории Киргизии VI - начала XIII в. Фрунзе, 1981.
 Таскин - В.С.Таскин, Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху, М. Наука, 1984.
 Эчеди - Escedy H. Tribe and Tribal Society on the 6-th Century Turk Empire. - АО, т. XXX, fasc. 1-3.
 Хакер - Hucker Ch.O. A Dictionary of Official Titles in Imperial China, Stanford, 1985.
 Виттфогель - Wittfogel and Feng Ch'ia-sheng, History of Chinese Society Liao. Philadelphia, 1949.

СОСЛОВНАЯ СТРУКТУРА ПРАВЯЩЕГО КЛАССА В КОРЕЕ ХУП–ХУШ вв.

Характерной чертой корейского общества ХУП–ХУШ вв. был его четко выраженный сословный характер. Как и в других докапиталистических обществах двумя важнейшими антагонистическими классами в нем являлись класс землевладельцев и класс крестьян, причем в руках первого, господствующего, концентрировалась вся полнота власти. Эта классовая структура в общем одинакова для всех докапиталистических обществ, но в некоторых из них (в частности, в средневековой Европе, Японии и самой Корее) наряду с классовой существовала и сословная структура.

Понятие "сословие" широко употребляется в советской исторической литературе. Под этим словом обычно имеются в виду большие социальные группы, наследственные по характеру и отличающиеся друг от друга юридически закрепленными правами и обязанностями.¹

В Корее ХУП–ХУШ вв. в состав правящего класса землевладельцев входили представители 3 сословий: 1) янбаны (荫班) – высшее привилегированное сословие; 2) чуньины (中人) – среднее сословие; 3) сори (胥吏) или хянъни (鄉吏) – сословие потомственных мелких чиновников. Кроме того, землевладельцами становились и некоторые разбогатевшие представители сословия свободных крестьян – янминов (良民).

Янбаны – высший привилегированный слой позднесредневековой Кореи, который может быть в очень большой степени соотнесен с европейским дворянством. Слово "янбан" в буквальном переводе значит "2 части", т.к. янбаны делились на военных и гражданских, причем военные подвергались некоторой дискриминации (в частности, их продвижение по службе ограничивалось неполным 3-м рангом²). В теории все янбаны должны были состоять на государственной службе, но на практике это требование не соблюдалось, да, как мы увидим далее, и соблюдаться не могло. В том случае, если в течение более чем 3-х поколений представители янбанской семьи не служили, то такая семья утрачивала янбанское достоинство и переходила в сословие потомственных мелких чиновников – сори.³ Только янбанам была открыта дорога к занятию высших государственных постов, только они могли сдавать гражданские государственные экзамены (к экзаменам по военным предметам, открывавшим путь к офицерским должностям, допускались и лично свободные простолюдины). Тут, правда, возникало противоречие: по конфуцианским представлениям, доступ

к экзаменам должен был быть открыт всем. Выход из положения нашли, применив прием, который широко использовался в тех частных случаях, когда конфуцианские теории вступали в конфликт с корейской социальной практикой: ни в одном официальном документе не говорилось о запрете на сдачу экзаменов неянбанами, он существовал как неписанное, но неукоснительно соблюдаемое правило.⁴

Возможности служебной карьеры в немалой степени зависели от родовитости семьи. К ХУП в. из рядов янбан выделилась аристократия – польёль (政院) – десяток наиболее родовитых кланов. Именно эти семейства, связанные тесными матримониальными узами друг с другом и с правящей династией, играли решающую роль в политической жизни страны.⁵

Жили янбаны на доходы от сдачи в аренду своих земельных владений, но, к сожалению, об этой стороне их жизни нам известно очень мало, что связано с еще одной фикцией: общей для официальной идеологии стран Дальнего Востока: утверждением, что вся земля в стране принадлежит монарху и только ему. Традиция считала, что существуют только два занятия, достойных янбана: государственная служба и земледелие.

Янбаны были неподсудны обычному суду, их дела рассматривались в специальном судебном органе – Ыгымбу (義禁府). Их особое положение подчеркивалось одеждой и специальным головным убором. При встрече с янбаном простолюдин обязан был оказать ему знаки внимания: всадник спешивался, а пешеход – кланялся. Простолюдинам запрещалось сидеть или курить в присутствии янбана. Янбан считал ниже своего достоинства выехать из дома без сопровождения свиты, часто весьма многочисленной.⁶

Войти в состав янбанского сословия простолюдину можно было лишь сдав государственные экзамены (только военные, то есть дающие право на менее престижные должности), либо же купив янбанское звание за деньги. Для этого желающий договаривался с какой-нибудь обедневшей янбанской семьей, которая за немалую сумму усыновляла его.⁷ Иногда практиковалась и продажа янбанских званий государством.⁸

Сословная система династии Ли довольно быстро столкнулась с серьезными трудностями. В момент образования новой династии, когда происходило юридическое оформление сословий (начало ХУ в.), количество янбанов было сравнительно невелико, они составляли всего несколько процентов населения страны. Однако уровень жизни у янбанских семей был выше, чем у крестьянских, а детская смертность, следовательно, – ниже. Кроме того, у всех янбан были наложницы –

роскошь для большинства простолюдинов непозволительная. Поэтому и абсолютная численность янбанского населения, и его удельный вес неуклонно увеличивались. В конце ХУ в. янбаны составляли около 7% населения страны, в конце ХІХ в. – 10%.⁹

Быстрый рост относительной и абсолютной численности янбанов порождал определенные проблемы, ибо количество гражданских и военных должностей, на которые могли претендовать янбаны, было весьма ограничено. По подсчетам Ли Санбэка, в центральном аппарате было лишь 400 чиновников.¹⁰ Даже если считать эту цифру заниженной, все равно ясно, что совершеннолетних янбан, желающих поступить на службу, было много больше, чем должностей, причем разрыв этот все время увеличивался. Это тяжело переживалось янбанами, воспитанными в духе конфуцианского культа государственной службы, представления о том, административно-политическая деятельность – единственное занятие, достойное образованного и высокоморального человека.

Правительство было вынуждено принимать меры. Уже в ХУ в. возникает система фиктивных должностей. Янбаны, получившие такую фиктивную должность (их называли самгван – 散官), не занимались никакой реальной административной деятельностью, не получали служебных земельных наделов, но тем не менее считались полноправными янбанами, состоящими на государственной службе. Занятие фиктивной должности ничего не давало чиновнику в материальном плане, но зато гарантировало общественный престиж и сохранение его семьей янбанского статуса и в будущем.¹¹

Фиктивных должностей было много больше, чем настоящих, но и это не могло решить проблемы "трудоустройства" избыточного янбанского населения. Поэтому уже с начала ХУ в. принимаются меры по ограничению общей численности янбан. Как было сказано выше, практически у каждого янбана кроме жены было несколько наложниц, что, конечно, вело к особой многодетности янбанских семей. Начиная с 1406 г. был принят ряд законодательных актов, в соответствии с которыми дети янбан от наложниц не наследовали янбанских привилегий, а становились простолюдинами. Однако на практике эти дети (в нашей литературе их часто называют "незаконнорожденными" или "побочными"), обладая в большинстве своем образованием, некоторыми средствами и связями, не сливались с простолюдинами, а с течением времени образовали особое сословие чуньинов (中人).

В ХУІ в. сословие чуньинов стало самовоспроизводящимся: оно пополнялось не только за счет детей янбанов от наложниц, но и за счет детей самих чуньинов.

В корееведной литературе чуньинов часто называют "средним сословием", но это тот случай, когда буквальный перевод термина нельзя считать точным, ибо ничего общего со "средним сословием" Европы они не имели. По сути чуньины – это неполноправные янбаны, своего рода низшее дворянство. Утверждения об их "дискриминации" стали едва ли не общим местом в литературе, но надо помнить, что в сословной пирамиде корейского общества они располагались выше всех сословий, уступая лишь янбанам. Хотя чуньины и подвергались некоторой дискриминации по сравнению с янбанами, это не означало, что они были полностью устранены от любой административной деятельности. Дети наложниц могли занимать чиновничьи посты, хотя для них были установлены предельные ранги, своего рода "служебные потолки", зачастую довольно высокие. "Служебный поток", максимальный ранг, которого мог достичь чуньин, зависел от ранга отца и от сословного происхождения матери, ибо среди "побочных" четко выделялись дети от свободных наложниц – со (庶) и от крепостных – оль (孽).

Табл. I. Максимальные ранги, могущие быть присвоены чуньином.¹²

Ранг отца	1-2	3-6	7-9
максимальный ранг сына от свободной наложницы	3 полн.	4 полн.	5 полн.
максимальный ранг сына от крепостной наложницы	5 полн.	6 полн.	7 полн.

Однако получить чисто административные посты чуньином удавалось редко, в основном представители этого сословия занимали должности технические, требующие не общеконфуцианской подготовки, а специальных знаний. По официальной классификации в старой Корее выделялось 10 таких специальностей: иностранные языки, медицина, юриспруденция, гадательное искусство и т.п. Эти дисциплины конфуцианская традиция относила к второстепенным, полагая, что единственно достойное истинного ученого занятие – это изучение трудов древних философов и историков.

Сословие чуньинов не имело такого замкнутого характера как янбанское. С одной стороны, мелкие чиновники – сори и даже простолюдины могли войти в его ряды, сдав специальные экзамены, с другой – многочисленные отпрыски бедных чуньинов и побочные дети мелких провинциальных янбан часто не могли сохранить своего сословного статуса и превращались в простолюдинов.¹³

Чуньины были весьма беспокойной социальной группой, из их

среды вышли многие активные участники разнообразных оппозиционных выступлений как политического, так и идеологического характера.

Еще одним сословием в старой Корее были потомственные мелкие чиновники – сори (胥吏). Они служили на низовых должностях в столичных и провинциальных учреждениях, при этом выделялись две их группировки с несколько различным статусом: сеульские сори – кёнъачжон (京衙前) и провинциальные сори – хянъни (鄕吏). Формально сори должны были заниматься только канцелярской деятельностью, в действительности же их влияние было достаточно велико, ведь в отличие от регулярно и часто сменяемых штатных чиновников – янбан, сори из поколения в поколение служили в одних и тех же управлениях, на одних и тех же должностях. Основная масса населения могла поддерживать контакты с властями только через сори, которые могли влиять на исход того или иного дела в угодном им духе.

Сори имели тесные контакты со своими земляками – крупными землевладельцами как из числа янбанов, так и из числа разбогатевших простолюдинов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно сори были активными организаторами самых разнообразных махинаций.¹⁴

Дети сори получали образование в местных школах, где изучались письмо, счет, основы законодательства. Сдав по этим предметам экзамены, сори наследовали род занятий своего отца.

Для представителей этого сословия также был установлен максимальный предел продвижения по службе. Для провинциальных чиновников-сори это был полный 5-й ранг, а для столичных – полный 7-й.¹⁵

1. Это определение основывается, в частности, на статье В.И. Ленина "Перлы народнического прожектерства". – Полное собрание сочинений. Т. 2, с. 475.

2. 한서사, 서술, 1983. История Кореи. Т. 10. Сеул, 1983, с. 597. Всего в Корее при династии Ли существовало 9 рангов, каждый из которых делился на два: полный и неполный (старший и младший).

3. Там же.

4. 崔永浩. 李朝初期의 科擧における 良民의 地位. "東洋" 1977, № 5, с. 59.
Чхве Ёнхо. Простолюдины на государственных экзаменах в начальный период династии Ли.

5. 李佑成. 李朝士大夫의 基本性格. 《韓學》1980, № 6. Ли Усон.
Характер "садэбу" при династии Ли.

6. Описание Кореи. М., 1960, с. 348-349.
7. Там же.
8. История Кореи. Т. I. М., 1974, с. 278.
9. 李相伯, 한국사, 서울 1963, т. 3, с. 320. Ли Санбэк. История Кореи. Сеул, 1963.
10. Там же, Т. 3, с. 297.
11. 한국사, т. 12, с. 100.
12. Составлено по: 한국사, т. 10, с. 607.
13. Там же.
14. Подробнее см.: История Кореи. Т. I. М., 1960, с. 391.
15. 한국사, т. 10, с. 582.

И.Л.Пиотровская

ПРОБЛЕМА ЗАДОЛЖЕННОСТИ И НЕФТЕЭКСПОРТИРУЮЩИЕ СТРАНЫ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Кредитование, финансовые операции являются одной из традиционных сфер исламского экономического порядка. Проблеме предоставления ссуд в долг посвящены аяты Корана, многие хадисы, целые главы книг по фикху. Поэтому в отличие от других сфер деятельности в области финансовой практики бизнесмены из Персидского залива, вступив в мир мирового капиталистического хозяйства, не чувствовали себя новичками. В настоящее время страны Залива занимают значительное место в сфере международного кредитования. Они являются важными участниками одной из главных проблем современного развития – проблемы международной задолженности развивающихся стран, внешний долг которых в 1986 г. составил 1 трлн.долл.

Проблема не только в сумме долга, а в способности стран-заемщиков покрыть его. Суть ее состоит в следующем: смогли ли реципиенты капитала эффективно реализовать заемные средства и создать производственный механизм, функционирование которого поможет рассчитаться с долгами. Ситуация на сегодняшний день такова, что значительная часть заимствованных средств расходуется на второстепенные нужды или совсем выпадает из материальной сферы, т.е. ссудный капитал отрывается от движения реальных ресурсов и растущая доля кредитов начинает вращаться в сугубо финансовой сфере, работать без отдачи, сокращая потенции производственного накопления.¹ Многие развивающиеся страны, по существу, занимаются рефинансированием долга, т.е. берут средства для того, чтобы опла-

тить новые кредиты. Выплаты по долгу (оплата процентов за полученные кредиты и погашение основной части долга, по которой подошел срок выплат) поглощает 1/4 экспортных поступлений развивающихся стран - импортеров капитала и 35-40% экспортной выручки стран Латинской Америки. С 1982 г. многие развивающиеся страны-заемщики валютных средств являются чистыми экспортерами капитала по линии коммерческого кредита, то есть их процентные платежи по банковской задолженности превышают размер новых займов. Масштабы долга иллюстрирует показатель соотношения общего объема долга и величины ВВП этих стран, который для всех развивающихся стран в 1987 г. составил 38,9%, а для некоторых стран - 62,8%.²

Каковы причины возникновения кризиса задолженности? Как нам представляется, глубинные причины лежат в том, что внешнее финансирование изначально было встроено в развитие освободившихся государств. Сохранение во многих из них архаичных социально-экономических структур, а также глубокие внутренние диспропорции развития не позволили эффективно использовать заемные средства, в срок рассчитаться по долговым обязательствам. Кроме того существует еще целый ряд причин, связанных с неравноправным характером экономических отношений этих стран с государствами развитого капитализма. Их условно можно разделить на две группы. Суть первой состоит в том, что кредитование развивающихся стран было чрезмерным в условиях избытка ликвидности и обострения межбанковской конкуренции на мировом денежном рынке. Значительное расширение мировых ликвидных ресурсов произошло в большой степени как за счет кредитов из развитых капиталистических стран, так и за счет нефтедолларов из государств Персидского залива, не нашедших производительного применения на внутреннем рынке этих стран и хлынувших на международный рынок капиталов в поисках прибыльного размещения.

Процентные ставки по кредитам на международном рынке в 70-е годы были практически отрицательными, ибо ставки по долларовым кредитам были ниже, чем темпы инфляции в США. При такой конъюнктуре, по имеющимся оценкам, с 1977 г. по 1980 г. выплаты процентов в реальном выражении по чистой внешней задолженности (валовая задолженность минус официальные резервы) развивающихся стран - не членов ОПЕК, ежегодно сокращались в пределах 1-4% объема экспорта товаров и услуг из этих стран. В этих условиях многие развивающиеся страны широко использовали внешние частные займы для субсидирования экспорта и оплату импорта товаров производственного назначения, необходимых для поддержания высокого уровня

капиталовложений, рассчитывая на то, что инфляция в будущем обесценит займы, полученные сегодня. Таким образом, через систему международного кредита внешнеторговые дефициты переводились во внешнюю задолженность.

Конъюнктура рынка международного кредита в начале 80-х годов резко изменилась, что было связано с изменениями, происшедшими в экономике индустриально развитых капиталистических стран. Экономический спад в развитых капиталистических государствах вызвал сужение международного спроса и понижение цен на многие товары традиционного вывоза из развивающихся стран. Усиление протекционистских тенденций в странах Запада привело к сокращению экспорта из развивающихся государств и падению размеров их валютной выручки. Последнее напрямую влияло на возможности страны-заемщика капитала рассчитаться за полученные кредиты, ибо выплаты по ним (равно как и сам кредит) производятся в конвертируемой валюте, получаемой развивающимися странами через внешнеторговые операции, а не в национальной валюте. Падение экспортных поступлений и ухудшение платежных позиций развивающихся государств значительно сузило их возможности погашать долги. В этом же направлении действовало и ухудшение условий торговли (на 12% за 1979-82 гг.), поскольку рыночные цены на сырьевые товары, без нефти, упали на 18%. Ухудшению соотношения экспортно-импортных цен способствовал и галопирующий рост импортных цен на нефть. Цена сырой нефти за 1978-80 гг. возросла на 160%. За тот же период выплаты развивающихся стран-импортеров нефти по закупкам жидкого топлива удвоились и достигли к 1980 г. почти 50 млрд. долл или 1/5 всей экспортной выручки.³ С 1981 г. в результате скачка цен на нефть они возросли еще на 3-8 млрд. долл. Во многих развивающихся странах-импортерах нефти удельный вес платежей за импортируемую нефть превысил половину всех экспортных поступлений. Между тем за счет нефти удовлетворяется около 2/3 энергетических потребностей промышленности этих стран.⁴

Изменения в экономическом организме развитых стран, составляющие другую группу причин кризиса долга, отразились на рынке капиталов, где резко подскочили процентные ставки на капитал. Базовая процентная ставка по трех-месячным межбанковским депозитам в июле 1981 г. на рынке евродолларов в Лондоне составила 18,7% против 8,7% в декабре 1978 г.⁵ Особенности формирования процентной ставки по среднесрочным евровалютным кредитам еще более осложняет выплату задолженности, т.к. рост базовой процентной ставки (ЛИБОР) означает удорожание не только новых, но и ра-

нее полученных зреств. В итоге выплаты только процентов по кредитам превышают 60 млрд. долл. ежегодно. Заимствование капиталов заемщиками из развивающихся государств не по фиксированным, а по плавающим ставкам, в которых отражаются изменения в уровне инфляции, создает значительные трудности. К началу 80-х годов соотношение между этими ставками и уровнем инфляции круто изменилось в связи с изменениями в 1981 и 1982 гг. реальных ставок в сторону их повышения. Резкое удорожание кредита создало для многих развивающихся стран, которые сильно зависят от данного типа финансирования, дополнительные проблемы. Так, например, для Бразилии, по подсчетам советских экономистов, повышение процентной ставки на рынке евродолларов на один процентный пункт оборачивается увеличением ежегодных расходов по внешнему долгу почти на 300 млн. долл. Суммарный отток средств из развивающихся стран чистых импортеров капитала в центры капитализма за 1980-84 гг. в виде платежей по внешним долгам составил 282,5 млрд. долл., что, примерно в 1,8 раза превышает суммарный объем помощи, предоставленной им за тот же период развитыми капиталистическими государствами.

Таким образом, в начале 80-х годов в валютно-финансовой сфере развивающихся стран одновременно в одной точке сошлись действия нескольких факторов: сокращение валютной выручки развивающихся стран-импортеров нефти, наступление срока выплат по заимствованным кредитам и ухудшение условий их предоставления. Как следствие действия этих факторов - возникновение кризиса задолженности, в результате которого некоторые развивающиеся страны не смогли погасить внешний долг, оказавшись на грани международного банкротства. Многие из них стали некредитоспособными с точки зрения банков-кредиторов, ибо отношение суммы долга к экспортным платежам превысило 20% уровень, который ранее считался критическим. Коммерческие банки западных капиталистических стран резко сократили объемы кредитования, а многие прекратили его вовсе. В этих условиях функционирование в сфере международного кредита группы из нефтеэкспортирующих стран Залива оказало безусловно благоприятное влияние на ситуацию. Рынок капиталов пополнился кредитами из этих государств, размер которых в 1981 г. составил 1/3 всей суммы среднесрочных евровалютных средств. Процентные ставки по кредитам стали снижаться.

Огромный рост внешней задолженности имеет место прежде всего в отношении западных доноров и в значительно меньшей степени в отношении стран Залива. Однако реципиенты нефтеэкспортирующих стран также успели набрать долгов, удельный вес которых в общей

сумме долга, по данным 1983 г., составлял 9%.⁵ Причем темпы прироста в последние годы странам Залива были выше, чем группе развитых капиталистических стран. Кредитование развивающихся стран из нефтедолларовых средств происходит либо непосредственно консорциумами арабских банков, действующих на евროрынке, либо опосредованно через транснациональные банки (ТНБ), куда вложены валютные средства из государств Персидского залива. Условия предоставления кредитов из этих средств устанавливает банк-кредитор. Безусловно, кредиты из стран Залива облегчают финансовое положение заемщика, позволяют решать проблему финансирования хозяйственного развития, преодолевать диспропорции в развитии отдельных отраслей экономики, сбалансировать разрыв между доходами от экспорта и быстро растущим импортным излишком.

С другой стороны, учитывая ограниченные возможности стран-заемщиков в погашении долга тем более на предлагаемых условиях, крупное заимствование валютных средств на рынках капиталов приводит к дальнейшему росту задолженности и в конечном итоге создает условия напряжения в валютной сфере страны-получателя в связи с выплатой сумм по обслуживанию долга. Отягчающим фактором является структура задолженности государствам Залива, в которой преобладали кратко и среднесрочные кредиты, увеличивающие размеры выплат в ближайшем будущем и усугубляющие проблему долга. Кроме того условия предоставления нефтедолларовых средств идентичны тем, которые имеют место на рынке капиталов. В значительной степени условия займов на основе нефтедолларов, особенно те, которыми оперируют ТНБ капиталистических стран, диктуют кредиторы. Так, краткосрочный характер займов определен именно этими банками, ибо в область долгосрочного инвестирования страны Персидского залива допускаются в очень ограниченных масштабах. Подобная форма вложений приносит странам Залива лишь доход по процентам от вложений, который в свою очередь обесценивается в виду инфляции в странах Запада и падения курса основной валюты расчета - американского доллара.

Итак, в сфере международного кредита мировое капиталистическое хозяйство раскололось на две группы: с одной стороны, кредиторов в лице развитых капиталистических стран и в недавнем прошлом отсталых эмиратов Залива, а с другой стороны, заемщиков в лице практически всех развивающихся стран. Страны Залива в сфере международного кредита вошли в верхний эшелон государств развитого капитализма. Однако сильный валютный потенциал этих государств в настоящее время можно рассматривать как конъюнктурный

фактор, имеющий мало общего с подлинным развитием этих государств. По-прежнему их экономика носит зависимый характер. Благополучие государств Залива по-прежнему зависит от цен на нефть, а их размеры в последние годы вновь определяют развитие капиталистических страны, т.е. положение на рынке этого энергоресурса вернулось к положению, характерному до первого "нефтяного шока". Ситуация на рынке нефти определяется формулой "рынок покупателя" (превышение предложения над спросом). Сохранение этого положения может вызывать дальнейшее падение цен на нефть и, как следствие, ухудшение валютно-финансового положения ее экспортеров. Благоприятную экономическую конъюнктуру по ряду причин страны Залива реализовать не смогли. Зависимый характер продолжает носить и партнерство в рамках кредитных отношений с развитыми государствами капитализма. Это представляет большую опасность для государств Залива, которые планировали развивать свой экономический механизм по типу государство-рантье (Кувейт, Бахрейн, Саудовская Аравия). В настоящее время в результате значительного сокращения валютных поступлений от экспорта нефти эти страны урезали программы экономического развития, заморозили строительство ряда объектов, ввели жесткие меры экономии по импорту. Такова реальность сегодняшнего дня. В этих условиях трудно прогнозировать завтрашний день этих государств, тем более что практически все звенья их экономического механизма связаны с развитыми капиталистическими странами, которые и определяют, как показывает практика, условия их функционирования. И, если сегодня страны Персидского залива являются кредиторами в столь крупных масштабах, завтра ситуация может быть обратная, учитывая неблагоприятную конъюнктуру на рынке их основного экспортного товара и в перспективе.

Но существует еще один аспект кредитной деятельности нефтеэкспортеров — это предоставление валютных средств по каналам помощи на льготных условиях. Эти льготные кредиты весьма отличны от кредитов по линии международных финансовых организаций (МБРР, МВФ и др.), созданных как инструменты для оказания помощи развивающимся странам. Эти финансовые институты предоставляют кредиты с процентной ставкой, размер которой формируется на основе среднерыночной стоимости привлеченных средств плюс надбавка в 0,5 процентного пункта. Так, в начале 1982 г. ставка по кредитам МБРР превысила 11%. Таким образом условия по кредитам международных финансовых организаций во все большей степени приближаются к рыночным. В этих условиях предоставление льготных средств со стороны стран-нефтеэкспортеров имеет особое значение, тем более, что

оно не всегда, как это имеет место при предоставлении кредитов со стороны международных финансовых организаций, сопровождается политическим условием. В связи с этим развивающиеся страны зачастую предпочитают обращаться на евторынок с высокой процентной ставкой, чем к помощи этих организаций.

Конечно, эти средства могут лишь до некоторой степени нивелировать те валютно-финансовые трудности, которые переживают развивающиеся страны, тем более, что "география" предоставления замыкается в основном на мусульманских странах Ближнего Востока. Но в условиях сокращения средств, выделяемых развитыми капиталистическими странами по государственной линии на цели развития, они имели огромное значение, тем более, если учесть, что абсолютный их размер за 10 лет кредитования составил примерно 60 млрд. долл.⁸ Особо показателен относительный объем, который в конце 70-х годов составлял 1,59% ВНП стран Персидского залива, что было, примерно, в 5 раз выше, чем у группы индустриально развитых капиталистических государств. Другими словами страны Залива в сравнении со значительно более развитыми государствами Запада на цели развития стран "третьего мира" выделяли значительно больше из того, чем располагали сами. Примечательно также и то, что ссужать они начали еще задолго до того времени, когда у них появились так называемые свободные денежные средства, не размещенные на внутреннем рынке этих стран. Определенная целевая направленность этих средств в начальные годы кредитования, а именно под объекты социальной инфраструктуры, также подтверждает тезис о том, что здесь имеет место помощь в полном смысле этого слова. Поэтому ссылка на то, что кредитная деятельность нефтеекспортеров по этой линии является лишь звеном общего процесса экспорта капитала из этих государств, неубедительна, учитывая в целом (70%) льготный характер их помощи.⁹

Можно считать, что помощь стран-кредиторов Персидского залива носит специфический характер, отличный от группы кредиторов из развитых капиталистических стран. Представляется, что в процессе помощи происходит перераспределение финансовых ресурсов между богатыми нефтеекспортерами и бедными соседями в соответствии с мусульманскими принципами перераспределения дохода. Выделяемые льготные средства можно рассматривать как операции по выполнению принципов мусульманской экономической этики (садака, закят) как бы на уровне всемирной мусульманской общины. Социальная этика в данном случае совпадает с вполне реальными нуждами современного бытия стран-кредиторов, а именно, откупаясь таким

образом от своих соседей, они обеспечивают себе политическую стабильность в мусульманском и арабском мире.

Главной, однако, остается кредитная деятельность этих стран на евторынках.¹⁰ Здесь идет прямая капитализация валютных средств с целью извлечения дохода, хотя основной группой заемщиков попрежнему являются мусульманские страны. В условиях кризиса задолженности и приостановки выплат по долгу отдельными заемщиками вполне возможна постановка вопроса о неправомерности взимания процентов, выплаты по которым поглощают практически целиком новые займы и идет выплата не основного долга, а только процентов по ним. В атмосфере возрождения традиционной мусульманской практики беспроцентного кредитования нельзя исключать отказ выплачивать кредиты, предоставляемые через евторынки, который может быть оправдан подведением процента под категорию рибха. Подобные высказывания уже звучат в выступлениях отдельных представителей из стран традиционного распространения ислама.

1. The World Bank. *Borrowing in International Capital Markets*, EC-181/792, October, 1979; Мировая экономика и международные отношения, 5, 1980, с. 91.
2. Данные рассчитаны Институтом Мировой экономики и международных отношений АН СССР. - Мировая экономика и международные отношения, 5, 1987, с. 148.
3. *Journal of International Affairs* N.Y., 1980 vol.34 N 1, p.29.
4. R.Andreasian. *World Energy Crisis and the Middle East*. - *International Economic History Congress*. Berne, 1986.
5. Мировая экономика и международные отношения, 6, 1982, с. 104.
6. Данные рассчитаны Институтом мировой экономики и международных отношений. - Мировая экономика и международные отношения, 5, 1987, с. 143.
7. *Middle East Economic Survey*, 1985, 13 May, p. 5-6.
8. *Journal of Asian and African Studies* XXI 1-2, 1986, с. 27.
9. K.J.Gantzel, H.Mejcher. *Oil, the Middle East, North Africa and the Industrial States*. Zurich, 1984, с. 233-235.
10. *Middle East Economic Survey*, 1985, 13 May, p. 5-6.

И.Л.Пиотровская

СКОЛЬКО СТОИТ ДОЛГ?

Проблема должников и кредиторов в международных платежных отношениях в последние годы приобрела особую остроту. Предельным ее выражением стал кризис международной задолженности. Долговые

отношения на современном этапе развития государств мирового капиталистического хозяйства порождены движением ссудного капитала в форме займов, кредитов, вложений в ценные бумаги и банковские вклады. Потоки ссудного капитала от кредитора в страны-импортеры капитала привели к образованию огромного внешнего долга, абсолютный размер которого увеличился за последние тридцать лет почти в двести раз, и поставил страны-реципиенты капитала в качественно новую форму зависимости от государств кредиторов капитала.

Международный кредит способствует воспроизводству отношений эксплуатации и зависимости на международном уровне. Используя финансовую зависимость страны-заемщика капитала, кредиторы устанавливают не только условия кредита, которые особенно по коммерческой линии, ставят реципиента перед необходимостью новых заимствований, чтобы расплатиться со старыми долгами, отягачая и без того сложное финансовое положение должника. Диктуются не только условия предоставляемых кредитов, но и сфера их приложения в стране-реципиенте, условия его функционирования.

С помощью денежных ссуд страны-кредиторы фактически подчиняют своему господству заемщика капитала, распоряжаясь через систему кредита производственным механизмом страны-получателя, оказывая трансформирующее влияние на экономику страны. По сути кредит является инструментом мощной привязки развивающихся стран к стране - кредитору и мировому капиталистическому хозяйству в целом.

Экономическую зависимость развивающихся стран, вставших на путь ускоренной индустриализации на базе иностранных инвестиций, импорта производственного оборудования и массированного внешнего заимствования для финансирования импортных закупок, т.е. по сути "развития в долг" можно до некоторой степени сравнить с экономической зависимостью по линии задолженности, нужде в ссуде в период господства прародителя ссудного капитала - торгово-ростовщического капитала в хозяйстве стран, находящихся на более ранних этапах формационного развития.

Как известно, в основе деятельности торгово-ростовщического капитала лежала нажива, прибыль. Предоставляя деньги в ссуду на срок ростовщический капитал устанавливал громадные процентные ставки, поглощавшие "в форме процента весь избыток сверх самых необходимых средств существования производителя...".¹ Зачастую, как отмечает К.Маркс "...ростовщик, не довольствуясь выжиманием прибавочного труда из своей жертвы, мало-помалу приобретает право собственности на самые условия ее труда - на землю, дом и

т.д...."² В ходе ссудных операций, как подчеркивает далее К.Маркс, ростовщиком преследовалась только одна цель – обогащение посредством эксплуатации и разорения заемщика денежных средств. Итог всех ростовщических операций для получателя ссуды сводился к одному "... он [получатель – И.П.] попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освободится".³

Современные ссудные операции, происходящие на межгосударственном уровне между промышленно развитыми капиталистическими государствами и развивающимися странами по своей социальной сущности напоминают отношения кредитора и заемщика в докапиталистических формациях на уровне "допотопных форм капитала".⁴ Заимствуя ссуды в различной форме у государств развитого капитализма, развивающиеся страны поставили себя в зависимость от финансового капитала государств-кредиторов. И хотя финансовые условия предоставляемых заемных средств и прежде всего размер процентной ставки отличаются от тех, которые были характерны для ростовщического капитала, ибо, как отмечает К.Маркс, в форме процента на ссуду от заемщика денежных средств извлекался весь прибавочный продукт, выступающий на последующих стадиях формационного развития общества как прибыль и земельная рента, оставляя последнему лишь минимальные средства для поддержания своего существования, которые позднее выступали как заработная плата производителя, а "... потому в высшей степени нелепо сравнивать высоту этого процента, отнимающего всю прибавочную стоимость, за исключением того, что приходится на долю государства, с высотой современной процентной ставки, когда процент – по крайней мере нормальный – образует лишь часть этой прибавочной стоимости".⁵ Тем не менее именно существующие в настоящее время условия заемных ссуд осложняют и без того тяжелое валютно-финансовое положение современного заемщика капитала.

И хотя речь идет в настоящее время о современных транснациональных банках, совершаемых кредитные операции в системе мирового капиталистического хозяйства, а не о ростовщиках, оперирующих в условиях докапиталистических формаций, тем не менее отдельные качественные и количественные характеристики в отношениях кредитор-заемщик, происходящие на более высоком витке формационного развития можно условно сравнить с системой взаимоотношений кредитор-должник на ранних стадиях развития общества. Тем более что, как отмечает К.Маркс "Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой

природе или характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредиту-ру".⁶ Было бы нелепо сравнивать положение современного заемщика в лице развивающегося государства с заемщиком прежних формаций. Однако, на наш взгляд, им присуща одна общая черта, которая объединяет их в группу заемщиков капитала, и прежде всего то, что и те и другие подвергались и подвергаются экономическому принуждению со стороны кредитора ссудных средств. Здесь нелишне напомнить, что экономическое принуждение и следующее за ним в процессе развития отношений кредитор-заемщик экономическая зависимость в виде задолженности была фактически первой формой экономической зависимости на разных "этажах" отношений кредитор-должник, т.е. как в процессе ссудных отношений ростовщик-заемщик на уровне внутреннего рынка отдельного государства Востока, так и в системе отношений метрополия-колония на самом начальном пути вхождения развивающихся стран в мировое капиталистическое хозяйство. Появление экономической зависимости в виде задолженности, нужде в ссуде на начальном этапе связи ростовщик-заемщик приводило к исчезновению традиционных патриархальных патерналистских взаимоотношений, составлявших, по существу, прежде одну из главных черт докапиталистического способа производства. Правда, элементы этих отношений исчезли не полностью и сохранились в несколько модифицированном виде и в настоящее время в развивающихся странах.

Политические и экономические сдвиги особенно последних трех десятилетий в системе отношений развитых капиталистических государств и развивающихся стран в целом в условиях бурного развития интернационализации капиталистического производства и сферы обращения качественно изменили положение последних в системе мирового капиталистического хозяйства, поставив некоторые развивающиеся страны в положение партнера государств Запада, хотя и неравноправного. Некоторые из группы развивающихся стран по отдельным параметрам смогли перейти из объектов мирохозяйственных связей в разряд их субъектов. Принципиально новая форма взаимоотношений этих стран тем не менее не исключает факта продолжающейся эксплуатации развивающихся стран промышленно развитыми государствами по многим направлениям их экономических взаимоотношений, и в том числе в области кредитных отношений. Как и прежде "орудием" эксплуатации в числе других служат проценты на ссужаемый капитал. Значительный их рост в последнее десятилетие наряду с ухудшением других основных параметров кредитования поставили многих заемщиков

в тяжелое валютно-финансовое положение. Огромная задолженность, выплаты по которой поглощают значительную часть вновь созданного ими продукта, серьезно сдерживают экономический рост стран-должников. Все явственнее проявляются экономические и социальные издержки "развития в долг". С увеличением внешних долгов растет отток валютных ресурсов из стран-должников в страны-кредиторы капитала. Чтобы обеспечить платежи по долгу многие из заемщиков вынуждены сокращать импорт жизненно важных товаров, форсировать экспорт, не взирая на существующую на мировом рынке конъюнктуру на экспортируемый товар, принимать жесткие меры экономии, связанные прежде всего с социальными программами. С ростом долговых обязательств все большие валютные суммы идут на расчеты по задолженности. За 1980-84 гг. суммарный отток средств из развивающихся стран - чистых импортеров капитала в страны-кредиторы только в виде процентных платежей по внешним долгам составил 282 млрд.долл., что примерно, в 1,8 раза превышает суммарный объем помощи, предоставленной им за тот же период развитыми капиталистическими странами. Таким образом, выплаты в счет процентов поглощают всю сумму вновь заимствованных странами-реципиентами средств по каналам помощи.

Но, если потери, несущие должниками, можно измерить в количественных характеристиках, то существуют и другие компоненты взаимоотношений кредитор-должник, которые не поддаются стоимостному учету. Имеются в виду потери стран-заемщиков капитала, связанные с консервацией развитыми капиталистическими государствами-кредиторами их отсталой социальной структуры, что, в конечном итоге, неизбежно будет сказываться на экономическом развитии освободившихся стран и на возможность решения одной из самых острых в настоящее время проблем - проблемы задолженности.

В условиях роста зависимости от внешнего источника финансирования воспроизводственного процесса в странах-реципиентах капитала проблема ежегодного увеличения выплат в счет обслуживания долга и в том числе процентов на капитал приобретает особое значение.

Выплаты в счет обслуживания долга, составлявшие в 1955 г. 0,7 млрд.долл. в середине 80-х годов превысили 100 млрд. долл. т.е. за тридцать лет увеличились более чем в 140 раз.⁷ Для сравнения заметим, что сумма заемного капитала в 1950-55 гг. составила 16 млрд. долл., т.е. суммы, выплачиваемые в настоящее время развивающимися странами ежегодно кредитору капитала, в 6 раз превосходят размер заимствованных средств в начале 50-х годов и в

два раза превысили объем валютных средств, предоставленных кредиторами в 1985 г.⁹ Норма обслуживания долга (отношение суммы платежей в счет обслуживания долга к общей сумме поступлений от экспорта) за тридцатилетний период увеличилась с 2,9% до 26,5% (1982 г.), а для некоторых заемщиков этот показатель был еще выше,¹⁰ т.е. одну четвертую часть своей экспортной выручки страны-заемщики капитала вынуждены были тратить на выплату платежей в счет полученного в кредит капитала.

Небезынтересны данные о соотношении суммы долга стран-заемщиков капитала с размером ежегодно выплачиваемых кредиторам средств в счет долга. В 1970-80 гг. этот показатель колебался в пределах 14-17%.¹¹ При этом в общей сумме выплат все возрастающие суммы стали занимать процентные платежи. Если в 1974 г. они составляли, примерно, 35% общей суммы выплат, то в 1984 г. 54% (данные только по долгосрочному долгу).¹² В абсолютных цифрах процентные платежи в 1986 г. составили 62 млрд.долл. За десятилетний период суммарный отток валютных средств, выплачиваемых в счет обслуживания долга из стран реципиентов капитала составил 882 млрд.долл. Процентные платежи составили 476 млрд.долл. или более 50% выплат.¹³ Для сравнения отметим, что по линии официальной помощи развитию страны-кредиторы капитала выплатили заемщикам 242 млрд.долл. (1977-1984 гг.),¹⁴ т.е. сумма процентных платежей почти в два раза превысила сумму кредитов, которые эти государства получили в порядке помощи. Общая сумма средств, предоставленных всеми кредиторами по государственной и частной линиям, за указанный период составила 784 млрд.долл. Таким образом, выплаты в счет погашения процентов составили почти 50% общей суммы кредитных средств, поступивших в эти страны за десять лет.¹⁵

Подобная статистика достаточно красноречиво говорит о тяжести долгового бремени стран-заемщиков капитала. В настоящее время тех валютных средств, которые поступают в государства-реципиенты по линии официальной помощи развитию уже не хватает, чтобы оплатить проценты. Это положение вызвано прежде всего структурой заемных средств, в которой преобладающую роль стал играть в последние годы частный капитал стран-кредиторов.

Если до 60-х годов основной формой финансирования была официальная помощь развитию (ОДА),¹⁶ средства которой предоставляются на льготной основе, то в дальнейшем произошла дифференциация валютных кредитных средств, переводимых из стран-кредиторов, как по своей структуре, так и по кредитору. В структуре государственных кредитных средств, выделяемых по линии ОДА, снизилась доля

средств, предлагаемых в форме субсидий и даров (с 61% в 1965 г. до 45% в 1979 г.) и возросла роль кредитов, доля которых в конце 70-х годов составляла 55% общего объема выделенных средств, т.к.¹⁷ эта форма ссуд стала основной формой движения государственных ресурсов из стран-кредиторов. Подобная эволюция означала ужесточение условий получения этих средств. Кроме того в структуре кредитных средств также отмечаются негативные для страны получателя изменения. Средства, предоставляемые в заем на льготных условиях заменяются государственными коммерческими кредитами. Эти изменения связаны с подключением к каналам движения валютных средств международных финансово-кредитных организаций – МБФР, МВФ и др.,

Значительно возросли в последнее десятилетие абсолютные и относительные размеры средств, предоставляемых из частных источников. В 1984 г. их объем составил 46 млрд. долл. против 13,7 млрд. долл. в 1974 г.¹⁸

Изменение пропорций в сторону коммерческого кредита, доля которого в кредитовании развивающихся стран почти в два раза (1984 г.) превысила долю средств, выделенных по каналам помощи развитию, отразилось не только на темпах роста задолженности, которые значительно возросли, но и на ее структуре. Так, если в 1974 г. задолженность частным кредиторам составляла 31 млрд. долл., тогда как государственная задолженность – 104 млрд. долл., то в 1980 г. соответственно 252 и 160 млрд. долл., а в середине 80-х годов 465 и 245 млрд. долл., т.е. задолженность частным кредиторам почти в два раза превышала государственный долг, тогда как в начале 70-х годов пропорции были обратные.¹⁹ Возрастание коммерческих кредитов в структуре кредитных средств означает, что долг должен быть выплачен в значительно более короткий срок. Так, по данным МБФР, 70% частного долга, аккумулированного к концу 1977 г., должно было быть выплачено до 1982 г. против 25% по официальному долгу.²⁰ Увеличение доли частного кредита в структуре предоставленных средств сопровождалось другим структурным изменением: возрос объем краткосрочной (до 1 года) задолженности, которая в 1985 г. составила 121 млрд. долл. против 50 млрд. долл. в 1977 г.²¹ Увеличение краткосрочных кредитов осложняет проблему оплаты по ним, ибо в короткий срок необходимо покрыть валютную задолженность. Пролонгирование краткосрочных долгов обычно практикуемое в нормальных условиях, в период кризиса осложняется или вообще не практикуется.

Значительный рост долговых обязательств вызван также ухудшением условий предоставления кредитов (процентные ставки, сроч-

ность, льготный период) как по линии ОДА, так и по частным каналам. Так, если процентная ставка по государственным кредитам составляла 4,4%, то в 1980 г. уже 5,5%, а в 1983 г. достигла 7,7%. При повышении ставки происходило сокращение элемента субсидий в общей сумме этих кредитов и льготного периода.²² Условия частных кредитов были еще жестче, ибо определялись рыночным механизмом евrorынка. Процентная ставка по ним для стран-нефтеимпортеров в 1981 г. составляла 24%.²³

Стремительный рост процентных ставок на заемный капитал привел к тому, что платежи в счет процентов в структуре выплат значительно возросли, составив в 1986 г. 13% стоимости экспорта товаров и услуг стран-реципиентов. Хотя рост амортизационных платежей был меньше, тем не менее в экспорте товаров и услуг они составили 12,4% в 1986 г. Таким образом, показатель отношения платежей в счет выплат процентов по долгу к экспортным поступлениям стран-заемщиков за десятилетний период (1977-1986 гг.) вырос в 2 раза, тогда как показатель отношения амортизационных выплат к экспортным поступлениям за указанный период на одну треть. Стремительный рост первого показателя происходил на фоне постепенного роста второго.²⁴ В целом норма обслуживания долга увеличилась с 18% в 1978 г. до 26% в 1983 г.

При существующей структуре и условиях кредитов развивающимся странам-заемщикам капитала, чтобы оплатить заимствованные кредиты, придется и в будущем вновь обращаться к кредиторам за все увеличивающимися суммами заемных средств. Так, если в 1972 г. свыше 56% новых займов требовалось для погашения долговых обязательств, в 1981 г. этот показатель составил 75%. В 1983 г. начался чистый отток капитала из стран-дебиторов, т.е. вновь полученных кредитов уже не хватало для выплат по долгу. Реального притока валютных средств, несмотря на все увеличивающиеся суммы позаймствований по всем группам кредитов уже не происходило.

Для многих развивающихся стран-заемщиков капитала порочный круг финансовой зависимости по задолженности замкнулся. Этот фактор зависимости, являющийся, по сути, самым старым, традиционным, оказался в настоящее время, пожалуй, и самым сильным и действенным. Привязав страны-должники узами финансовой зависимости в форме задолженности по кредитам наряду с другими факторами, такими, как научно-техническая зависимость, потери вследствие существующей дискриминационной практики в сфере внешней торговли, из-за эмиграции высококвалифицированных специалистов из освобожденных стран, и пр. развитые капиталистические государства,

хотя и допускают развивающиеся страны в область партнерства по отдельным межгосударственным и частным экономическим операциям, тем не менее с помощью вышеуказанных факторов прочно удерживают их на прежних позициях зависимого развития, а по некоторым параметрам, прибегая, как показано выше, к традиционным способам эксплуатации, усиливают ее.

- I. К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Т. 25. ч. II, с. I44.
2. Там же, с. I44.
3. Там же, с. I49.
4. Там же, с. I49.
5. Там же, с. I44.
6. Там же, с. I50.
7. **"Coping with External Debt in the 1980's" The World Bank. Wash. 1985 p. ix**
8. Подсчитано по: **"Report 1985. Twenty five years of development cooperation" OECD. A review. Paris. 1985, p. 162-165.**
9. Подсчитано по: **"Report 1986. Development co-operation. A review. Paris 1987. p. 232.**
10. **Neue Zürcher Zeitung. Zürich, 1984, 09, 06, -11.**
11. Подсчитано по: **"Coping with External Debt in the 1980's" p. XI.**
12. Там же, с. XI.
13. **Мировая экономика и международные отношения, 1987, 5, с.149.**
14. Подсчитано по: **"Report 1985..." p. 162-165,**
15. Там же,
16. Подсчитано по: **"Report 1985..." p. 162-165.**
17. **Мировая экономика и международные отношения, 1987, II.**
18. Подсчитано по: **"Report 1985..." p. 331.**
19. Подсчитано по: **"Report 1986... p. 232.**
20. **Мировая экономика и международные отношения, 1982, 4, с.136.**
21. **Мировая экономика и международные отношения, 1987, 5, с.144.**
22. **"Coping with External Debt... p. 3, XIII-XIV.**
23. Там же.
24. **Мировая экономика и международные отношения, 1987, 5, с.151.**

ТАНСКИЙ ИМПЕРАТОР ТАЙ-ЦЗУН (627-649) ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРЯ И САНОВНИКОВ

Постоянное взаимодействие двух достаточно самостоятельных политических доктрин – теории императорской власти и конфуцианского этического учения, отражавших взаимоотношения правителя Поднебесной и бюрократии (точнее высших сановников, входивших в ближайшее окружение монарха) – определяло содержание официальной идеологии императорского Китая.¹ Выражая интересы монархии, первая из упомянутых доктрин главнейшее достоинство сановника усматривала в способности быть практически полезным правителю, вторая же, отстаивая позиции бюрократии, первостепенным талантом правителя считала умение привлекать к себе и использовать на соответствующих должностях талантливых и образованных людей.

С точки зрения конфуцианской историографии, правителем, обладавшим этим качеством в полной мере, был второй танский император Тай-цзун. Благодаря его выдающемуся умению по достоинству оценивать талантливых сановников его правление под девизом Чжэньгуань (Чжэньгуань чжи чжи) долгие годы почиталось в Китае как символ идеального управления страной.

Признание за императором Тай-цзуном "несомненной способности тщательно отбирать сановников и распределять [среди них] дела в соответствии с должностями"² не было безосновательным. Бурные события конца династии Суй (581-617) вовлекли в активную политическую борьбу множество образованных и способных людей. Лучшие из тех, кто попадал в поле зрения Тай-цзуна, привлекались в его штат. Большинство из них уже имело опыт административной службы (иногда на высоких и даже ключевых постах) у различных претендентов на императорский престол – политических соперников дома Тан.

Тай-цзун очень бережно относился к чиновникам, имевшим способности к административной деятельности, и с первых же дней своего пребывания у власти принял позу их почтительного ученика. Он неоднократно обращался к ним с просьбой давать ему советы о достойном правителе поведении и об управлении государством, выслушивал их "увещевания" и в течение почти десятилетия (приблизительно до 636-637 гг.) не допускал отклонений от принятой роли. Изложение бесед Тай-цзуна с его приближенными по разным вопросам управления и морали составило десять цзваней известного сочинения "Основы политики в период Чжэньгуань" ("Чжэньгуань

чжэньяо"), вызывавшего восхищенные отзывы минского Сянь-цзуна (I465-I487), цинского Цянь-луна (I736-I795), сёгуна Токугава Иэясу (I542-I616).

По сравнению с "Чжэньгуань чжэньяо", сочинение самого Тай-цзуна "Правила для императоров" ("Дифань"), отражавшее, в частности, взгляды автора на взаимоотношения государя и сановников, имело в Китае куда меньшую известность.

Невнимание традиционной китайской историографии к "Дифань" поначалу вызывает недоумение: сочинение, которое не отступало от дидактической, морально-назидательной цели традиционного исторического описания, которое было даровано прославленным императором своему сыну как наставление и из "первых рук" излагало главные политические принципы периода Чжэньгуань, по всей вероятности, вообще не было удостоено рецензий известных историков и облеченных властью людей.

Главная причина этого может усматриваться в том, что правление периода Чжэньгуань почиталось идеальным в соответствии с конфуцианскими этическими образцами, а в "Дифань" была представлена позиция монарха, отстаивающего "центростремительные тенденции доктрины императорской власти".³

Согласно "Чжэньгуань чжэньяо", главными авторами государственной политики при Тай-цзуне были его сановники, в "Дифань" же рассмотрению проблемы взаимоотношений императора с высшим чиновничеством предшествует рассмотрение вопросов о политических функциях самого императора и его родственников.

Выбранная последовательность перечисления в "Дифань" различных носителей власти – императора, его родственников и сановников – имела принципиальное значение, поскольку была связана с иерархичностью структуры пространства. Согласно традиционным космологическим представлениям, удаление от центра – вершины иерархии – означало одновременно и нисхождение по шкале сакральности, а, следовательно, упорядоченности и политической значимости.⁴ В "Правилах для императоров" вслед за главой о сущности правителя помещена глава о политической роли родственников царствующего дома, и только после этого – глава о роли сановников в делах управления.

По мнению Тай-цзуна, изложенному в "Дифань", главной опорой, "руками и ногами" императора, продолжением его личности должны стать члены его рода. Весь императорский клан (в определенной степени точка зрения Тай-цзуна была проявлением и кланового самосознания) должен быть носителем политической власти. С членами

своей семьи Тай-цзун считает необходимым делить и трон ("высшую ценность") и свои управленческие функции, поскольку "и в спокойствии, и в опасности бродственники обладают единой силой, и в процветании, и в упадке имеют одно сердце".⁵ О сановниках, которых традиция в равной с ним степени считает ответственными за достижение процветания периода Чжэньгуань, Тай-цзун говорит с точки зрения помощи (фу) правителю в государственных делах, рассматривая их в качестве своих персональных помощников.⁶

О том, как необходимы государю преданные и искусные помощники, повествует третья глава "Дифань", которая называется "Искать мудрецов" (цзю сянь). Показательно, что в названии главы, а также в ее тексте, в выражении "повсюду искать одаренных" употреблен глагол "цзю" (искать, добиваться), в то время как в "Шуцзине" сказано и "повсюду искать одаренных" (пан цзю цзюнь янь)⁷ и "отовсюду приглашать одаренных" (пан чжао цзюнь и).⁸ Выбранное в данном случае Тай-цзуном слово наиболее точно соответствует характеру его взаимоотношений со служилым сословием (ши), в самосознании которого к началу династии Тан произошли определенные изменения.

За период Лючао (229-589), когда на китайском престоле сменяло друг друга множество династий (причем некоторые из них - на севере - были некитайского происхождения), неоднократно поднимался вопрос о нарушении правителем Пути, об утрате Небесного мандата. При этом ши все более осознавали свою социальную значимость в качестве полноправных хранителей конфуцианской традиции. Противопоставляя себя неспособным правителям, они все чаще предпочитали различные формы отшельничества службе и политической деятельности.

В создавшихся условиях важной политической и идеологической задачей правителя стала переориентация служилого сословия и возвращение государственной службе ее прежнего престижа.

Главные принципы взаимоотношений правителя и служилого сословия Тай-цзун излагает в третьем цзюане своего сочинения, состоящем из трех глав: "Быть внимательным, назначая на должности", "Внимать увещаниям" и "Отстранять клеветников".

Вопрос о принципах умелой администрации политическая мысль Китая почти не разрабатывала, хотя констатировала важность "учреждения должностей" (шэ гуань) и "разделения обязанностей" (фэнь чжи). В связи с тем, что возможность управления недеянним конфуцианство ставило в зависимость от нравственного совершенства правителя, основной функцией сановников считалась помощь государю в достижении и поддержании им морального совершенства. При

назначении на должности важно было в первую очередь учитывать личные добродетели, а не способности кандидатов к административной деятельности. Мудрость, прямота, добропорядочность, искренность, лояльность правителю традиционно считались главными качествами образцового сановника.

Император Тай-цзун, безусловно, ценил в своих приближенных личные человеческие достоинства, однако же, когда он однажды решил указать им на их добродетели и недостатки, то касался в основном деловых качеств. Характеризуя, например, Чжансунь Уцзи, император отметил его умение быстро сообразовываться с обстановкой и принимать решения, у Гао Шилиня отметил проницательность, указав при этом, что из образованности, начитанности некоторых чиновников он не извлек никакой пользы.⁹

Изложение принципа распределения государем обязанностей – это наиболее известный и единственный переводившийся на европейский язык отрывок сочинения "Дифань".¹⁰ "В сущности, – писал Тай-цзун, – мудрый правитель использует людей, подобно тому, как искусный плотник разделявает дерево. Прямой [ствол] он использует для оглобли, изогнутый – для колеса, длинный – для коньковой балки, короткий – для стропила. Независимо от того, изогнутое [или] прямое, длинное [или] короткое – каждое [дерево] имеет то [качество], которое может быть использовано. Мудрый правитель использует людей подобным же образом. У умного [человека] он берет замыслы, у глупца – физическую силу, у храброго – грозность, у труса – осторожность. Независимо от того, мудрый [или] глупый, храбрый [или] трусливый – каждый используется [правителем]. Таким образом, [как для] искусного плотника нет непригодного материала, [так и для] мудрого правителя не [должно быть] отвергаемых чиновников".¹¹

Максимально используя деловые качества людей, правитель обязан также соотносить, как учили древние мудрецы, достоинства человека с важностью и ответственностью его поста. "... [правитель] – пишет Тай-цзун, – не сочтет возможным использовать для варки курицы треножник, вмещающий буйвола, а кошку, ловящую мышей, не сочтет возможным заставлять охотиться на [крупных] зверей".¹²

Умение правителя находить соответствующее применение способностям людей автор "Дифань" считал важнейшим принципом рациональной администрации: "Какой-то [правитель] собирает [к себе на службу] сотню человек и приобретает мало, а какой-то контролирует одного и получает много".¹³

Эффективная помощь сановников необходима государю, так как функции его всеобъемлющи и многообразны – он управляет подданными, сводит воедино триаду, контролирует течение времени, – а сердце имеет такой же величины, как и все.¹⁴ Огромная важность помощи правителю обуславливает необходимость внимательного контроля с его стороны за ее осуществлением. Тай-цзун указывает, что государь "должен иметь четкое представление об обязанностях чиновников, быть внимательным, давая должности мудрецам, отбирать талантливых и назначать им жалованье".¹⁵ Перечисленные задачи Тай-цзун всегда стремился выполнять лично. Он был очень деятельным правителем, и поэтому не случайно в "Дифань" рассмотрение вопроса о практическом использовании людей на службе предшествует главе "Внимать увещеваниям", где говорится об отношении правителя к совещательной деятельности его приближенных.

О том, что, стремясь к моральному идеалу, правитель обязан постоянно внимать увещеваниям сановников, говорилось еще в "Шу-цзине": "Дерево выпрямляют с помощью плотничьего шнура, а правитель становится мудрым, следуя советам подданных".¹⁶ Впоследствии вопрос об увещеваниях и ремонстрациях государю разрабатывали в своих учениях Конфуций, Мэн-цзы, Ханьфэй-цзы. При династиях Цинь и Хань увещевания (цзянь) стали существенным моментом государственной практики. Появились чиновники, чьей задачей было критиковать политику и личное поведение государя и давать ему советы об улучшении управления. В танский период такие чиновники назывались цзяньгуань (советники). Всего их насчитывалось тридцать два в Цензурате и Государственной канцелярии.¹⁷

Безусловно, критика правителя не считалась привилегией исключительно этих советников – специалистов по увещеваниям. Каждый чиновник, а уж тем более влиятельный и высокопоставленный сановник, теоретически имел право в любой момент указать правителю на его просчеты. Противопоставив пренебрежительному отношению суйских императоров к сановникам почтительность и демонстрируя стремление следовать их советам, император Тай-цзун содействовал необычайному оживлению политической жизни служилого сословия. Впоследствии это высоко было оценено конфуцианской историографией.

В связи с этим очень интересна пятая глава "Дифань" "Внимать увещеваниям", которая содержит разъяснение самого Тай-цзуна, почему правителю так необходимо выслушивать советы приближенных.

В вопросе о том, какую выгоду государству и практическую по-

мощь императору приносят эти советы, Тай-цзун довольно сдержан. Для него советники – это прежде всего посредники между государем и народом. "Известно, что правитель, занимая [чрезвычайно] высокое положение, должен все охватывать [своим] взором, но слышит и видит он [для этого] недостаточно, [Кроме того], [он] боится, что не заметит своих промахов, а недостатки [его] некому будет восполнить".¹⁸ Поэтому он должен, открыв сердце к восприятию истины, поощрять справедливые речи мудрых подданных. Признавая таким образом полезность советов и нравоучений, Тай-цзун не ставил в зависимость от них успехи государственной политики. Совецательная деятельность сановников была для него прежде всего неизбежным и довольно неудобным политическим явлением, с которым правитель обязан был считаться ради собственной безопасности. Если государь следует правительному Пути, подданные редко имеют устремления, отличные от его собственных, а поэтому их критику нет смысла ограничивать.

Тай-цзун не случайно отмечает настойчивость, с которой преданный подданный стремится "исчерпать свое сердце", а мудрый – "отдать все свои помыслы".¹⁹ Правитель, который не проявляет гибкости по отношению к ним и не обращает внимания на их упреки и советы, рискует попасть в весьма неудобное положение. Тай-цзун, пишет, что государь, изолирующий себя от подданных, не имеющий источников знания, "считает, что добродетелью [он] затмевает трех властителей, талантами превосходит трех императоров. В результате сам [он] погибает, а [его] государство разрушается. Разве это не достойно сострадания? Это есть зло, проистекающее от того, что [правитель] отклоняет добрые советы".²⁰

В следующей главе "Правил для императоров" – "Отстранять клеветников" – из всех негативных явлений, встречающихся в среде чиновничества, автор выделяет два. "Известно, что клеветники и льстецы – это враги государства", – пишет он.²¹

Стремление некоторых придворных опорочить честных людей и дезинформировать государя Тай-цзун связывал прежде всего с политическими расчетами и личными интересами: "Льстецы и клеветники ... и утром, и вечером борются за [собственную] славу и процветание; стремятся к могуществу при дворе и к выгоде в торговых сделках". Опираясь на своих единомышленников, они достигают высокого положения, стремятся сблизиться с государем и оказать на него влияние.²² От таких людей предостерегает Тай-цзун своего сына. Император, по его мнению, всегда должен полагаться на верных людей, сам оказывая им поддержку, и отстранять тех, кто в государ-

ственных делах руководствуется лишь собственными интересами.

В целом, определяя в "Дифань" основные принципы своих взаимоотношений с сановниками, император Тай-цзун исходил из положения, состоящего в том, что главным творцом конкретной государственной политики должен быть император. При жизни Тай-цзун много сил отдавал привлечению служилого сословия на государственную службу и демонстрации его ценности для правителя, что нашло отражение в сочинении "Чжэньгуань чжэньяо". В "Дифань" же автор, подчеркивая, что роль императора в государственных делах является определяющей, отводил сановникам функцию помощи.

- I. А.С.Мартынов. Государственное и этическое в императорском Китае (в печати), с. 2.
2. Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь (Всеобщее обозрение событий, управлению помогающее). Пекин, 1956, цз. 192, с. 6028.
3. А.С.Мартынов. Государственное и этическое... с. 17.
4. А.С.Мартынов. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции. - "Народы Азии и Африки", 1972, № 5, с. 74.
5. [Тай-цзун]. Дифань (Правила для императоров). Сер. Цуншу цзи-чен. Шанхай, 1936, цз. I, с. 4.
6. А.С.Мартынов. Государственное и этическое... с. 17.
7. Шуцзин (Книга документов). Сер. Сыбу цункань. Пекин, 1928, т. 4, цз. 5, с. 9а.
8. Там же, т. 5, цз. 14, с. 12а.
9. Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь, цз. 197, с. 6210; H.J.Wechsler. **The Confucian Impact on Early T'ang Decision-making.** - T'oung Pao, vol.66, Leiden, 1980, p. 6.
10. **The Cambridge History of China.** D.Twitchett and Fairbank, J.K. eds., vol. 3, Sui and T'ang China (589-906). Part 1, Cambridge, London, N.Y., Melbourne, 1979, p. 193; H.J.Wechsler. **Mirror to the Son of Heaven. Wei Cheng at the Court of T'ang T'ai-tsung.** New Haven and London, 1974, p. 84.
11. [Тай-цзун]. Дифань, цз. 2, с. 15-16.
12. Там же, цз. 2, с. 16-17.
13. Там же, цз. 2, с. 17.
14. Там же, цз. 2, с. 18.
15. Там же, цз. 2, с. 16.
16. Шуцзин, т. 5, цз. 12, с. 96.
17. Wechsler. **Mirror to the Son of Heaven...** p. 119-120.
18. [Тай-цзун], Дифань, цз. 2, с. 19.

19. Там же, цз. 2, с. 20.
20. Там же, цз. 2, с. 21.
21. Там же, цз. 2, с. 22.
22. Там же, цз. 2, с. 22-23.

М.А.Салахетдинова

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОКУМЕНТ, СОСТАВЛЕННЫЙ В СВЯЗИ С ПОХОДОМ
ШЕЙБАНИДА АБУЛЛА-ХАНА II НА ГЕРАТ В 1578 г.

Герат, расположенный в плодородной долине реки Герируд, на перекрестке дорог из Средней Азии и Индии в Иран, на протяжении многих веков был важным городом Хорасана. Он был известен как сильно укрепленная крепость. В XV в. город стал крупным культурно-экономическим центром. Ввиду того, что он имел большое стратегическое значение, он подвергался нападениям со стороны завоевателей.

В начале XVI в. произошла смена династий как в Средней Азии, так и в Иране. В Средней Азии власть у Тимуридов захватили Шейбаниды, потомки предводителя кочевых узбеков Абу-л-Хайр-хана. В Иране пришли к власти Сефевиды. Первый шах этой династии Исмаил I объявил шиизм государственной религией. Шейбаниды придерживались суннитского вероучения.

Между Шейбанидами и Сефевидами шла непрерывная борьба за овладение Хорасаном, в частности Гератом. Правители борющихся стран придавали этой борьбе религиозную форму.

Видный представитель Шейбанидской династии Абулла-хан II во второй половине XVI в. совершил три похода с целью завоевания Герата. Он также объяснил свои завоевательные устремления религиозными мотивами – борьбой против шиитов. Первые два похода хана закончились провалом.

В начале 995/1578 г. Абулла-хан начал свой третий поход на Герат. Он выступил из Несефского вилайета, где был объявлен сбор войска. Хафиз-и Таныш сообщает, что хан двинулся с огромной армией, однако численность ее, хотя бы приблизительно, он не указывает. По мере продвижения армии, она пополнилась войсками, прибывшими из Андижана, Шахрисабза, Дехнау, Балха и Кубадиана. Ша-раф-хан Бидлиси пишет, что, когда ханская армия переправилась через Амударью, она насчитывала 100 тысяч всадников.¹

После того, как армия расположилась в Чичакту, здесь сос-

тоялся высокий совет, на котором обсуждался вопрос о нападении на Герат. Мнения разделились. Одна группа лиц высказалась за то, чтобы отправить в Герат лишь отряд войск во главе с Абд ал-Му'мин-султаном, сыном Абдулла-хана. По мнению этой группы Абд ал-Му'мин-султан должен был предложить правителю Герата Али-Кули-хану сдать город. В случае несогласия его, султан совершил бы набег на окрестности этого города и вернулся бы в Чичакту, оттуда вся армия возвратилась бы назад в Бухару, а на будущий год возобновила бы поход.

Другая группа, возражая против этого мнения, заявила, что необходимо сразу же двинуться на Герат всей армией.

Абдулла-хан решил некоторое время оставаться в Чичакту и ждать, как поведет себя Али-Кули-хан, который раньше через послов заявлял о своей приверженности Абдулла-хану и готовности сдать ему город. Как только выяснилось, что Али-Кули-хан не собирается выполнить свое обещание, а приступил к организации обороны крепости и готовится к битве с ханскими войсками, Абдулла-хан счел необходимым двинуть армию на Герат. Повидимому, именно после этого Абдулла-хан, желая придать своему походу законное основание, послал в Бухару указ, обращенный к имамам и улемам города, с просьбой дать фетву (юридическое заключение) о том, что Герат является "областью войны" (дәр ал-харб).

Дәр ал-харб - юридический термин, противопоставляется термину "дәр ал-ислам" (область ислама). Определение этих терминов дается в приводимой ниже фетве.

Верховный казий Бухары Нур ад-дин Мухаммад собрал у себя в доме представителей высшего духовенства: имамов, улемов (богословов), правоведов (асхаб-и фатави), преподавателей медресе (асхаб-и дарс), и познакомил их с ханским указом. На этом же собрании Маулана Мухаммад Амин составил ответ хану, содержащий фетву. Фетва написана на персидском языке и включает также высказывания авторитетнейших представителей ханифитской школы мусульманского законоведения: самого Абу Ханифы, основателя этой школы, и двух его знаменитых учеников Абу Йусуфа и Мухаммада аш-Шейбани, высказывания которых приводятся по-арабски. Текст фетвы помещен в "Шараф-нама-йи шахи" Хафиз-и Таныша. Ниже приводится наш перевод этого текста: "В соответствии с просьбой величайшего [хана] по указанному вопросу сообщается только то, что сказали, улемы ислама, да будет доволен Аллах всеми ими! Собище грешных неверных, известных как племя кызылбашей, в течение семидесяти лет, даже больше, господствует в одном из мусульманских городов. Они окон-

чательно перестали уважать веру суннитов и /их/ общину. Будучи приверженными учению шиитов до такой степени, что даже казий, мухтасиб и правитель их - шииты, они бранят и поносят их святейшества двух Шейхов,² а также верную /супругу Мухаммада/ Айшу, да будет доволен Аллах всеми ими! Жители данного города, которые родились во время /господства/ этих неверных, выражают согласие с их действиями, а также солидаризируются с ними /в вопросе о дозволенности/ временного брака, из которых ни то, ни другое не совместно /с мусульманской верой/ и ни один мусульманин, ни один зимми, который должен жить в этом городе ислама, /не уверен/ в безопасности для себя, даже не спокоен за свою жизнь. Согласно шариату долг его величества, халифа /всего/ мира, обладателя счастливого сочетания светил, падишаха ислама, тени величайшего Аллаха /Абдулла-хана/, да увеличит Аллах царствование и власть его, воевать против этого сборища грешников и неверных, а также против другой толпы, которая выражает согласие с ними в указанных действиях /их/.

Поскольку этот город (т.е. Герат) граничит со страной неверных, то город этот согласно мнению его святейшества имама А'зама,³ имама Абу Йусуфа⁴ и имама Мухаммада,⁵ да помилует их Аллах, является областью войны. Если его величеству станет известно, что в этом городе имеется хоть один мусульманин и он не согласен с упомянутыми действиями того сборища /кызылбашей/, то согласно закону шариата будут сохранены ему жизнь и имущество и не будет допущено притеснение по отношению к нему. Если кто-нибудь из мусульманского войска убьет это сборище, он станет борцом за веру. Убитый из этих поганных неверных будет осквернен и заслужит "вечное пребывание в огне".⁶ Если кто-нибудь из мусульманского войска будет убит /этими неверными/, он станет мучеником, убитым за веру, и удостоится вечного рая.

Говорит имам А'зам, да помилует его Аллах, : "Область ислама становится областью войны только после вынесения решения о /господстве/ неверия в ней, если она граничит с областью войны так, что между /ней/ и областью войны нет другого города, принадлежащего мусульманам, если мусульмане и зимми не пребывают спокойно, в безопасности как прежде. Если нет этих трех условий, то вне всякого сомнения /область ислама/ не становится областью войны. Область ислама становится областью войны /при том условии, что/ она имеет общую границу с областью войны и нет между ними ни одного мусульманского города и если в ней не пребывает в безопасности мусульманин или зимми, и если выносится решение из-

вестным способом о /господстве/ неверия в ней".

По мнению Абу Йусуфа и Мухаммада, да помилует их Аллах, область ислама становится областью войны после вынесения решения о /господстве/ неверия [в ней], так же как область войны становится областью ислама по вынесении решения о /господстве/ ислама [в ней]. Это определение достаточно, по существу и всеобъемлюще.

Кто в стране неверных примет ислам, тот обезопасит себя, своих детей и свое имущество или [сможет] вручить его (т.е. имущество) мусульманину или зимми, как вещь, отданную на хранение. На основании того, что было написано имамом А'замом и двумя другими имамами (Абу Йусуфом и Мухаммадом), нет никакого сомнения [в том, что] вилайеты Хорасана являются областью войны. "Шарх-и Вакайа ва Хидайа".⁷

Все, что было изложено на этой странице, изложено в точности так, [как сказал] лучший из благочестивых, глава исполняющих должность муфтия Мулана Мухаммад Амин".

Текст, составленный Мухаммад Амином, приобрел характер закона после того как его скрепили своей печатью лица, наиболее компетентные в вопросах законоведения. Хафиз-и Таныш приводит перечень их с указанием титулов и должностей: его святейшество Ходжа Хурд Азизан,⁸ его святейшество мулла Мир Каса Кирами, ахунд мулла Пайанде Мианкали, его святейшество мулла Мир-мулла Насир, его светлость Мухаммад ал-Хусайни, его святейшество мулла Мухаммад Али муфти, его святейшество Ходжа Мухаммад Тахир, его святейшество мулла Нур ад-дин муфти.

С появлением этого закона война за Герат стала джихадом, т.е. войной за веру. Таким образом, все бедствия, которые испытывали жители Герата и его пригородов в результате девяти месяцев осады города войсками хана, были санкционированы этим указом.

Этому документу Абдулла-хан придавал большое значение и приказал Хафиз-и Танышу копию документа включить в "Шараф-намайи шахи"⁹ после рассказа о завоевании Герата.

-
1. Шараф-хан ибн Шамс ад-дин Бидлиси. Шараф-наме. Перевод, предисловие, примечания и приложения Е.И.Васильевой. Т.2. М., 1976, с. 225.
 2. Под двумя шейхами здесь имеются в виду два первых халифа: Абу Бакр и Омар.
 3. Имам А'зам - (Величайший имам), почетное прозвание Абу Ханифы, Ну'мана ибн Сабита (ум. 150/767 г.), основателя ханифитской школы мусульманского законоведения.

4. Абу Йусуф Йа'куб ибн Хабиб ал-Куфи ал-Ансари (731-795), известный ученик Абу Ханифы, долгое время до самой смерти служил казием Багдада, автор ряда работ по мусульманскому законоведению.
5. Мухаммад или Мухаммад аш-Шейбани – так называли Абу Абд ал-лаха ибн Хусайна аш-Шейбани (132/749-50 – 179/795-96) второго известного ученика Абу Ханифы.
6. Ср. Коран IX, 64.
7. Комментарий к двум сочинениям по мусульманскому законоведению ханифитской школы: 1) "ал-Хидайя" (Руководство), написанное Бурхан ад-дином Али ибн Абу Бакр ал-Маргинани ар-Риштани (ум. 593/1197 г.); 2) "ал-Вакайя" (Охрана), автором которого является Убайдулла ибн Мас'уд ал-Махбуби (был жив в 700/1300 г.).
8. Ходжа Хурд Азизан – сын известного среднеазиатского шейха ордена Ходжаган Касим-шейха Азизан, скончавшегося в 986/1578 г. См. о нем рук. ИВ АН СССР Д 88, л. 235аб.
9. Документ занимает л. 493аб рук. ЛО ИВ АН СССР Д 88.

В.С.Спирин

"СЛАВА" И "ПОЗОР" В § 28 "ДАО ДЭ ЦЗИНА"

Автором "Дао дэ цзина" возможно является сcribe или историограф (ши), служивший при хранилище письменных памятников, принадлежащих двору династии Чжоу. Если это так, то от произведения следует ожидать изложения профессиональных знаний самого высокого для своего времени уровня теоретичности. Пример контекстуального значения "славы" и "позора" оправдывает такое ожидание. В § 28 "Дао дэ цзина" мы имеем не обыденное житейское рассуждение по поводу этих явлений, а фрагмент цельного мировоззрения с набором специальной терминологии. Проблема рассматривается несомненно на понятийном уровне. Ключ к пониманию этого обстоятельства таится в структуре текста, воспроизведенной в нашей схеме (см. схему текста).

Схема текста

"Дао дэ цзин" § 28 /I, 72/

§ А

а) 天之道	ж) 知其白	н) 知其榮
б) 守其雌	з) 守其黑	о) 守其辱
в) 为天下	и) 为天下式	п) 为天下谷

§ Б

г) 为天下	[к) 为天下式]	р) 为天下谷
д) 常德不離	л) 常德不忒	с) 常德乃足
е) 復歸於嬰兒	м) 復歸於無極	т) 復歸於朴

В

у) 朴散为器	ф) 聖人用为官長	х) 是以大制无言

§ 44 /I, II6/

(Текст написан справа налево с перестановкой элемента а)

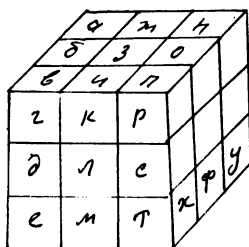
а) 名與身孰親	в) 得與亡孰病	б) 身與貨孰多
з) 功遂身退天之道也	д) 為賊也厚亡	г) 是故甚愛必大費
и) 可以長久	ж) 知止不殆	е) 故知足不辱

Отрывки из разных параграфов

§ 10. 天門開闔	§ 22. 聖人抱一	§ 13. 辱为下
能為此修	为天下式	§ 41. 大白若辱
		§ 39. 行得一以盈

Синтаксис § 28 такой, что текст разбивается на части А, Б и В. Отрывки А и Б это девятичленные "каноны". Их можно представить надписями на двух разных гранях куба. Удвоение фраз "в", "и", "п" здесь отнюдь не случайно. Отрывок В – запись на третьей грани. Весь параграф с формальной стороны можно представить с помощью чертежа. (см. чертеж I).

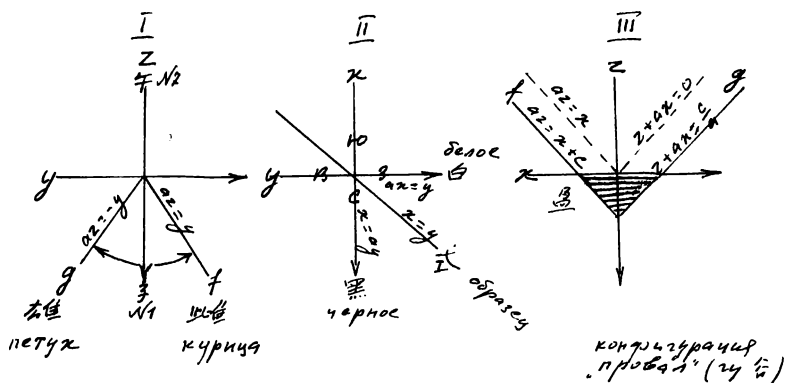
Чертеж I

Переходя к семантике, используем отрывок из "Хуайнань цзы", объясняющий, что имеется в виду под "курицей" (цы) и "петухом" (сюн): "Дух-шэнь северного ковша бывает курицей и петухом. В начале [то есть] в одиннадцатом месяце [он] водружается в [районе, обозначенном] первым знаком (двенадцатиричного цикла). [Каждый] месяц проходит один этап (обозначенный одним знаком двенадцатиричного цикла). Петух движется в перекрестке влево, курица движется в перекрестке вправо. В пятом месяце соединяются в [районе, обозначенном] седьмым знаком (двенадцатиричного цикла). Замышляется наказание. В одиннадцатом месяце соединяются в [районе], обозначенном первым знаком двенадцатиричного цикла. Замышляется Добро (дэ) ... Свод и повозка (то есть небо и земля) медленно движутся в перекрестке. Петух по звуку знает курицу". /2, 51/.

Процитированный отрывок нельзя считать описанием непосредственно видимого движения созвездия Большой Медведицы ("Северного ковша") в годичном цикле, хотя несомненно, он подразумевает такое движение. Странный факт движения "Духа-шэня" одновременно и вправо и влево и тем создающего образы "курицы" и "петуха", объясняется следующим. Представляется модель с абстрактным пространством. На эту модель можно смотреть с разных позиций. В ней кружится "Дух-шэнь", отображающий реальное движение. При взгляде на модель с одной стороны движение идет вправо, а при взгляде с противоположной стороны это же движение представляется направленным влево. Затем оба движения изображаются на круге с азимутами, обозначенными знаками двенадцатиричного цикла. Наглядно это видно в первой части чертежа 2 (см. чертеж 2).

Чертеж 2

"Курица" и "петух" представляются двумя радиальными направлениями, симметричными относительно вертикальной оси (в данном случае оси **z**). Благодаря симметричности, знание одного дает точное сведение о другом. В § 10 "Дао дэ цзина" представление о "курице" связывается с поворотом. Это совпадает с описанием "Хуайнань цзы". Поэтому мы можем использовать сведения последнего для раскрытия общего смысла элементов "а-б-в". Параллельный § 44 привлекается нами, в частности, для того, чтобы определить, что плоскость рассмотрения первого столбца есть плоскость **zy**.

Случаи, когда каждый столбец схематизируемого текста посвящен определенной плоскости, встречаются довольно часто. Второй столбец части А нашего текста посвящен плоскости, в которой нет вертикали **z** (что соответствует отсутствию ⚡ в § 44). "Белое" это направление на запад (**y**), "черное" это направление на север (**x**). Вместе они определяют горизонтальную (земную) плоскость **xy**. Здесь считаются симметричными оси **x** и **y**. Они симметричны относительно диагонали, выражающей отношение $I_x = I_y$. Это отношение называется в тексте "образцом" (ㄣ). В § 22 отмечается, что свойством такого "образца" является "захват единицы", то есть наличие коэффициента равного единице (а не дроби).

Поскольку два первых столбца части А описывали плоскости **zy** и **xy**, естественно ожидать от третьего столбца описания плоскости **zx**. В физическом мире это плоскость вертикали (**z**) и линии север-юг (**x**). Наиболее характерными линиями в этой плоскости являются находящиеся под прямым углом две линии: линия — проекция оси мира (**g**) и линия — проекция плоскости круговращения какого-либо светила (**f**) (см. третью часть чертежа 2). Судя по параллелизму текста, эти линии тоже рассматриваются как симметричные или по крайней мере как зависящие друг от друга.

Понять эту зависимость нам поможет рассмотрение третьего столбца как итога двух предыдущих (что является обычным в структурированных текстах). Такое суммирование содержания можно выразить в виде следующей таблицы, описывающей в алгебраической форме то же самое, что зафиксировано на чертеже 2 (см. таблицу).

Таблица

Столбец I	Столбец II	Столбец III
1. ㄣ $az = by$ (а)	1. $ax = by$ (ж)	1. $az = bx$ (н)
2. ㄣ $az = -by$ (б)	2. $bx = ay$ (з)	2. $bz = -ax$ (о)
3. ㄣ ось z (в)	3. линия x=y (и)	3. конфигурация "про- вала" (гу) (п)

И. Происходит смена знака при одном коэффициенте	II. Происходит как бы обмен коэффициентами при переменных	Происходит одновременно I и II
---	--	---------------------------------------

Толкование третьего столбца в дополнение к отмеченному выше основывается на том, что в § 39 "Дао дэ цзина" конфигурация "провал" (гу) связывается с понятием "излишек" (ин). В древнекитайской математике выражением "с излишком" или "излишек" обозначались выражения типа $az = x + c$, в которых собственно "излишком" является постоянная "с". Такое положительное "с" противопоставляется отрицательному "с", называемому "недостатком" (бу цзу). Отрицание "недостатка" в виде "достатка" (цзу) совсем не случайно фигурирует в третьем столбце нашей схемы. Выражения типа $az = x + c$, представленные графически, дают линию, которая будет проходить ниже нулевой отметки на вертикали (z). Отсюда и название соответствующей конфигурации как "провал" (гу). На чертеже 2 в третьей части линия "излишка" представлена линией f . Если эту линию понимать как проекцию суточной орбиты солнца, то эта линия будет менять свое положение, то поднимаясь, то опускаясь на протяжении года. "Излишек" будет меняться. При этом во время равноденствий линия будет проходить через центр координат. В это время $c = 0$ и ситуация может быть названа "достатком" (цзу).

При привлечении материалов из § 13 и § 41 "Дао дэ цзина" можно довольно уверенно утверждать, что линия "g" в третьей части нашего чертежа это линия "позора" и, следовательно, линия f это линия "славы". Приведенные выше соображения относительно семантики части А подтверждаются семантикой части Б. Смене плоскостей написания текста в пределах одного столбца соответствует смена объекта описания. Если в части А описывались разные плоскости, то в части Б объектом описания являются оси, взгляд вдоль которых и дает развернутую перед взором плоскость. В элементах "а-б-в" описывалась плоскость xy . В элементах "г-д-е" — ось x . Это ось "видения" мудреца-наблюдателя. В этом плане она единственная может быть названа "(внутренней) направленностью" (德). Другие оси противостоят ей как внешние "данности", "обретаемое" (得). Ось z , взгляд вдоль которой дает разворот плоскости xy , описываемой в элементах "ж-з-и" может быть названа вертикальным "ребром" (цзи). В таком случае выражении "отсутствие ребра" или "ребро-отсутствие" (у цзи), означает $z = 0$. Это состояние плоскости в момент равноденствий. К нему мир постоянно "возвращается" (элемент "М") Кроме того, мир постоянно возвращается и к тако-

му состоянию, когда вращающиеся светила имеют параметр $u = 0$ (находятся точно в плоскости zx). Это отмечено в элементе "т". Ось у это ось, на концах которой находятся "дерево" и "металл", то есть материалы, из которых делались инструменты, приборы, сосуды (цы). Элементы "у-ф-х" могут рассматриваться как относящиеся к элементу "т" (см. чертеж I).

Отметим некоторые из возможных выводов. "Слава" и "позор" это явления однородные с природными явлениями. И в то же время они относительны. Смена позиции наблюдателя (не с запада, а с востока, или наоборот), изменяющая направление правое-левое, ведет к замене "славы" на "позор" и обратно. Вообще представления о направленности природных осей могут быть разные. В зависимости от этого могут быть разными и представления о "славе" и "позоре". В какой-то мере видимо этим объясняется критика их в "Чжуан цзы". В этом произведении "слава" и "позор" рассматриваются как искусственные нормы, действующие за счет ущерба приносимого "телу" человека /см. 3.172/. В то же время следует учитывать, что в древнем Китае наблюдалось стремление найти некоторую абсолютную систему природных координат, в которой бы "слава" и "позор" обрели полную определенность как моменты некоторого не зависящего от человека круговращения. В "Си цы чжуани" говорится: "раскрытие механизма круговращения есть главное определяющее славы и позора" (枢机之發 榮辱之主也) /4, 376/.

Литература

1. Чжу Цяньчжи. Лао-цзы цзяо ши. Пекин, 1958.
2. Хуайнань цзы. - Чжу цзы цзичэн. Пекин, 1956, Т. 7.
3. Чжуан цзы цзи цзе. - Чжу цзы цзичэн. Пекин, 1956, Т. 3.
4. Чжоу и чжэнь и. - Шисаньцзин чжушу. Ч. I.

Е.Т.Тюнь

КИТАЙСКО-ЧЖУРЧЖЭНЬСКИЕ ДОГОВОРЫ XII-XIII ВЕКОВ

Начиная с XI в. на границах сунского Китая происходили столь существенные перемены, что не учитывать их в своей внешней политике Китай уже не мог. Вокруг Китайской империи выросли молодые сильные государства - Ляо, Си Ся, империя Цзинь. Если до этого периода смысл и цель внешних сношений для Китая сводились к тому чтобы изменить окружающий мир, а сами отношения рассматривались как процесс преобразования "периферии", то уже к XI в. диктовать

соседним государствам свою волю, как раньше, Китай был не в силах. Молодые сильные державы добивались, чтобы Китайская империя признала их равными себе по статусу. В результате давно утвердившиеся формы взаимоотношений деформировались и разрушались, между государствами возникали конфликты, и договоры, заключенные между сторонами в этих условиях, служили уже не просто восстановлению связей, но являлись средством "признания своего партнера таким, какой он есть" /6, с. 42/. Таковы договоры I005 и I006 гг., I042 и I044 гг., заключенные Китаем с киданями и тангутами. Эту же цель преследовали и китайско-чжурчжэньские договоры. За период существования империи Цзинь (1115-1264 гг.) с сунским Китаем было заключено 5 мирных договоров, все они в разной степени, но отражали превосходство чжурчжэней, при этом 3 из них более существенны по своим результатам. На них и остановимся.

В начале XII в. государство Цзинь набирало силу. Внутри страны шел процесс формирования народности. Объединение племен послужило началом создания мощного общеплеменного союза. Основу государства составляли военизированные сельские общины. Первоначальное равенство всех членов общин, единые цели и наличие большой дееспособной армии (благодаря военизированному характеру общин) способствовали тому, что государство Цзинь выросло в значительную силу, которая могла активно воздействовать на решение международных проблем в данном регионе и расширять свои границы за счет территориальных захватов /4, с. 380/. Этим были обусловлены последовательные военные походы сначала против государства Ляо, а затем и против Китая. Результатом победы над киданями стал мирный договор 1123 г., он был заключен между союзниками в той кампании – сунским Китаем и чжурчжэнями. Это был еще договор равных сторон он выдержан в духе Шаньюаня (I005 г.) – так же, как и в I005 г., Китай формально не терял своего престижа, но ему приходилось за этот престиж платить. Договор предусматривал возвращение Китаю части его территорий (утраченных еще в 936 г.),^х а за это в виде компенсации китайцы должны были ежегодно выплачивать Цзинь I млн. связок монет /10, с. 246/.

Для Китая всегда было важно "сохранить лицо", поэтому он

^х В 936 г. генерал-губернатор государства Поздняя Тан Ши Цзинтан обратился к киданям за помощью и при участии киданьской армии провозгласил себя императором царства Поздняя Цзинь. За это он вынужден был признать себя "сыном" киданьского императора и отдать киданям 16 пограничных округов.

откупался от более сильных соседей, именуя эти выплаты "помощью", "компенсацией", "вознаграждением" и т.д. Так в переписке, предшествовавшей заключению китайско-киданьского договора 1005 г. в Шаньюане, есть следующие слова императора: "... я готов ежегодно помогать киданям деньгами и шелком, чтобы покрыть их недостачу (в доходах), причем в этом случае и престижу двора не будет нанесено ущерба. Об этом не обязательно писать в клятвенном договоре, следует только ... пересказать это императору киданей на словах" /I, цз. 7, с. 60/.

Однако даже материальные потери Китая в кампании 1123 г. были незначительны в сравнении с тем, что в ходе военных действий выяснилась его слабость и неспособность собственными силами отвоюевать свои территории. Земли шести округов были захвачены у киданей и переданы Китаю чжурчжэнями. Разумеется, это не могло не сказаться на отношениях между Сун и Цзинь: это породило пренебрежение к Китаю со стороны чжурчжэней и стремление закрепить свои военные успехи на этот раз за счет Китайской империи. Уже в 1124 г. чжурчжэни нарушили договор и начали захват китайской территории. Сунский император запросил мира, и в 1127 г. был заключен мирный договор. Условия договора были тяжелыми и унижительными для китайской стороны. Китай признал себя побежденным и вассалом (чэнь) империи Цзинь. К государству Цзинь перешли территории округов Хэбэй и Хэдун, ежегодные выплаты Китая составили 10 млн. кусков шелка, 1 млн. ляннов золота и 10 млн. ляннов серебра. Сунские императоры (отец и сын) были доставлены ко двору Цзинь в качестве заложников (цит. по: 5, с. 51), что еще раз должно было подтвердить вассальную зависимость Китая, так как в самом Китае издавна было принято, чтобы правители вассальных государств присылали к китайскому двору в качестве заложников своих близких родственников.

Однако заключение договора 1127 г. не привело к прекращению военных действий между сторонами. Этот договор лишь отразил состояние дел в тот период и подготовил появление следующего, еще более значительного по своим результатам договора. Он был заключен в 1141 г. Военные действия между Сун и Цзинь надолго прекратились. Договор закрепил полную победу государства Цзинь над Китаем. Это был первый для Китая случай "потери лица" - сунский Китай признал себя вассалом. В тексте договора это отразилось следующим образом: империя Цзинь именовалась китайской стороной как "Ваше великое государство", а китайский император называл себя "чэнь" (вассал). То, что раньше в договорах называлось

"ежегодными выплатами", теперь определялось термином "дань" (гун). Размер дани устанавливался в 250 тыс. лян серебра и 250 тыс. кусков шелка.^х Граница между государствами проходила по реке Хуай, т.е. к империи Цзинь отходила вся северная часть Китая. Кроме того, в договоре определялась линия прохождения границы, рассматривался режим границы и вопрос о возвращении беженцев /3, цз. 77, с. 496/.

Этот договор заслуживает более подробного рассмотрения, т.к. он отразил уже достаточно высокий уровень дипломатии того времени. Это проявилось в большей конкретизации основных моментов и в большей точности формулировок по сравнению с ранее известными. В подтверждение сказанного сравним формулировки нескольких договоров. По вопросу о границе в Лхасском договоре 821-822 гг. говорилось следующее: "Обе стороны, Тибет и Китай, охраняют границу и земли в пределах, установленных ранее. Все, что к востоку от этой границы - земли Великого Китая, а все, что к западу, принадлежит Великому Тибету ..." /9, с. 57/. В договоре 1141 г. уже есть конкретность: линия границы устанавливалась по реке Хуай, указывалось название приграничной территории (округ Тэн) и определялась военизированная зона в 40 ли вдоль границы, кроме того, впервые к тексту договора прилагались карты с изображением границы /8, с. 79/.

О торговле в тексте танско-уйгурского договора 783 г. говорилось следующим образом: "... если не будет препятствия к согласию" /2, цз. 217, с. 1169/. В китайско-тангутском договоре 1006 г. тангутам обещали разрешить торговлю солью на территории Китая, при этом ни место, ни количество в тексте не оговаривались. Согласно договору 1141 г. для торговли уже устанавливались

^х В договорах 1127 и 1141 гг. по сравнению с предыдущими увеличена сумма ежегодных выплат Китая серебром. Объяснение этому можно найти у японского историка Сигэси Като ("Изучение китайской экономической истории"). Он пишет, что в этот период, и особенно после 1141 г., торговля между этими двумя государствами заметно оживилась и осуществлялась с явным преимуществом Китайской империи. Китайская сторона экспортировала больше товаров, поэтому "серебро текло в Сун в виде доходов от торговли". Следовательно, увеличивая контрибуцию, чжурчжэни пытались лишь восстановить некоторое финансовое равновесие, а может быть, и подорвать экономические основы Китая /7, с. 248/.

определенные пограничные пункты как с одной, так и с другой стороны. На это указывает и Сигэси Като, он отмечает, что в тот период в зависимости от количества товара все торговцы подразделялись на мелких и крупных, и крупным разрешалось торговать только в специально отведенных для торговли пограничных пунктах /7, с. 252/.

Таким образом, договор II4I г. уже вполне обладал в отличие от предыдущих качествами договора в современном понимании этого слова - он зафиксировал наиболее важные моменты, которые определяли отношения сторон.

Помимо имеющих различия, всем рассматриваемым договорам присуще и нечто общее - а именно, наличие определенных формул в их структуре. Так, все они начинаются с формулы обращения к императору, из которой становится ясно, какие отношения зависимости устанавливаются между сторонами: либо это отношения равных сторон (как в договоре II23 г. - "Великий император государства Цзинь обращается к Великому императору государства Сун"), либо отношения, подобные тем, которые складываются в семье - отношения старшего и младшего братьев (договоры с киданями I005 и I042 гг.), свекора и зятя (договор с тюрками в период династии Суй - 584 г.), либо отношения сюзерена и вассала (танско-уйгурский договор 783 г., китайско-тангутские договоры I006 и I044 гг., китайско-чжурчжэньский договор II4I г.).

Еще одним общим моментом является наличие в договоре клятвы, она всегда одинакова: стороны призывают в свидетели духов Неба и Земли и души усопших предков и клянутся соблюдать условия договора; в случае его нарушения виновную сторону должно покарать Всемогущее Небо.

Литература

1. Е. Лунли, Ци дань го чжи (История государства киданей), Б.м., б.г.
2. Синь Тан шу (Новая история династии Тан). /Б.м., б.г./.
3. Цзинь ши (История государства Цзинь) - Сыбу бэйяо (Полная подборка важнейшей литературы по четырем разделам). Шанхай, /б. г./, т. 33.
4. Чжун го тун ши (Полная история Китая). Т. 6. Пекин, 1979.
5. М.В.Воробьев. Чжурчжэни и государство Цзинь, М., 1975.
6. С.Н.Гончаров. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (II27-II42). М., 1986.
7. А.С.Мартынов. Статус Тибета в ХUI-XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978.

8. Сигэси Като, Сина кэйдзайси котё (Изучение китайской экономической истории). Токио, 1953.
9. H. Frankē . *Treaties between Sung and Chin. - Sung Studies. Ser. I, Paris, Mouton and Co, 1970.*
10. Li Fanggui, *The inscription of the Sino-Tibetan treaty of 821-822. - Tong Pao, 1956, XLIV.*

И.Ф.Фихман

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРИПИСНЫХ КОЛОНАХ

Колонат и в особенности приписной колонат в последние годы вновь привлекли к себе внимание исследователей. Наряду с публикациями новых текстов,¹ работами обобщающего характера, посвященными проблеме в целом,² появились и полемические, отрицающие само существование колоната как формы личной зависимости.³ Не вдаваясь здесь в рассмотрение последнего подхода к проблеме, который представляется неприемлемым и недоказанным,⁴ в данном сообщении предполагаем остановиться только на новых публикациях папирусов, позволяющих пополнить и уточнить ранее известные данные.

Приписные колоны (адскрипции - энапографы) упоминаются в разных типах документов. Наиболее содержательным, и поэтому ценным, типом документа являются поручительства за колонов, которые некоторые исследователи даже считали, без достаточных оснований, "контрактами об адскрипцииате", т.е. договорами, посредством которых земледелец объявлял себя приписным колоном и принимал на себя наследственное приращение к имени, со всеми вытекающими отсюда последствиями для его собственного и потомков личного статуса.⁵ О самом давнем поручительстве нам уже пришлось говорить на страницах данного сборника.⁶ Теперь предполагаем ознакомить читателей с двумя недавно изданными поручительствами, представляющими не меньший научный интерес.

P. Mich., Inv. 474 (Окс. ном, 54I г.)⁷ - поручительство, выданное энапографом Аврилием Пиуфием из эпикиа Аммониа́на Ираклеупольского нома двум землевладельцам-братьям, Флавиям Филодему и Иоанну, схоластикам ведомства презида Аркадии, за энапографа Аврелия Виктора, родного брата Аврелия Пиуфия, родом из того же эпикиа, в том, что последний будет пребывать в данном эпикии, выполняя по отношению к господам все обязанности, вытекающие из его личного статуса, в частности натуральные (*ekphoria*) и де-

нежные (*argyrika*) повинности. Документ лакунарен, не сохранился полностью. Второй папирус — *P.Princ., Inv. A.M. II244* (Окс., 635 г.)⁸ содержит поручительство, выданное энапографом Аврилием Камитисом из неизвестного (имя не сохранилось) эпикия Оксиринхского нома церкви святых [..] и Сарапия, через Иоанна, пресвитера и иконома, за Аврилия Эноха, энапографа из того же эпикия в том, что он будет пребывать в эпикии (и, очевидно, выполнять все полагающиеся работы), в случае же если поручаемый нарушит обязательство, поручитель берет на себя уплату двадцати [4?] номизм. И данный текст лакунарен, не сохранился полностью.

Что же нового сообщают указанные выше тексты?

1. Они расширяют не только хронологический спектр практики поручительств за приписных колонов, но и самих текстов, упоминающих энапографов. До публикации *P.Princ. Inv. AM II244* последние поручительства датировались 613 г. (*P.Oxy., XVI, 1979* и *PSI, I, 62*). Теперь такой датой становится 635 г., являющийся одновременно и последним годом упоминания энапографа. *P.Mich., Inv. 474* в свою очередь становится вторым по древности поручительством за приписного колона (после *P.Wash. Univ., I, 25* — 530 г.).

2. До публикации *P.Mich., Inv. 474* все тексты, упоминающие приписных колонов, происходили из Оксиринхского нома и относились к энапографам, проживающим в этом номе. Обнаружив эту неожиданную особенность нашей документации, мы в свое время высказали убеждение, что это не следовало бы понимать, как доказательство того, что в Египте энапографы имелись только в Оксиринхском номе, а скорее всего отсутствие упоминаний приписных колонов в документации неоксиринхского происхождения следовало бы объяснить локальными особенностями оформления документов.⁹ *P.Mich., Inv. 474* подтверждает документально это предположение, так как в нем упоминаются два энапографа из эпикия Ираклеупольского нома.

3. В роли поручителей за энапографов выступали как лица, не зависящие от крупного землевладельца, так и его энапографы.¹⁰ Случаи же поручительства родственников за энапографов практически не встречались (исключение: *P.Merton, II, 98* — VI в.). В последних публикациях родственники в качестве поручителей стали появляться чаще: в *P.Wash. Univ., I, 25* (530 г.) — мать, в *P.Mich., Inv. 474* — брат. Это свидетельство не только наследственности статуса и крепости семейных связей, но и значения, которое крупные землевладельцы придавали этим связям. Они были для них достаточной гарантией для согласия на поручительство.

4. Поручительства предусматривали два вида наказания в слу-

чае нарушения энапографом своих обязанностей. Поручитель либо должен был сам выполнять обязанности энапографа, либо уплатить оговоренную сумму, которую следует воспринимать как возмещение ущерба в сочетании со штрафом.¹¹ В P.Mich., Inv. 474 имеется в виду первый вариант, в P.Princ., AM II244 - второй. Второй вариант встречался значительно реже: P.Oxy., I, 135 (579 г.); VI, 996 = SB, XVI, 12484 (584 г.); XLIV, 3204 (588 г.); XXIV, 2420 (611 г.) и теперь P.Princ. AM II244 (635 г.). В P.Oxy., VI, 996 размер штрафной суммы не сохранился, в P.Oxy., XXIV, 2420 (литра золота) он не показателен, так как это поручительство за золотых дел мастеров, а не приписных колонов, а золотых дел мастера были людьми более или менее состоятельными, во всяком случае оперировали крупными материальными ценностями. По сравнению с P.Oxy., I, 135 (восемь номизм) или с P.Oxy., XLIV, 3204 (две александрийские унции золота) сумма в P.Princ. AM II244 (двадцать + ? номизм) безусловно намного выше, да и сама по себе очень значительна. Это примерно стоимость 200 артаб зерна или средней заработной платы за 8-15 лет. Если только не допустить, что мы имеем дело с большой задолженностью или с исключительно состоятельным энапографом, сумма штрафа в P.Princ., AM II244 не может не внести некоторые коррективы в наши представления о материальном положении энапографов.

5. Как показал разбор поручительств, потребность в них возникала в том случае, если энапограф (за невыполнение обязанностей или за другие проступки) оказывался в тюрьме, откуда его следовало выводить путем взятия на поруки. Обычно это была городская тюрьма или, чаще всего, тюрьма крупного землевладельца, также находившаяся в городе.¹² В P.Princ., AM II244 идет речь о тюрьме эпкиия (стк. 25-26). Конечно, любое помещение можно было приспособить под место заключения, но до сих пор не было сообщений о тюрьмах в эпкиях. Возможно, что случаи заключения в тюрьму энапографов были столь часты, что потребовалось оборудовать тюрьму в самом эпкиии, вероятно, обслуживающую всю округу.

6. Наконец новоизданные тексты дополняют список известных крупных оксиринхских землевладельцев, эксплуатирующих труд энапографов,¹³ а также список известных оксиринхских церквей,¹⁴ если предположить, что церковь святых [..] и Сарапия находилась в Оксиринхе, а не просто владела землей в Оксиринхском номе.

I. G.Bastianini. Una malleveria dall'archivio degli Apioni
(P.Oxy. VI 996). - Miscellanea Papyrologica. Firenze, 1980,

- с. 25-30; I.F.Fikhman. Une caution byzantine pour des coloni adscripticii: P.Oxy. VI 996. - Ibidem; с. 67-77; И.Ф.Фихман. P.Oxy, VI; 996: Поручительство за приписных колонов. - ВВ, XLII (1981), с. 161-171; P.Wash. Univ., I, 25; И.Ф.Фихман. Древнейшее поручительство за приписного колона. - ПП и ПИКНВ, ХУП/1. 1982, I, М., 1983, с. 206-210; I.F.Fikhman. Ad P.Wash. Univ., I, 25. - Mnêmê G.A. Petropoulos I. Athènes, 1984, с. 381-386; P.J.Sijpesteijn. Five Byzantine Papyri from the Michigan Collection. 4. Deed of Surety. - ZPE, LXII (1986), с. 145-148; Idem. A Late Deed of Surety from Oxyrhynchus (P.Princ. Inv. AM 11244). - ZPE, LXV (1986), с. 163-167.
2. См. литературу, приводимую у И.Ф.Фихмана. Приписные колоны (адскрипции - энапографы) по данным папирусов. - Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984, с. 166-226, в особенности с. 199, прим. 2.
 3. J.-M.Carrié. Le "colonat du Bas-Empire" un mythe historiographique? - Opus, I (1982), с. 351-370; Idem. Un roman des origines: les généalogies du "colonat du Bas-Empire". - Opus, II (1983), с. 205-251; Idem. Figures du "colonat" dans les papyrus d'Egypte: lexique, contextes. - Atti del XVII Congresso Internazionale di Papirologia... Milano, 1984, III, с. 939-948.
 4. См. A.Marccone. Il colonato del tardo impero: un mito storiografico? - Athenaeum, LXIII (1985), с. 513-520. Критике концепции Ж.-М.Каррье был посвящен наш доклад "Некоторые спорные вопросы социально-экономической истории позднеримского Египта. - Десятая авторско-читательская конференция "Вестника древней истории" АН СССР. Тезисы докладов. М., 1987, с. 150.
 5. Подробнее: I.F.Fikhman. Cautionnements pour des coloni adscripticii. - Proceedings of the Sixteenth International Congress of Papyrology.. Chico, 1981, с. 471-472; И.Ф.Фихман. Приписные колоны..., с. 173-174.
 6. См. прим. 1; И.Ф.Фихман. Древнейшее поручительство.
 7. См. прим. 1: P.J.Sijpesteijn, Five Byzantine Papyri.
 8. См. прим. 1: P.J.Sijpesteijn. A Late Deed of Surety.
 9. См. И.Ф.Фихман. Приписные колоны, с. 169-170.
 10. I.F.Fikhman. Les cautionnements, с. 472-473; И.Ф.Фихман. Приписные колоны, с. 174, 206.
 11. I.F.Fikhman. Une caution byzantine, с. 76, прим. к стк. 18; И.Ф.Фихман. P.Oxy., VI, 996, с. 170, прим. к стк. 18.

12. I. F. Fikhman. Une caution byzantine, с. 76, прим. к стк. 17-18; И. Ф. Фихман. Р. Оху., VI, 996, с. 169-170, прим. к стк. 17-18.
13. И. Ф. Фихман. Приписные колонны, с. 170, 201-202.
14. И. Ф. Фихман. Оксиринх - город папирусов. М., 1976, с. 25-26.

С. А. Французов

ОСОБЕННОСТИ ХАДРАМАУТСКОЙ РИДДЫ

В традиционной мусульманской историографии военно-политические выступления племен, охватившие после кончины Пророка большую часть Аравии, получили название ридды - отступничества от ислама. Уже сам термин показывает, что их принято было рассматривать преимущественно как религиозную борьбу. Однако в действительности ридда состояла из довольно различных по характеру движений. Лишь выступления местных аравийских пророков (Мусайлимы, ал-Асвада ал-'Анси и др.) могут быть определены как религиозно-политические, но и на них оказал заметное влияние этноплеменной фактор. В остальных случаях речь, по-видимому, идет о крупных межплеменных столкновениях, напоминавших обычные для доисламской Аравии племенные войны с той разницей, что одну из враждующих сторон, как правило, поддерживала мусульманская община.

К числу межплеменных конфликтов такого типа относится и хадрамаутская ридда. Среди причин, обусловивших ее возникновение и определивших основные ее особенности, следует выделить резкое обострение противоречий между традициями родо-племенного общества и зарождавшимися нормами раннеисламской государственности.

Успехи Мухаммада и его последователей вызвали у крупных племен Хадрамаута стремление заручиться его поддержкой, добиться покровительства его божества - Аллаха, чтобы использовать соглашение с мусульманами для достижения своих целей и разрешения существовавших конфликтов. Договорные отношения между вождями этих племен и Пророком носили форму военно-политического союза.

После кончины Мухаммада некоторые племена, в первую очередь киндиты, следуя сложившейся практике, сочли эти договорные обязательства утратившими силу, поскольку обращение в ислам воспринималось как форма личного союза с Посланником Аллаха. С точки зрения мусульман, такой разрыв с общиной считался риддой, веротступничеством, требовавшим немедленной и жестокой кары.

Отношение киндитов к первому халифу наиболее ярко выражено в стихотворных отрывках, приписываемых их вождям. Хариса б. Сурака, например, так возражает мусульманскому 'амиду Зийаду б. Лабиду:

Пророку мы подчинялись, пока он был среди нас.

Сородичи, что мне до Абу Бакра за дело?!

Неужто потом он власть свою Бакру оставит в наследство?

Все это, жизнью Аллаха клянусь, — тяжкое бедствие.¹

Ему вторит ал-Харис б. Му'авийа:

Пророк был тем, кому подчинялись, но он ушел,

Благослави его Аллах, и не оставил преемника.²

Наиболее подробно эти настроения освещены у Ибн А'сама, сообщение которого о хадрамаутской ридде восходит, вероятно, к устным киндитским преданиям. В споре с Зийадом б. Лабидом киндиты отказались признать Абу Бакра главой общины и выразили недовольство тем, что халифом не стал человек из семейства Пророка (мин ахли байтихи). В уста одного из них вложена даже кораническая цитата: "Обладатели же родства — одни ближе другим в писаниях Аллаха Всевышнего" /8:75/.³ По-видимому, появление таких взглядов связано с тем, что власть вождей-маликов у кинды передовалась только внутри рода в соответствии с обычаем, сложившимся за несколько столетий до ислама в период господства этого племенного объединения во Внутренней Аравии.

В соответствии с традициями племенной демократии киндиты не желали подчиняться халифу, избранному при участии одних лишь мухаджиров и ансаров, поскольку считали, что сподвижники Пророка не в праве выносить в своем кругу решения, обязательные для остальных членов общины.⁴

Стремление лидеров мусульманской общины сохранить этнополитическое равновесие между принявшими ислам племенами не могло не вызвать разочарования киндитов, надеявшихся за счет союза с Мухаммадом еще больше укрепить свое влияние. Если они и признавали некоторое время власть Пророка, то подчинение бану тайм б. мурра, роду Абу Бакра, было, по словам ал-Аш'аса б. Кайса, несовместимо с их "царским достоинством".⁵

Привыкшие собирать подати с других племен киндиты воспринимали мусульманский общинный налог, садаку, не иначе, как унижительную дань. Один из них, призывая к неуплате заката, утверждает: "Мы — всего лишь как рабы у курайшитов". Эту же точку зрения он выразил в стихах:

Если дадим мы сборщику садаки то, что он требует,

Мы для него — рабы того, что он пожелает.⁶

Интересно, что и при разрыве с мусульманами ал-Аш'ас и другие киндитские вожди опираются на закрепленные многовековой практикой обычаи. Ал-Аш'ас не призывает к открытому неповиновению Абу Бакру, тем более к отказу от ислама, он лишь не соглашается первым присягнуть халифу, прекрасно сознавая, что его соплеменники никогда не признают главу мусульманской общины раньше, чем их вождь.⁷

Инцидент с ошибочно взятой в качестве садаки верблюдицей, послуживший поводом для открытых вооруженных столкновений противников и сторонников мусульман, во многом напоминает завязку типичного межплеменного конфликта времен джахилии, что сознавали, по-видимому, уже те информаторы, к которым восходят сообщения о ридде. Зийаду б. Лабиду, например, приписывают слова: "И никогда не будет Шазра вашей, подобно [верблюдице] ал-Басус".⁸

В ходе самой ридды война с мусульманами воспринималась киндитами не как религиозный конфликт, а как обычная племенная рознь. Один из предводителей кинды, Афиф б. Ма'дикариб, например, предлагал пойти на мир с Абу Бакром, чтобы бросить все силы на борьбу с исконными противниками киндитов — мазхиджитами.⁹

Кровная месть (са'р) играла существенную роль в межплеменных войнах, часто способствовала их обострению и затягиванию. По-видимому, к устным преданиям кинды восходит представление о том, что ал-Аш'ас активно включился в боевые действия против мусульман не потому, что порвал с исламом, и не столько из-за того, что не желал платить садаку, сколько из-за стремления отомстить за убитых сородичей.¹⁰

Ислам как военно-политическая сила явился катализатором, а не исходной причиной, вызвавшей хадрамаутскую ридду. Он лишь обострил до предела противоречия, существовавшие как между коренным населением Хадрамаута и бедуинскими племенами, переселившимися в эту область из Внутренней Аравии в VI в., так и среди самих бедуинов. В немалой степени этому способствовала введенная мусульманскими 'амилами система сбора садаки, при которой часть общинного налога хадрамаута была возложена на кинду и ас-сакун, а часть налога киндитов и сакунитов на хадрамаут.¹¹ К причинам ридды ее относил уже Ибн ал-Асир.¹² Так отказ царского киндитского рода бану вали'а отдать садаку верблюдами под тем заведомо недостоверным предлогом, что верблюдов они не разводят, повлек за собой массовую неуплату заката со стороны других племен.¹³

Накануне ислама коренное население области, хадрамаут, постепенно вытеснялось киндитами из многих районов своего обитания.

Уже в самом начале ридды значительная его часть за исключением "отщепенцев" (муззаз), очевидно, по той или иной причине заинтересованных в установлении союза с киндой, выступила на стороне Зийада б. Лабида.¹⁴ В решающей битве у стен Нуджайра, завершившейся разгромом киндитов, левым крылом мусульманского войска командовал знаменитый кайл Ва'ил б. Худжр.¹⁵

Однако наибольшее влияние на ход ридды, особенно на первом ее этапе (до подхода крупных мусульманских отрядов во главе с ал-Мухаджиром б. Абу Умайей и 'Икримой б. Абу Джахлем), оказало соперничество кинды и ас-сакуна. В начале VII в. киндиты пытались подчинить себе сакунитов, навязав им неравноправные союзные отношения. Кайс б. Ма'дикариб, например, согласился выступить совместно с ас-сакуном против североиромейского племени бану 'амир б. 'укайл, захватившего в плен сакунитского вождя Кайсабу б. Кукусу-ма, лишь в том случае, если поход будет проходить под его предводительством.¹⁶

В отличие от царских киндитских родов бану вали'а и бану му-'авийа ал-акрамун правящий род ас-сакуна бану катира целиком под-держал Зийада б. Лабида.

"Злое утро для бану катира и для эмира из бану мутира", - кричали осажденные киндиты со стен Нуджайра во время поэтического состязания перед битвой.¹⁷

Сакунитские вожди - Ибра' ал-Кайс б. 'Абис, 'Аун б. Мурара, Ибн Салих - в числе первых принесли присягу Абу Бакру и фактически руководили войском сторонников мусульман в начале ридды. В союзе с ними выступила часть племени ас-сакасик.¹⁸

Хотя на втором этапе ридды победу мусульман обеспечили отряды ал-Мухаджира и 'Икримы, немалую роль в боевых действиях продолжали играть сакуниты. При Зуркане в мусульманском войске сражались вожди ас-сакуна Джафна б. Катира и ас-Симт б. ал-Асвад. В битве при Нуджайре отряд Джафны прикрывал войско с фланга.¹⁹

Одним из главных итогов ридды явилось изменение этноплеменной ситуации в Хадрамауте. Нанесенное киндитам поражение вынудило значительную их часть покинуть эту область в период завоеваний. Доминирующее положение в Хадрамауте было навсегда утрачено киндой. Ридда способствовала возвышению ас-сакуна, главное подразделение которого - туджиб - к IX-X вв. распространило свое влияние почти на весь Западный Хадрамаут,²⁰ и упрочению позиций коренного населения, завладевшего городами и селениями основного вади, прежде находившимися в руках кинды.

Военно-политическое выступление племен Хадрамаута в начале

30-х гг. VII в. привело к включению этой области в состав складывавшегося раннемусульманского государства – Арабского халифата. При этом социальная структура хадрамаутского общества в основе своей оставалась родо-племенной, и вызвавшие ридду противоречия между местными племенными традициями и центральной мусульманской властью продолжали сохраняться.

1. Йакут, II, с. 286, 287; Фарик Х. Та'рих ар-ридда. Нью-Дели, 1970, с. 162; ал-Кала'и. Ал-Хилафа ар-рашида ва-л-бутула ал-халида фи хуруб ар-ридда. Тахкик А. Ганим. Каир, 1979, с. 196. В соответствии с представлениями, господствовавшими в племенном обществе, избрание Абу Бакра халифом воспринималось как передача власти не ему единолично, а его роду. Поэтому Бакр, сын халифа, рассматривается киндитами в качестве вероятного преемника своего отца.
2. Ибн А'сам. Китаб ал-футух. Тахкик М. 'Абд ал-Му'ид Хан. Дж. I. Хайдарабад, 1968, с. 61.
3. Ибн А'сам, ук.соч., с. 58, 60. Нельзя однако не принять во внимание того, что этот эпизод мог быть добавлен в связи с более поздними дискуссиями о праве родни Пророка на халифат. Данное предположение кажется нам маловероятным, поскольку во времена Ибн А'сама вряд ли был хоть какой-нибудь политический резон намеренно приписывать вероотступникам, "людям ридды", такие взгляды, которые являлись как элементом официальной аббасидской доктрины, так и частью учения наиболее могущественной оппозиционной силы – шиитов.
4. Там же, с. 61.
5. Там же, с. 59. См. прим. I.
6. Там же.
7. Там же, с. 55, 56; Фарик Х, ук.соч., с. 161; ал-Кала'и, ук.соч., с. 194.
8. Ат-Табари, I, с. 2002; Ибн ал-Асир, II, с. 290. Убийство верблюдицы, принадлежавшей ал-Басус, послужило поводом для многолетней ожесточенной войны североаравийских племен бакр и таг-либ во 2-й половине VI в.
9. Ибн А'сам, ук.соч., с. 63, 64.
10. Там же, с. 86.
11. Ат-Табари, I, с. 2000; Ибн ал-Асир, II, с. 290.
12. Ибн ал-Асир, II, с. 290.
13. Ат-Табари, I, с. 2001; Ибн ал-Асир, II, с. 290.
14. Ат-Табари, I, с. 2005.

15. Ибн А'сам, ук.соч., с. 76.
16. Ал-Исфахани. Китаб ал-агани. Дж. XI. Булак, 1280 г. Х., с. 130-131.
17. Ат-Табари, I, с. 2007.
18. Там же, с. 2005; Ибн ал-Асир, II, с. 291; Йакут, IV, с. 762; Ибн А'сам, ук.соч., с. 55, 56, 65; Фарих Х. Ук.соч., с. 160, 161; ал-Кала'и, ук.соч., с. 193, 194; ал-'Алави. Та'рих Хад-рамаут. Дж. I. Джидда, б.г., с. 154.
19. Ибн А'сам, ук.соч., с. 70, 76.
20. Al-Hamdani's Geographie der arabischen Halbinsel. Hrgg. von D.H.Müller. B.I. Leiden, 1884, S. 85-88.

З.Я.Ханин

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ДВИЖЕНИЯ ЯПОНСКИХ ПАРИЕВ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Процесс всесторонней трансформации общества при капитализме значительно убыстряется. Он касается всех слоев населения, в том числе и дискриминируемых меньшинств. Но особенно динамичным этот процесс становится в условиях и в связи с различными внешними и внутренними потрясениями, которые в разной степени неизбежны для любой страны капиталистического мира.

В буржуазной Японии значительные общественные перемены произошли после разгрома и капитуляции в августе-сентябре 1945 года ее вооруженных сил, краха политики наиболее реакционных, империалистических кругов Страны восходящего солнца.

В первые послевоенные годы в общественно-политической структуре Японии были устранены или значительно ослаблены многие сохранявшиеся в ней после незавершенной буржуазной революции Мэйдзи (1868 г.) элементы феодализма. Так, был ликвидирован класс помещиков, существенно ограничена власть императора и отменена одиозная система титулованной знати. Крестьяне получили в собственность значительную часть обрабатываемой ими земли и общинных угодий. Кроме того, были распущены японские вооруженные силы, уничтожена тайная полиция, тайный государственный совет, введено антимонополистическое законодательство, декларированы свободы слова, печати, собраний, Трудящиеся впервые получили легальное право на проведение забастовок, допускалась деятельность различных, в том числе и левых, политических партий и т.д. В 1947 году была принята новая конституция, которая объявила гарантированными все эти

объективно прогрессивные, радикальные перемены, продолжившие и значительно развившие начатый "переворотом Мэйдзи" процесс буржуазно-демократической трансформации японского общества.

Однако практически процесс послевоенных общественных перемен оказался далеко не во всем последовательным и гарантированным. Благодаря усилиям консервативных сил многие отмененные реформами элементы старой структуры общества (могущество монополий, прежняя система социальной иерархии и привилегий, вооруженные силы и т.д.) с течением времени были восстановлены, а некоторые вообще оказались не затронутыми социально-политической эволюцией. В частности, вначале почти ничего не изменилось в положении японских париев — буракуминов (жителей бураку — поселений дискриминируемого меньшинства Японии), более того, условия их жизни во многом даже ухудшились.

Так, одна из наиболее радикальных и важных послевоенных реформ — аграрная — не была распространена на аренду мелких участков земли до трех танов (1 тан равен приблизительно 0,1 га). Подавляющая же часть крестьян-буракуминов, как известно, входила именно в такую категорию бедняков-арендаторов, что исключало их из сферы действия аграрной реформы и не вело к какому-то улучшению их положения и повышению социального статуса. Фактически реформа даже привела к увеличению разрыва в положении "обычных" крестьян и буракуминов-земледельцев, сельскохозяйственных рабочих и рыбаков. А если к тому же учесть, что около 80% всех буракуминов проживало в сельских, горных и рыбацких поселках, то станет понятным, что аграрная реформа имела скорее отрицательное значение для большинства японских париев.¹

Примерно та же ситуация практически сложилась и в городских бураку. Процесс существенных послевоенных перемен в промышленности, в социальной, политической и культурной сферах города (введение новой системы рабочего законодательства, социального страхования, создание широкой сети профессиональных союзов, постепенный подъем заработной платы и т.д.) вначале не был распространен на значительную часть городской бедноты, на буракуминов в частности. И разрыв в положении "обычных" тружеников города и дискриминируемой части населения после войны еще больше увеличился.

Инструментом сохранения и увеличения такого социального разрыва в городе служила и служит двойная структура японской промышленности, имеющая свои социально-политические особенности. На рабочих (в первую очередь временных) мелких и средних предприятий по существу не было распространено действие послевоенных социаль-

ных реформ. Их заработная плата по-прежнему не превышала 55-60% месячного заработка постоянных рабочих крупных заводов и фирм. Жителей же бураку брали на работу лишь на мелкие и средние предприятия, на самые трудные, грязные, малопrestiжные и низкооплачиваемые виды работ, по преимуществу в качестве временных работников, и их заработная плата, как правило, была в два раза ниже, чем у других, постоянных "обычных" рабочих этих же предприятий.

Все эти ограничения в экономической сфере заставляли значительную часть буракуминов по-прежнему прибегать к своим традиционным видам производства: к изготовлению корзин, мешков, щеток, перчаток, вееров, кожаных, бамбуковых и соломенных изделий и т.д., что, однако, становилось все менее надежным источником их существования.

Дискриминация париев сохранялась и в сфере образования. Очень болезненной оставалась проблема традиционной предубежденности против смешанных браков.

Таким образом, надежды буракуминов на то, что в условиях разносторонних послевоенных преобразований их положение с течением времени также в чем-то будет улучшено, не оправдались. Это способствовало тому, что после сравнительно недолгого застоя движение париев за подлинное равноправие и улучшение своего положения начало постепенно усиливаться и, пройдя несколько этапов своего развития, превращалось во все более важный компонент всего демократического движения Японии.

Первый этап послевоенного движения дискриминируемого меньшинства (с 1946 по 1951 г.) был характерен существенной идейной неопределенностью, разбродом и застоем. Если рабочее и крестьянское движение Японии в то время приняло весьма широкий и организованный характер, то выступления буракуминов были по преимуществу разрозненными и в определенном смысле случайными. В восстановленную в феврале 1946 года организацию буракуминов, которая получила название Бураку кайхо дзэнкоку иинкай (Национальный комитет освобождения бураку, БКДИ, в 1955 г. она была переименована в Бураку койхо домэй, Союз освобождения бураку, БКД), вошли деятели самой различной политической ориентации: представители довоенного объединения париев Дзэнкоку суйхэй ся, рабочих и крестьянских союзов, движения классового умиротворения и революционной борьбы. Среди руководителей Комитета вначале господствовало убеждение, что в условиях послевоенных реформ власти сами вскоре решат основные проблемы париев. Свою же основную задачу они видели пока в сплочении всех буракуминов, независимо от их социального статуса, в

борьбе за осуждение дискриминационных поступков отдельных людей и организаций, за возможные экономические преобразования в бураку и за строгое соблюдение статьи 14 японской конституции о равенстве всех японцев перед законом. Вместе с тем, они настаивали на необходимости придерживаться тактики "не будить спящего ребенка", то есть, не будоражить и не раздражать общество чрезмерными требованиями, что могло, по их мнению, лишь задержать ожидавшееся ими решение проблем дискриминации буракуминов сверху.

Поскольку положение в бураку после войны не менялось к лучшему, а робкая тактика БКДИ не приносила ощутимых результатов, в среде париев получили в то время широкое распространение идеи и настроения фатализма, извечной обреченности жителей бураку на жестокое и несправедливое отношение к ним со стороны общества, а также идеи "Усимацужизма" (идеи героя романа классика японской литературы Симадзаки Тосона "Нарушенный завет" Усимацу Рэнтаро) о возможности для буракуминов лично для себя решать проблемы дискриминации, бежав из бураку и скрыв свое происхождение. Не удивительно, что в первые послевоенные годы резко выросло число париев, стремившихся любыми способами вырваться из своей социальной среды и смешаться с "обычными" японцами.

В 1951 году начался новый, длившийся до 1956 года этап движения буракуминов. В бураку стали создаваться специальные комитеты, цель которых заключалась в том, чтобы добиться от местных властей экономической помощи для удовлетворения наиболее срочных нужд поселений париев: для сооружения защитных дамб от наводнений, на строительство мостов, школ, детских садов, бань, общественных зданий, прокладку новых дорог и т.д. По сравнению с предыдущим периодом борьба париев в это время значительно усилилась. Однако и теперь она все еще носила по преимуществу случайный и разрозненный характер и не касалась подлинных основ дискриминации буракуминов.

На протяжении следующего этапа (с 1956 до 1965 г.) БКД стимулировал борьбу буракуминов за выработку и осуществление правительством общенациональных мер, направленных на радикальное решение проблем дискриминации в целом. Это движение в значительной мере было обусловлено быстрым и значительным подъемом японской экономики и новыми элементами социальной политики японских властей, которые получили название "политики кошачьей лапы". С начала 1960-х годов правительство приняло ряд законов, направленных в первую очередь на расширение и модернизацию капиталистических предприятий и кулацких хозяйств. Но вместе с тем они в какой-то

мере удовлетворяли также и отдельные требования трудящихся.²

В рамках этой политики японское правительство под растущим напором движения буракуминов, широкого демократического движения в целом создало в 1960 году при кабинете министров Совещательный комитет по выработке мер решения проблем дискриминации. В Комитет вошли члены парламента, журналисты, ученые, представители большинства политических партий и БКД. В 1965 году этот Комитет наконец представил правительству Отчет о положении дел в бураку и выдвинул ряд своих рекомендаций по данному вопросу.

Этот документ, бесспорно, имел определенное положительное значение для париев, поскольку указал на то, что решение проблем дискриминации является долгом правительства и всего японского общества в целом, и предложил ряд конкретных мер, направленных на улучшение положения в бураку. Вместе с тем, он имел и существенные недостатки, главным из которых было то, что он касался лишь экономического аспекта дискриминации и не затрагивал ее подлинных основ. Эта противоречивость документа вызвала резкие распри в БКД по вопросу об оценке Отчета и привела к расколу движения париев на два враждующих по идейным и тактическим проблемам лагеря. Сторонники одного из них полагали, что, несмотря на свои существенные недостатки, Отчет в целом следует одобрить и использовать в качестве официальной основы развития борьбы (правда, в определенных рамках) решения наиболее насущных экономических проблем буракуминов. Их же противники утверждали, что одобрение и поддержка Отчета приведут БКД к предательству основных интересов трудящихся, буракуминов в первую очередь, к опасному сотрудничеству париев с властями, к расколу демократического движения. Однако большинство БКД выступило в поддержку Отчета, который на долгое время стал легальной основой развития одного из направлений борьбы буракуминов.

На следующем этапе движения (с 1965 до 1969 г.) главные усилия БКД и руководимого им движения париев были направлены на то, чтобы в соответствии с рекомендациями Отчета заставить правительство принять Закон об особых мерах по решению проблем бураку. И в 1969 году соответствующий закон был наконец принят. По его содержанию было очевидно, что он не мог привести к радикальному решению даже экономических проблем буракуминов, поскольку значительная часть предполагаемых расходов возлагалась правительством на местные власти, которые не хотели и не могли выделять необходимые для бураку средства. Кроме того, предлагаемые Законом меры были довольно скромны, а срок его действия ограничивался лишь десятью

годами. И все же, создавая юридическую основу развития экономической борьбы и хотя бы частичных преобразований в бураку, он в целом имел определенное положительное значение для жителей бураку.

В период с 1969 г. до наших дней борьба японских париев велась по преимуществу за полное осуществление указанного Закона и за принятие новых более радикальных правительственных актов, направленных на дальнейшее решение проблем дискриминации буракуминов. В результате этой борьбы срок действия Закона 1969 года был продлен еще на три года, а в 1982 году был принят Закон об улучшении положения в районах интеграции (Дова), рассчитанный на пять лет, до весны 1987 года.

Но поскольку ни один из отмеченных нами законов не мог решить экономические проблемы дискриминируемого меньшинства и даже их невозможно было выполнить в полном объеме, уже в 1982 году была организована новая широкая кампания – за принятие Фундаментального закона, который должен был более радикально и всесторонне решить проблему дискриминации.

О положении буракуминов, о сути их движения в настоящее время можно в самом общем виде сказать следующее. Бесспорно, экономическое положение жителей бураку после принятия и реализации отмеченных нами законов заметно улучшилось. Во многих поселениях париев за последние годы были построены новые жилые здания, детские сады, бани, мосты, проведены дороги, осуществлено озеленение и т.д. Высшую ступень средней школы теперь кончают уже около 87% всех учеников из бураку. Число смешанных браков достигает почти 50% всех браков буракуминов.

Однако дискриминация париев все же продолжает оставаться одной из острых социально-политических, экономических и идейно-психологических проблем современной Японии. Она еще далека от решения даже в экономическом плане. Так, меры по улучшению условий жизни еще не коснулись почти 30–40% всех буракуминов, нуждающихся в этом. Доля безработных жителей бураку по-прежнему достигает почти 10%, а на острове Кюсю даже 30% трудоспособных париев. Зарплата работающих буракуминов в среднем на 30% ниже, чем у "обычных" рабочих. Число париев, поступающих в высшие учебные заведения, все еще ничтожно мало.³ При этом следует учесть, что проблема дискриминации имеет не только экономический, но и политический, социальный, культурный и идейно-психологический аспекты, которые никак не были затронуты государственными актами и решение которых еще предстоит.

В послевоенный период лидеры организованного движения бураку-

минов, сами жители бураку постепенно убеждались в том, что проблема дискриминации заключается не только в предрассудках отдельных людей и даже не в экономической отсталости париев, но и во многих других ее элементах, в первую очередь в отсутствии подлинных гарантий гражданских прав буракуминов на получение любой работы, достаточного образования, свободного выбора профессии, места поселения, в искусственной изоляции от основных производительных сил, то есть, по сути в социально-политических пороках всего буржуазного общества в целом. Поэтому движение париев, правда, с большим трудом и колебаниями, в условиях постоянного внешнего давления и острых внутренних распрей постепенно эволюционировало от осуждения дискриминационных поступков отдельных предубежденных людей до борьбы за переустройство всего общества на более справедливой социально-политической основе. В связи с этим оно становилось все более существенным и действенным компонентом всего демократического движения Японии.

1. Коннити-но бураку мондай (Проблемы бураку сегодня). Осака, 1977, с. 35.
2. Г.И.Подпалова. Социалистическая партия Японии (1945-1972 гг.). М., "Наука", 1975, с. 156-157.
3. Нюмон. Бураку кайхо ундо (Учебное пособие. Движение за освобождение бураку). Осака, 1986, с. 37-38.

Шахиб аль-Асбахи

АРАБСКОЕ ПРЕДАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХИМЙАРИТОВ

Химйариты - одно из южноаравийских племен, подчинившее в IV-V вв. н.э. своей политической власти всю Южную Аравию. Их начальная история известна науке очень плохо. Обрывки сведений о них собираются из южноаравийских надписей, из сочинений античных авторов. Есть отголоски истории и в мусульманском арабском предании о химйаритах.

В источниках, которые содержат арабскую традицию о происхождении химйаритов можно выделить три типа:

I. Развлекательно-назидательные повествования о царях Химйара в стихах и прозе. Они зафиксированы в таких книгах как "Ахбар Абид б.Шарийа", "Китаб ат-тиджан" Вахба б.Мунаббиха, в Комментарии к "Химйаритской касиде" Нашвана ал-Химйари.

2. Генеалогии потомков Кахтана, содержащиеся, главным образом, в генеалогических сочинениях Ибн ал-Калби (IX в.), Ибн Хазма и у ал-Хамдани в его книге "Ал-Икдил" (X в.).

3. Историко-географические сочинения, в частности "Описание Аравийского полуострова ал-Хамдани, где он упоминает места расселения химйаритов.

Легендарный характер развлекательно-назидательных повествований особенно ярко виден на примере "Ахбар" 'Абид б.Шарийа, где собраны предания, бытовавшие в VIII в. Книга построена как беседа сказителя с халифом Му'авией. 'Абид часто ссылается на якобы принадлежащие химйаритским царям стихи, опираясь на традиционное мнение, что стихи - это наиболее достоверная и надежная форма предания, что они - "диван ал-Сараб" - "точная запись прошлого арабов".¹ В приводимых в преданиях "завещаниях" царей, полных общих благих наставлений, явственно видно влияние Корана, в частности, известного коранического завещания Лукмана своему сыну. Авторы и собиратели рассказов этого типа часто приводят искаженные сведения, недостоверные факты. Это порождено как спецификой жанра их сочинений, так и естественным искажением предания при передаче из поколения в поколение. Однако во всякой легенде можно и нужно искать ее исторические корни.

Генеалогические таблицы химйаритов составляли йеменцы. Ибн ал-Калби собирал свои сведения о химйаритских генеалогиях у йеменцев, живших в ал-Куфе. Это придает им некоторую достоверность. Вместе с тем, авторы генеалогий были хорошо знакомы с библейскими сюжетами о сыновьях Сама, о Йоктане. Они отождествили его с Кахтаном. Племя с таким названием встречается в древних надписях из Мариба и Карйи. Оно жило во II-IX вв. в вади Давасир к северу от Йемена, составляло единое царство с племенами мазхидж и кинда. Знатоки химйаритских генеалогий пытались найти в них место и для упоминаемого Кораном пророка Худа. Они помещали пророка в Йемен и объявляли его предком Кахтана. Составители родословной пытались создать для южноаравийских племен схему по образцу североаравийских племенных генеалогий. Они относят к Химйару большинство йеменских племен. Основу схемы составила генеалогия легендарных и исторических химйаритских царей. Интересно, что в химйаритских родословиях встречаются имена североарабского происхождения - Малик, Мухаммад, 'Абд Аллах, Зухайр и т.д. Подробную генеалогию химйаритов составил ал-Хамдани. Он основывался на сведениях местных йеменских знатоков племенных преданий, а также на своем прочтении древнейеменских надписей, в которых он видел, прежде всего

тоже генеалогические записи. Сведения ал-Хамдани значительно более подробны, чем у других, однако его генеалогические таблицы в целом следуют общей традиции.

Согласно всем вариантам предания отцом Химйара, родоначальника химйаритов, был царь Саба ^САбд Шамс. Это прозвище объясняется тем, что он был, якобы, первым, кто поклонялся солнцу. Здесь чувствуется влияние Корана, где о царице Сабы сообщается, что она поклонялась солнцу: "Я нашел, что она и ее народ поклоняются солнцу вместо Аллаха".² В "Китаб ат-тиджан" особо подчеркивается, что "до царствования Абд Шамса-Сабы в стране бужевали распри, а он сумел объединить потомков Кахтана и Худа".³

Химйар и Кахлан были главными сыновьями Сабы. Химйар стал после смерти отца царем, а Кахлан – его помощником, управляющим окраинными районами страны. "Среди сыновей Абд Шамса называется иногда и Райдан",⁴ упоминаемый также и как "замок или крепость, построенная Химйаром".⁵ Иногда Химйара и Кахлана объединяли вместе в народ ша^Сб Саба".⁶ Имя Кахлан хорошо известно из надписей (например, Jam 735 и многие другие) как обозначение жителей Мираба. Оно встречается в формуле "ша^Сб Саба Кахлан"⁷ и т.д. Кахлан могло употребляться в качестве синонима термина Саба. Поэтому применяемое преданием обозначение всех йеменских племен как союз Химйара и Кахлана является по существу своеобразной передачей известного по надписям титула йеменских правителей II–III вв. – царь Сабы и Зу Райдана. Зу Райдан – это Химйар, а Саба – Кахлан. Предание отразило историческую реальность и реальный титул, но в своеобразной форме, перенеся в начальный период существования химйара "титул", характерный для более поздней эпохи.

В "Описании Аравийского полуострова" ал-Хамдани рассказывает о местах обитания членов племени химйар в X в. Он перечисляет относящиеся к племенной группировке химйар племена и территории – "Джабалан в Тихаме, ал-Кала, ас-Сухул, ал-Ма^Сафир, Хараз и Хаузан, Руайн и ал-Ауд, ал-Асабих в Лахад и Абйан, Йафи^С Сарв Химйар".⁸ Общее их название было "ал-ахмур". Они жили в деревнях, сопровождали имена префиксом зу и говорили по-химйаритски.⁹ Хотя эти описания соответствуют реальности уже в X в., они весьма полезны для исследования и ранней истории, ибо описывают места расселения именно племени химйар, того самого, чье название в V–VII вв. было распространено на весь Йемен. Химйаритские территории по ал-Хамдани в целом близки к тому определению исконных земель химйаритов, которое принято в современной науке (примерно современный район Йафи^С).

Научные представления о начале химйаритской истории весьма скудны. Первым упоминанием химйаритов считается хадрамаутская надпись RES 2687,¹⁰ рассказывающая о строительстве хадрамаутами укреплений в вади ал-Бина, вади Хаджар и вади Майфаа на путях, ведущих к порту Кана. Хадрамаутцы готовились к обороне от химйаритов. Предположительно надпись датируется I в. до н.э., хотя иногда предполагаются и более ранние датировки. Химйариты первоначально были подчинены Катабану, поэтому сабейцы иногда называли их, как и катабанцев - дети ^сАмма - ^сwld^с.¹¹ Память о катабанских связях сохранило и генеалогическое предание, где один из "сыновей" Химйара носит катабанское имя ^сАммикариб.¹² Античные источники впервые упоминают Химйар в связи с походом в Южную Аравию Элия Галла в 24 г. до н.э. Прямые и косвенные данные о химйаритах были использованы для реконструкции их истории Г.Виссманном. Он обосновал и развил эту реконструкцию в своих работах: "Химйар. Древняя история" (1969), "История Сабы Элия Галла" (1976), "История Сабы II" (1982).¹³

Согласно его реконструкции первоначально химйариты жили в районах нынешнего Йафи^с и входили в состав Катабана. Во II-I вв. до н.э. они выступили против Катабана в союзе с соседним царством Радман. Генеалогии ал-Хамдани сохранили память и об этом, включая в родословное дерево Химйара имена Радман,¹⁴ Йафи^с и Сарв¹⁵ (последнее название области, где расположен Радман). Сохранили генеалогии и имя Райдан, которым назывались гора и крепость в химйаритских районах Катабана и в их новой царской резиденции в Зафаре.

В I в. до н.э. - II в. н.э. химйариты захватили и подчинили ряд катабанских земель, вышли к прибрежным районам. В районе нынешнего Абьяна Виссманн помещает химйаритский порт Масала. Он же предполагает, что с выходом к морским портам связано и начало "химйаритской" эры - II в. до н.э.¹⁶ Приморские владения первых химйаритов тоже отразились в арабской традиции. Среди потомков Хумайса (Сильного) сына Химйара ал-Хамдани называет имена - названия прибрежных районов Южного Йемена - Абьян, Лахадж, Йамин.¹⁷

Затем химйариты двинулись на север, захватив районы Зафара, устремившись к Марибу. В преданиях ал-Хамдани это отразилось в известиях о борьбе химйаритов с мазхидж (сарзмазхидж-Радман), жителями города Шабут (Шабва) в Хадрамауте, племенем кудая, идентифицируемом там с жителями Мариба. Затем начался хорошо известный период борьбы за гегемонию в Южной Аравии с Сабой. Предание отразило его, как уже указывалось, историей о разделении власти между

сыновьями Сабы Химйаром и Кахланом.

Итак, мы можем заключить, что арабские предания о Химйаре, дошедшие до нас, пытаются связать в единую генеалогическую схему все кахтанидские племена, относя большинство племен Йемена к потомкам Химйара. Сами генеалогии Химйара создавались под влиянием североарабских родословий. Их искусственный характер очевиден. Вместе с тем, они сохранили смутную память даже о весьма ранней исторической действительности. Она запечатлена, главным образом, в генеалогиях, составленных в самом Йемене (ал-Хамдани). В предании есть намеки на реальные места происхождения химйаритов, их первоначальную связь с Катабаном, на их выход к приморским портам на юге, их борьбу с Хадрамаутом, претензии на политическую преемственность по отношению к правителям Мариба. Наличие таких намеков в предании может служить аргументом в пользу достоверности гипотетических реконструкций ранней истории химйаритов, предложенной Г. Биссманном, но недостаточно подкрепляемой эпиграфическим материалом.

Арабское предание Йемена, как видим, при всей сложности его анализа как исторического источника, может быть весьма полезным для реконструкции даже довольно отдаленных от времени его фиксации периодов Йеменской истории.

-
1. Ахбар Абид б. Шарийа ал-Джурхуми. - Китаб ат-тиджан фи мулук Химйар. П изд. Сана, 1979, с. 448. .
 2. Коран. Сура "ан-Намл" /27/, аят 24.
 3. Китаб ат-Тиджан, с. 56.
 4. ал-Хамдани. Китаб ал-иклил. Т. I, Каир, 1963, с. 133.
 5. Он же. Китаб ал-иклил, Т. I, с. 88.
 6. Он же. Китаб ал-иклил. Т. I, с. 22.
 7. См. напр. Jamme. A Sabaen Inscriptions from Mahram Bilqis (Marib). Baltimore, 1962, 212, ja 735: ʿ^cbn/sb'/khln/md/hgrn/mrb/w'srwhw/khln.
 8. См. ал-Хамдани. Сифат джазират ал-араб. Сана, 1983.
 9. аз-Забиди. Тадж ал-фарус фи шарх ал-Камус. Т. 3. Каир, 1306 г.х. с. 158.
 10. Répertoire d'épigraphie sémitique. Т. V-VII. Paris, 1929-1950, п. 2687 /RES/, Мухтарат мин ан-нукуш ал-йаманийа, с. 322.
 11. H. Wissmann. Himyar, Ancient History. - Le Museon. Louvain, vol. 77, 1964, с. 429.
 12. ал-Хамдани. Китаб ал-иклил. Т. I, с. 133.
 13. H. Wissmann. Himyar, Ancient History; H. Wissmann. Die Geschichte des Sabäerreichs und der Feldzug des Aelius Gallus. - Aufstieg

und Niedergang der Römischen Welt. Bd.11, 9. Berl., N.Y., 1876, 418-421, 428-444; Wissman H. Die Geschichte von Saba'. Bd. 2. Wien, 1982, 35-40.

- I4. **Нашван ал-Химйари. Мулук Химйар ва-акйал ал-Йаман. Бейрут, 1978, с. 42.**
- I5. **ал-Хамдани.' Китаб ал-иклил. Т. П. Бейрут, 1987, с. 307.**
- I6. **H.Wissmann.Himyar, Ancient History. - Le Museon. Louvain, vol. 77, 1964, 430.**
- I7. **ал-Хамдани. Китаб ал-иклил. Т. 2, с. 33.**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	- "Акты Кавказской археографической комиссии".
ВВ	- "Византийский временник". Л., М.
ГЭ	- Государственный Эрмитаж.
ДВ	- "Древности восточные. Труды Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества". М.
ИРГО	- Императорское Российское географическое общество .
ЖМНП	- "Журнал Министерства народного просвещения". СПб.
НАА	- "Народы Азии и Африки".
ПП и ПИЧНВ	- "Письменные памятники и проблемы истории культуры Востока". М.
ППВ	- "Письменные памятники Востока"
ТВОРАО	- "Труды Восточного отделения Имп.Русского археологического общества". СПб.
УЗ ЛГУ	- "Ученые записки Ленинградского университета". Л.
ФБ ЦВМА	- Фундаментальная библиотека Центральной военно-медицинской академии.
ЦГАВМФ	- Центральный государственный архив военно-морского флота .
ЦГВИА	- Центральный государственный военно-исторический архив .
АОН	- "Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae". Budapest.
ASAE	- "Annales du Service des Antiquités d'Égypte". Le Caire.
ЕІ ²	- "The Encyclopaedia of Islam". New ed. Vol. I -.... Leiden-London, 1960-....
HR	- "History of Religions".
JESHO	- "Journal of the Economic and Social History of Orient". Leiden.
JRAS	- "Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland". L.
RArch	- "Revue archeologique".
ZDMG	- "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft." Lpz., Wiesbaden.
ZPE	- "Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik".

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Анваров Акрам. Основные этапы изучения Восточного Туркестана английскими и индийскими исследователями (1812-1901 гг.)	3
Балащенко Ю.Д. Пребывание в Москве посольства Хосров Мирзы в 1829 г. (по материалам дневника Мирзы Афшара "Рузнаме-йе сафар-е Петербург" и русским источникам) . . .	6
Басханов М.К. Китайский источник XIX в. о разгроме государства Якуб-бека в Восточном Туркестане	14
Демин Р.Н. "Су вэнь" и "Лин шу" как источники по истории китайской философии	18
Ермаков Д.В. Интерпретация ханбалитских текстов: "Шарх китаб ас-сунна" ал-Барбахари	23
Камалов А.К. "Биография" Пугу Хуайэня как источник для изучения танской политики в отношении "северных варваров"	31
Каплан Г.Х. М.В.Никольский и таблички Блау	36
Куликова А.М. След экспедиции И.И.Биллингса (1785-1793 гг.) в истории востоковедения	43
Пострелова Т.А. Материалы государственных архивов СССР о П.Я.Пясецком	48
Посова Т.К. К библиографии Вишну-пураны	53
Щеглова О.П. Коммерческий каталог бомбейского книгоиздателя как источник для изучения книжной культуры мусульманского общества Ирана и Индии (последняя треть XIX - первое десятилетие XX в.)	58
Яхонтова Н.С. О времени написания одной ранней работы В.В. Бартольда	63

ИСТОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Виноградова Т.И. Сценическая бутафория и предметы реального интерьера на китайской театральной народной картине .	67
Витол А.В. Ф.-М.Вольтер об Османской империи	72
Воробьев М.В. Буддийская обрядность в Японии в VI-VII вв. (по "Нихонги")	76
Дейнека Т.А. Обоснование внешней политики Египта в титулатуре Аменхотпа III	81
Джалилов О.Дж. Отголоски русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в курдском фольклоре	86

Джусаев К.Д. Маршрут похода Елюй Даши	94
Тулина Н.А. Об уголовном праве Танзимата	99
рмаков М.Е. Жизнеописание – житие (буддийский монах в "Гао сэн чжуань" и "Мин сян цзи")	105
Жуков К.А. Ополчения "яя ве мюселлем" в Османской военной организации (XIV–XVI вв.)	110
Западова Е.А. Об изучении Вьетнама в России	117
Климов В.Ю. Крестьянские волнения 1428–1429 гг. в провинции Ямато (Япония)	123
Колесников А.И. Иранцы в "Деяниях" несторианских соборов V–VII вв.	127
Кроль Ю.Л. О двух названиях ремесленных мастерских при Цинь и Хань	132
Кычанов Е.И. О переводе термина "бу" в старых китайских описаниях соседних с Китаем народов	140
Ланьков А.Н. Сословная структура правящего класса в Корее XIII–XVIII вв.	144
Пиотровская И.Л. Проблема задолженности и нефтеэкспортирующие страны персидского залива	149
Пиотровская И.Л. Сколько стоит долг?	156
Попова И.Ф. Танский император Тай-цзун (627–649) об основных принципах взаимоотношений государя и сановников	165
Салахетдинова М.А. Неизвестный документ, составленный в связи с походом шейбанида Абдулла-хана II на Герат в 1578 г.	172
Спирин В.С. "Слава" и "позор" в § 28 "Дао дэ цзина"	176
Тюнь Е.Т. Китайско-чжурчжэньские договоры XII–XIII веков	181
Фихман И.Ф. Новые данные о приписных колонах	186
Французов С.А. Особенности хадрамаутской ридды	190
Ханин З.Я. Об эволюции движения японских париев после Второй мировой войны	195
Шакиб ад-Асбахи. Арабское предание о происхождении химйари-тов	201
Список сокращений	207

Подписано к печати 28.11.88

Усл. п.л. 13,0. Усл. кр.-отт. 13,13

Уч.-изд.л. 12,58. Печать офсетная

Тираж 200 экз. Зак. 348. Цена 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

